U 359/201

НАЧЕРТАНІЕ

СЛОВЯНСКОЙ МИѲОЛОГІИ.

И 359/201

Ф6

НАЧЕРТАНІЕ

СЛОВЯНСКОЙ МИѲОЛОГІИ,

СОСТАВЛЕННОЕ,

ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОСОФІИ,

МИХАИЛОМЪ КАСТОРСКИМЪ,

Адъюнктомъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета по каѳедрѣ Всеобщей Исторіи, Словянскихъ Древностей и Сл. Литературы.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
480243-45

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

по опредѣленію I^го^ Отдѣленія Философскаго Факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета. С. Петербургъ, 10 Февраля 1841 года. Деканъ *Н. Устряловъ*.

2007040103

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава первая. Словянскій народъ; его Миѳологія.

Словяне суть одинъ народъ, коренный Европейскій. Одна его Миѳологія. Возможность составленія Словянской Миѳологіи въ настоящее время. Опыты иноземныхъ писателей ея до 1771 года. Подложные кумиры Маша и гр. Я. Потоцкаго. Миѳологи нашего племени. Задача для писателя Миѳологіи. Методъ Сочинителя 1

Глава вторая. Источники Сл. Миѳологіи.

Историки современные Словянскому язычеству или близкіе къ нему: Прокопій, А. Ибнъ Фодлянъ, Дитмаръ, Адамъ Бр., Гельмольдъ, Саксо Гр., Жизнеописатели св. Оттона, Пр. Несторъ, Косма, Ваце-радъ; Краледворскій Рукописъ. Миѳы. Саги; нѣкоторыя Русскія, Польскія и Чешскія саги 13

Глава третія. Паденіе язычества.

Распространеніе Христіанской вѣры между Словянскими племенами. Кроткая пропо-

вѣдь Греческихъ и Словянскихъ проповѣдниковъ. Уничтоженіе народности Словянской Германскими Христіанами; ихъ собственныя свидѣтельства. Ступени перехода отъ язычества къ Христіанству 25

Глава четвертая. Богъ. Бѣл-богъ, Черне-богъ.

Корень и значеніе слова. Вѣра въ *Единаго Бога*; происхожденіе многобожія; возвышеніе надъ другими богами главнаго бога или бога боговъ. Обедіенціи: Перунова въ Кіевѣ, Радегастова въ Ретрѣ, Свѣтовитова въ Арконѣ. Возвращеніе къ Единому Богу, Пра-богу. Бѣл-богъ, Черне-богъ; не льзя принимать дуализма въ ученіи о Словянскихъ богахъ . 36

Глава пятая. Паромъ, Перунъ.

Форма имени Парома. Прове. Паромъ богъ боговъ Восточныхъ Словянъ. Онъ есть Громовникъ. Миѳъ о Паромѣ. Отношеніе его къ Солнцу, Мѣсяцу, Утреницѣ; сыны божіи, Солнцевы Дѣвы. Змоки или огненные змѣи. Его другія имена: Ярило, Яссъ и, вѣроятно, Стри-богъ, Дажь-богъ

Перунъ, какъ племенный богъ многихъ Словянъ. Кривичи принадлежатъ къ обедіен-

ціи Криве-Кривейто. Преобладаніе Перуна въ Россіи надъ другими богами. Служеніе ему у другихъ племенъ. Сходство служенія Парому съ служеніемъ Свѣтовиту 49

Глава шестая. Радегастъ и Свѣтовитъ. Страны господства ихъ. Извѣстія о древнѣйшемъ служеніи Радегасту. Его описаніе у Дитмара, Адама, Гельмольда, какъ бога боговъ. Соперничество храма его въ Ретрѣ съ храмомъ Свѣтовита въ Арконѣ. Древнѣйшее извѣстіе о служеніи Свѣтовиту. Война за вѣру Ретры съ Арконою. — Господство Арконы. Подробное описаніе храма Свѣтовитова у Саксо Грамматика . . 76

Глава седьмая. Боги племенные. Недостатокъ отличительныхъ свойствъ племенныхъ боговъ по причинѣ преобладанія верховныхъ боговъ. Коренныя черты *характера* и *жизни* Словянъ служатъ нитью при разсмотрѣніи вѣры народной. Гостепріимство Словянъ: Радегастъ, какъ племенный богъ. Зима, или царство *Мурены*, богини смерти; смерть Словянина, жизнь за гробомъ, вызываніе дзядовъ. Переходъ зимы въ весну . 99

Глава осьмая. Диди Лада, или Великая Лада. Форма имени и проименованія; отъ послѣдняго происходятъ другія имена Лады: Дода, Дуда, Дада, Дюнда, Дзидза, Дзидзилія. Пѣсни и хороводы единственные памятники служенія Ладѣ. Почитаніе деревъ и водъ. Древнѣйшія свидѣтельства того и другаго. Лѣшіе, Яга-баба. Русалки, Вилы, ихъ бытъ, и отношеніе къ человѣческому роду . . 121

Глава девятая. Разгары, Святоянскіе огни. Ярило, Турицы, Лель-по-Лель. Стетцъ; праздникъ Купальницы, живой огонь. Свѣтовитъ. Какъ должно писать и понимать имя бога Арконскаго? Руэ-витъ, По-рья-витъ, По-рьянутъ. Лѣто. Дѣва, Дзива, Дѣвана, Прія . 150

Глава десятая. Домовые духи. Осень. Велесъ, богъ скота, почитался у всѣхъ Словянскихъ племенъ. Сага объ Юлинѣ. Домовые, бѣсы, дясы. Пикуликъ, Матога, Влколакъ, Муры, Марасъ-Карасъ, Кикимора. Объясненіе имени Семарглы и Корся. Вѣдьмы; Панъ Чуръ. Священные предметы внутри дома. Совершеніе годоваго круга . 174

ГЛАВА I.

Словянскій народъ, его Миѳологія.

Стремленіе, изъяснить происхожденіе народа и коренныя явленія его духа, увлекало часто писателей среднихъ и новыхъ вѣковъ къ сравненію народныхъ именъ и сказаній съ сказаніями Востока или древними классическими; потому начало исторій народныхъ обыкновенно примыкало къ народамъ извѣстнымъ древности; основанія образованія народнаго выводимы были изъ развитія, уже изъясненнаго Исторіею.

Не недоставало попытокъ подобныхъ выводовъ начала и для Словянскаго народа; насъ выводили отъ Афета (Аппендини), Евреевъ (Френцель), отъ праотцевъ Ѳракіанъ и Грековъ (Фрере), отъ Скиѳовъ (Клечевскій, послѣ Маннертъ), отъ Сарматовъ (Клуверъ, Добнеръ, Суровецкій), отъ Сарматовъ и другихъ народовъ (Іорданъ, Долчи, Гаттереръ), отъ Вендовъ (Гебгарди, за нимъ Карамзинъ). Колларъ въ

своемъ новомъ трудѣ «Слава Богини, 839 Пестъ» всѣ обыкновенія и вѣрованія Словянъ сравниваетъ съ Индѣйскими.

Но эти системы, всегда случайныя, основанныя только на подобіи *многихъ* преданій и значеніи миѳъ, чаще на сходствѣ звуковъ и именъ, никогда на общности знанія этнографическаго и лингвистическаго, естественно не развиты были *вполнѣ* относительно вѣрованій, исторіи и языка народа; въ противномъ случаѣ онѣ разрушились бы уже подъ перомъ самихъ творцевъ; и большая часть ихъ или забыты или, какъ мнѣнія частныя, предоставлены любопытству ученыхъ, которые, пользуясь матеріалами, оставляютъ теоріи и догадки.

Но съ другой стороны и сказанія лѣтописей о нашемъ племени подавали поводъ къ превратнымъ воззрѣніямъ: не раньше какъ въ половинѣ VI столѣтія, Прокопій повѣствуетъ намъ, что Словяне *издревле* (*παλαιον*) называясь Спорами (Srbi, Serble, Добровс. Шлёцеръ), уже подъ особеннымъ правленіемъ, населяли Задунайскія земли; Іорнандъ, другой писатель, современный Прокопію, также, какъ бы желая восполнить молчаніе современниковъ, повѣствуетъ, что Словяне, вмѣстѣ *съ Голядами Леттами, Весью, Мерею, Мордвою, Черемисою*[1] были *въ первой половинѣ IV вѣка* въ подданствѣ Ост-Готеа Ерманарика. Насъ до самаго послѣдняго времени

1) Golthes, Lythas, Wasina, Merens, Mordens, et Sremniscans. Jorn. Get. 23.

(Парро, Галлингъ) почитали народомъ новымъ въ Европѣ, пришедшимъ, *можетъ быть*, съ Гуннами или не задолго до ихъ прибытія въ Европу. Писатели Нѣмецкаго племени, слѣдуя духу своихъ предковъ среднихъ вѣковъ, всегда хвалили наше добродушіе, гостепріимство, семейныя добродѣтели и трудолюбіе, но не удостоивали ставить насъ на ряду съ аборигенами Европы, удерживая за собою какое-то благородство, основанное сперва на удаленіи Нѣмцевъ отъ домашнихъ работъ, отъ городской жизни и—на воинственности, какъ характеризуетъ ихъ Тацитъ; потомъ въ средніе вѣка—на угнетеніи единоплеменнаго класса гражданъ и крестьянъ и на безпомощности Германскихъ Словянъ[2]. Мы сами или долго не умѣли писать, или довольствовались тѣмъ, что намъ напишутъ иноплеменники; такъ шло до послѣднихъ десятилѣтій настоящаго столѣтія.

Но мало по малу чешуя предубѣжденія спадаетъ съ очей пристрастныхъ писателей: явно, что мы коренный Европейскій народъ, который былъ извѣстенъ въ древности иноплеменникамъ, подъ чужимъ для насъ именемъ — именемъ Вановъ, Венетовъ: никто не писалъ, когда и откуда мы пришли; у насъ своя Словянская природа, тѣлесная и духовная, съ особеннымъ развитіемъ въ дѣйствіи и мысли; свой языкъ,

2) Die slawonischen Völker sind wohl aus anderen Stoffen zusammengesetzt als die Deutschen, und ihnen ist eben darum von der Natur eine andere Bestimmung als diesen angewiesen. Neumann: Natur des Menschen, 1815 T. 2. S. 59. 62. Срав. нач. главы: Паденіе Язычества.

носящій въ матеріи и формѣ свою самобытность, основанную на законахъ Европейской Лингвистики и содержащій въ себѣ самомъ намёки ясные на нашу старобытность въ Европѣ; мы немалый, блуждающій народъ: Іорнандъ и Прокопій дивились безчисленному множеству нашего племени; и теперь Словянской породы на свѣтѣ столько-же, сколько и Нѣмецкой (60—70 милл.) Сколько другихъ памятниковъ нашей современности древнѣйшимъ обитателямъ Европы! Изъ корнѳеевъ Исторіи Шлёцеръ первый склонялся почитать насъ аборигенами; Гердеръ сдѣлалъ прекрасную характеристику нашего племени; Добровскій между прочимъ утверждалъ, что Словяне искони жили подлѣ братственныхъ Литовцевъ. Изъ новѣйшихъ — Шафарикъ въ своихъ *Древностяхъ Словянскихъ* разсматриваетъ насъ прямо, какъ коренный Европейскій народъ; Л. Ранке, слава Германской Кліо въ наше время, въ томъ же смыслѣ, съ знаніемъ и теплотою говоритъ и пишетъ объ насъ. Такъ принимаютъ и знатоки языковъ, Раскъ, В. Гумбольтъ, Клапротъ, изъ новѣйшихъ Поттъ, Гриммъ и Боппъ; послѣдніе два писателя очевидно положили послѣднюю печать истинѣ 3).

3) Въ Германіи вспомнили, что важная часть государствъ произошла изъ слiянія Германскаго и Словянскаго элемента, что въ жилахъ жителей ея Восточной половины течетъ почти Словянская кровь. Въ такомъ духѣ трудится Общество для Померанской Исторіи и Древностей.

Въ такомъ смыслѣ я, самъ Словянинъ, предстаю сказателемъ вѣрованій языческихъ цѣлаго нашего племени, сколько ихъ сохранила скупая исторія.

Одинъ Словянскій народъ, одинъ Словянскій языкъ, одна Словянская Миѳологія, не смотря на политическое раздѣленіе, на многія нарѣчія, на многія особенности миѳъ! точно такъ, какъ былъ одинъ народъ и языкъ Греческій съ его миѳологіею; какъ есть и нынѣ племя Скандинаво-Германское, съ его собственнымъ ученіемъ о богахъ. Миѳологія племени должна быть одна уже по необходимости вѣры для человѣка во всякое время, отъ начала его происхожденія: единоплеменный Сербъ не могъ прежде образовать естественной религіи, чѣмъ единоплеменный Ляхъ; и Словянинъ Русскій прежде чѣмъ Чехъ, иначе которое нибудь племя было бы когда либо безъ вѣры, или не было бы Словянскимъ. Миѳологія наша и есть одинакова: Прокопій говоритъ о восточныхъ Словянахъ, что «они признаютъ одного Бога, Господа сея вселенныя, (творца молніи)[4].» Гельмольдъ повѣствуетъ о западныхъ Словянахъ, что они,» при всемъ разнообразіи божественныхъ существъ, не отрицаютъ, что единъ есть Богъ на небесахъ, властвующій надъ прочими богами»[5]. Ахметъ Ибнъ Фодлянъ видѣлъ у Русскихъ Словянъ на Волгѣ также одного главнаго идола,

4) Slavi unum Deum, fulguris effectorem, dominum huius universitatis agnoscunt. Mem. pop. p. 28.

5) Slavi inter multiformia Deorum numina non diffitentur unum Deum in coelis, caeteris imperitantem. I. 84.

окруженнаго меньшими; въ Сѣверной Германіи о достоинствѣ *бога боговъ* спорили Радегастъ Ретрскій и Свѣтовитъ Арконскій и пр. (см. ниже.) Реестры нашихъ боговъ почти сходны у Нестора, Вацерада, Гельмольда, въ пѣсняхъ Словакскихъ, Русскихъ, Чешскихъ и пр. Если характеры боговъ не такъ ясны, то больше отъ недостатка памятниковъ, чѣмъ отъ противорѣчія. Но единство Словянской Миѳологіи мы яснѣе увидимъ изъ самаго изложенія.

Но извѣстно, что мы не имѣемъ еще системы о Словянскихъ богахъ; еще въ лѣтахъ отрочества я читалъ пророчество[6] о невозможности моего дѣла. Но что же? удивительный Словакъ въ наше время обновилъ древность нашихъ *общихъ* предковъ, воскресивъ ихъ изъ тысящелѣтнихъ гробовъ; лѣтописи наперекоръ иноземнымъ излагателямъ заговорили за насъ, какъ коренныхъ дѣятелей Европы, совершающихъ *общую* задачу; пришло въ общее сознаніе, что *различныя* Словянскія нарѣчія суть нарѣчія *одного* Словянскаго языка, и лексиконы Юнгмана, Линде, Россійской Академіи, Вука, Мурко суть, по своей матеріи, одинъ и тотъ же лексиконъ словъ различныхъ формъ и употребленія. Наконецъ Словянскія пѣсни, читаемыя съ удивленіемъ всею Европою, раскрыли глубокое чувство нравственности и внутренней красоты Словянскаго народа; когда прояснили древность Словянскаго народа, его исторію, права, языкъ въ его на-

6) Кратк. Обозр. Миѳ. Сл. Росс. Строева. 1815.

рѣчіяхъ, нравы и духъ, составляющіе его *общность*, стала возможна и Миѳологія.

О богахъ Словянскихъ писали и иноплеменные и наши: Писатели иноплеменные 1771 годомъ раздѣляются, по моему мнѣнію, на двѣ половины: къ первой относятся Гваньинъ † 1614; Бангертъ † 1665; Шедіусъ † 1641; Арнольдъ † 1685; Мазій † 1709. Оба Френцеля ок. 1719, Гроссеръ ок. 1714. Кнаутъ † 1767, и м. д. Незнакомые съ полною жизнію Словянъ, холодные къ описываемому предмету и народу, они ограничивались лишь сказаніями древнихъ Нѣмецкихъ лѣтописей, незаботясь о другихъ источникахъ и другихъ племенахъ Словянскихъ; не зная нашего языка, часто худо читали, еще хуже писали имена собственныя, не опуская однако своихъ дурныхъ филологическихъ изъясненій, основываемыхъ обыкновенно на томъ, что кто зналъ. Такъ Suiti-bor (Святый боръ) Дитмара даже до настоящаго времени играетъ роль особеннаго провинціальнаго бога; хроника Мерзебургская мѣстомъ почитанія его назначаетъ Мерзебургъ и повѣствуетъ, что *идолъ* сожженъ Епис. Вигбертомъ; другой писатель Маннъ *тоже* относитъ къ Гроссенгайну и ставитъ имя другаго Епископа. Такія толкованія и прикрасы толковниковъ, которые послѣ ставились на ряду съ коренными извѣстіями, часто доходятъ до невѣроятности по недостатку всякаго основанія; сюда относятся замѣчанія на Гельмольда Бангерта и рисунки Словян-

скихъ боговъ у Гроссера Markgr. O. u. N. L. histor. politisch. Merkwürdigkeiten, 1714. T. II.

Но самую нерадостную эпоху въ исторіи Словянской Миѳологіи сдѣлали Нѣмецъ Машъ и Польскій графъ И. Потоцкій, представившіе свѣту собраніе грубыхъ, уродливыхъ фигуръ, съ руническими надписями. Это сокровище, будто найденное, близъ нынѣшней деревни Прилльвицъ, близъ новаго Брандербурга, описанное и отгравированное въ двухъ книгахъ [7] и выставленное въ Нейстрелицкомъ собраніи древностей, названномъ Георгіумъ, есть не что иное, какъ грубый и злобный подлогъ: сочиненіе графа Потоцкаго признано поддѣлкою по судебному приговору; первая часть, выданная Машемъ, которую наряженная коммисія въ Нейстрелицѣ ни осудила, ни оправдала, принадлежитъ очевидно сюда же по самому протоколу открытія и по грубости поддѣлки, на пр. по употребленію позднѣйшаго Нѣмецкаго правописанія въ надписяхъ, какъ это изъяснилъ Шафарикъ [8]. Къ этому же классу относитъ Шафарикъ и Friderico-Franciscium v. Schröter, Rostock. u. Leipz. 1824.

7) Masch's u Wogens gottesdienstliche Alterthümer der Obotriter aus d. Tempel zu Rhetra, Berl. 1771. Potocki: Voyage dans quelques parties de la basse Saxe, Hamb. 1795.

8) Čas. Česk Mus. 1837, Sw. 1. Neue Pomm. Provinz. Bl. Th. IV. V. 150. Viert. Jahresb. der Gesellsch. für die Pomm. Gesch. u. Alterthumsk. Strassb.

Но къ несчастію обману вѣрили цѣлыхъ 60 лѣтъ, не смотря на усилія критиковъ открыть обманъ [9]. Въ нашей Миѳологіи явились львы, жабы, ящерицы и пр., мнимыя принадлежности страшнаго божества; сначала увлекся ученый Тунманъ, за нимъ другіе менѣе самостоятельные: Гебгардп, Леклеркъ, Горчанскій, Моне, Раушникъ, Крейсслеръ, Прейскеръ и др.[10].

Главный недостатокъ *писателей Словянскаго племени* состоялъ въ томъ, что они смотрѣли на себя чужими, не Словянскими глазами, или хорошо понимая моменты отечественной Миѳологіи, совершенно отрывали ее отъ общей Словянской. Такъ нашъ великій Историографъ, еще не окрѣпшій при началѣ своего труда, въ общихъ понятіяхъ о Словянахъ слѣдовалъ самому близорукому Нѣмцу Гебгардп; слѣдуя своему доброму инстинкту, Карамзинъ выпустилъ очень удачно многія клеветы оригинала, но, проникнутый духомъ древностей Маша и Потоцкаго, написалъ строки, которыя будутъ читать еще цѣлыя поколѣнія: «Греки хотѣли, кажется, любить своихъ идоловъ, изображая въ нихъ примѣры человѣческой стройности, а Словяне только *бояться*; первые обожали красоту и пріятность, а вторые *одну силу* и, еще недовольствуясь собственнымъ противнымъ видомъ истукановъ, окружали ихъ гнусными изображеніями ядовитыхъ животныхъ!» Вотъ характеристика Словянской Миѳологіи!

9) Особенно Rüh въ Gesch. des Mittelalters. 794.

10) Cf. Neues Laus. Mag. VI. 3. 1827, S. 305.

Впрочемъ въ Словянскихъ земляхъ обработывали отечественную Миѳологію уже въ лучшемъ, направленіи. Труды Стредовскаго, Ласицкаго, Ломоносова, Попова, Лингарта, Нарушевича, Чулкова, Кайсарова начали прояснять отечественную Миѳологію: труды Строева, Руссова, Ткапова, Булгарина, Снѣгирева, Антонина Юнгмана, Сахарова, особенно Коллара предвозвѣстили ей новыя времена; опытъ Шафарика о Русалкахъ научилъ, какъ приступить къ выполненію задачи; хорошею провинціальною Миѳологіею Померанiи мы обязаны новѣйшему ея историку Бартольду. (Гамбургъ 1839.) Эти недостатки Миѳологіи Словянской опредѣляютъ мѣсто будущему ея писателю. Изъ приведенныхъ сочинителей, кромѣ нѣкоторыхъ самыхъ послѣднихъ, придется не много воспользоваться: главная его задача, какъ выразилъ и Шафарикъ въ сочиненіи о Русалкахъ, — соединить *всѣ* достовѣрныя, какъ современныя, такъ и близкія къ временамъ язычества сказанія, къ вѣрованію Словянскаго народа относящіяся, во *всѣхъ* его племенахъ; для вывода цѣлаго *сравнить* ихъ между собою, и съ другими *останками* древности, какъ своими, такъ и иноплеменными; эти останки содержатся въ многочисленныхъ Словянскихъ *пѣсняхъ*, *поговоркахъ*, въ исчезнувшихъ или еще живущихъ обычаяхъ народныхъ, общихъ всѣмъ или многимъ племенамъ, и главнымъ образомъ въ употребленіи *словъ въ нашемъ* богатомъ *языкѣ*. Такъ создалъ Миѳологію своего племени славный Нѣмецкій филологъ Гриммъ, котораго мы Словянскіе ми-

ологи, по необработанности предмета еще, долго съ стыдливостію будемъ звать нашимъ недостигаемымъ образцемъ!

Разсматривая ученіе о Словянскихъ богахъ и вѣрованія нашихъ предковъ, я не искалъ сравненія съ вѣрованіями другихъ народовъ, конечно любопытнаго, но лишь, по моему мнѣнію, смѣшивающаго, особенно при нетвердости самыхъ иноземныхъ мнѳологическихъ системъ, оттѣнки повѣрій народныхъ. Словяне, какъ самобытный коренный народъ имѣли и свое первобытное состояніе: на этомъ основаніи умъ Словянина извнутри себя и изъ своихъ свойствъ народныхъ развилъ свои коренные феномены и высказалъ свои понятія на своемъ языкѣ. Ежели и онъ усвоивалъ понятія и вѣрованія другихъ народовъ, то пріобрѣтенное принадлежало ему и, въ новомъ соединеніи, не было тѣмъ, чѣмъ было прежде. Общественная жизнь народа въ томъ и состоитъ, что она, опредѣляясь сама собою, все занятое или внѣшнее превращаетъ въ себя, въ свою самобытную субъективность, отдѣляющуюся отъ другихъ самобытностей. А мнѳологія народа конечно есть главное звѣно общественной жизни: Богопочитаніе, религіозный взглядъ народа есть выраженіе, какимъ образомъ онъ самъ способенъ понять Высочайшее и Всеблагое Существо, руководясь собственною природою, своимъ образованіемъ и сознаніемъ, опредѣленнымъ мѣстностію и временемъ. Строгость такой системы мнѣ кажется требованіемъ отдѣльной

самобытности Словянской жизни. — Такимъ образомъ я не иду вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленнымъ классомъ писателей, которые, усвоивъ главныя явленія вѣрованій всѣхъ народовъ, легко по философскимъ началамъ отъ одной религіи переходятъ въ другую. Здѣсь, при всей учености и остроуміи писателей, къ несчастію часто одно новое открытіе въ Миѳологіи какого нибудь народа ниспровергаетъ все зданіе, воздвигнутое съ великимъ трудомъ.

Тѣмъ менѣе можно одобрить методу тѣхъ миѳологовъ, которые, нашедъ сходство въ явленіяхъ, въ именахъ у разныхъ народовъ, здѣсь уже оканчиваютъ свой трудъ, какъ будто совершили что нибудь окончательное, на пр. что семь Кіевскихъ боговъ (!) были выходцы Еллино-Римскіе! — Греки многое заняли отъ Сирянъ и Египтянъ и какъ отличны ихъ вѣрованія! Миѳологъ не есть химикъ, но творецъ; легко анализировать тѣло, но трудно дать ему первобытный видъ стройности. Само собою слѣдуетъ, что каждое положеніе я обязанъ подтвердить достовѣрнымъ свидѣтельствомъ древности или кореннаго народнаго преданія: безъ того всякій ученый трудъ не имѣетъ основательности; въ этомъ смыслѣ дѣло мое да будетъ началомъ дальнѣйшихъ миѳологическихъ изслѣдованій.

—

ГЛАВА II.

Источники Словянской Миѳологіи.

Къ главному разряду относятся сказанія о вѣрѣ нашихъ праотцевъ, сообщенныя намъ *историками*, *современными* язычеству или *близкими* къ нему. Сказанія эти кратки, сдѣланы какъ будто изъ роскоши: такъ Дитмаръ, Еп. Мерзебургскій, признается, что ему противно говорить о богахъ Словянскихъ (Кн. VI). Читая ихъ надобно различать:

a) Время жизни историка и язычество современное его разсказу. Во времена Прокопія вѣра Словянъ была другая, чѣмъ во времена Гельмольда, когда язычество развило полную іерархію и достигло своего зенита.

b) Вѣрованіе самаго историка. Прокопій, имѣющій въ виду Миѳологію своихъ предковъ, удивляется, что Словяне не знаютъ *судьбы* [1]. Суевѣрный Дитмаръ, вѣрившій въ явленія мертвыхъ, духовъ, которыхъ онъ самъ бывалъ свидѣтелемъ, и что безъ всякаго удивленія подтверждала его тетушка Бригита (Кн. 1.), послѣ такихъ разсказовъ въ своей хроникѣ, удивляется, какъ Словяне, его сосѣди и духовныя чада, думаютъ, будто со смертію всё кончится! Гельмольдъ переводитъ

1) Fatum minime norunt, ne dum illi in mortales aliam vim attribaunt. Mem. pop. p. 28.

Чернебога *діаволомъ* и своимъ описаніемъ подалъ Нѣмецкимъ систематикамъ поводъ къ введенію въ нашу Миѳологію Персидскаго дуализма. Саксонскіе Христіане, побѣдители Балтійскихъ Словянъ, желали, чтобы Словяне, обвиняемые въ преступленіи, испытываемы были раскаленнымъ *желѣзомъ*, между тѣмъ они хотѣли очищаться по старинѣ, *клятвою при деревьяхъ, источникахъ и скалахъ*[2]. Преподобный Несторъ съ излишнею любовію говоритъ о племени Полянъ, первомъ разсадникѣ Православія въ Россіи. Ахметъ Ибнъ-Фодланъ, какъ Магометанинъ, находитъ у Руссовъ Верховнаго Визиря и говоритъ, что истуканы, окружавшіе на Волгѣ главный истуканъ, были его жены и наложницы и пр. — Къ этому классу главнѣйшимъ образомъ относятся:

1) Прокопій, историкъ и софистъ Кесарійскій, Секретарь при Велизаріи, послъ Сенаторъ и Префектъ Цареградскій, знавшій преимущественно южныхъ Словянъ, въ своей *Исторіи о войнѣ Готѳской* помѣстилъ короткія, но драгоцѣнныя сказанія о вѣрѣ Словянъ. Изъ позднѣйшихъ писателей Византійскихъ сюда относится нѣсколько мѣстъ изъ Константина Порфирородnаго и Халкокондилы.

2) Дитмаръ, Еп. Мерзебургскій, изъ древняго рода Саксонскихъ Графовъ (ск. 1018 году), описалъ

2) Et vetavit Comes Ducis Saxoniae ne Sclavi de caetero iurarent in arboribus, fontibus et lapidibus, sed offerent criminibus pulsatos sacerdoti *ferro et vomeribus* examinandos. Helm. I. 26.

въ своей *Хроникѣ* святилище Редарянъ и другія суевѣрія Полабскихъ Славянъ.

3) Адамъ Бременскій, каноникъ въ Бременѣ, жившій въ одиннадцатомъ столѣтіи (ок. 1070), въ своей *Церковной Исторіи Бременскаго округа и Сѣверныхъ странъ* отъ Карла В. до Генриха IV, упоминаетъ о Ретрѣ, Юлинѣ, Рюгенѣ и пишетъ о войнахъ Балтійскихъ Славянъ за первенство главнаго бога.

4) Гельмольдъ, пресвитеръ въ Босовѣ, недалеко отъ Плёнскаго озера близъ Любека, путешествовавшій въ двѣнадцатомъ столѣтіи лично съ Епископомъ Вицелиномъ по Вагріи для обращенія языческихъ Вагировъ, есть важный и безпристрастный повѣствователь Славянскихъ нравовъ и жизни. Его *Хроника Славянъ* идетъ отъ 785 до 1170. Ее продолжали Арнольдъ, Аббатъ Любскій до 1209, и безъимянный пресвитеръ Бременскій до 1448 года.

Альбертъ Стаденскій, Аббатъ въ Стаде, послѣ Генералъ Францисканскаго ордена въ половинѣ 13-го вѣка, какъ компиляторъ двухъ послѣднихъ, важенъ при разности чтенія.

5) Саксо Грамматикъ, жившій въ двѣнадцатомъ столѣтіи при Датскомъ дворѣ, принималъ, какъ вѣроятно, личное участіе въ войнахъ Датчанъ съ обитателями Померанія, подъ предводительствомъ Епископа Авессалома, и сообщилъ намъ въ своей «*Датской исторіи*» сказаніе о разрушеніи служенія Свѣтовитова. Писатель, одаренный способностію наблюденія и образованный.

6) *Жизнеописаніе св. Оттона,* Апостола Померанскаго въ двѣнадцатомъ столѣтіи, составленное безъимяннымъ писателемъ, спутникомъ Епископа. — Гораздо позднѣе сказанія, сообщенныя Бамбергскимъ монахомъ и потомъ аббатомъ Андреемъ, (въ концѣ XV столѣтія) въ «жизнеописаніи св. Оттона (Vita S. Ott.), въ которомъ онъ во многихъ книгахъ разсуждаетъ о свойствѣ земли, правахъ и характерѣ жителей, равно и объ ихъ обращеніи къ Христіанской вѣрѣ.—Третіе жизнеописаніе св. Оттона, составленное *Енделихеромъ*, доставлено Добровскимъ Померанскому Обществу Исторіи и Древностей и напечатано въ III его отчетѣ.

7) Несторъ (1056—1119), монахъ Печерскій, въ своей лѣтописи частію исчисляетъ, частію и описываетъ боговъ Русскихъ Словянъ.

8) Косма Каноникъ Пражскій, современникъ Нестора, въ своей *Хроникѣ Богемцевъ* описываетъ язычество Словянъ Чешскихъ.

9) Ахметъ Ибнъ-Фодланъ, посланный въ 922 г. Калифомъ въ Камскую Булгарію, видѣлъ Русскихъ купцевъ на Волгѣ и сообщилъ важныя свѣдѣнія объ ихъ законѣ и подробно описалъ тризну. Изъ Слов. Якута, писателя XIII стол., изд. Френомъ. Сюда же можно отнести

10) Чешскаго Глоссатора Вацерада; онъ въ своемъ словарѣ: Mater verborum, изъясняя съ удивительною вѣрностію Римскія миѳологическія имена Словянскими, доставилъ намъ симъ путемъ пол-

ный реестръ Слов. боговъ. Высшей важности древнѣйшія стихотворенія Чеховъ открыты въ 1817 году Вяч. Ганкою въ Кёнигингофѣ въ рукописи, писанной, по Добровскому, въ концѣ тринадцатаго столѣтія, но, по содержанію относящейся гораздо къ древнѣйшему времени: въ главномъ стихотвореніи пѣвецъ Словянскій и герой поэмы, Забой, собравъ старѣйшинъ, въ уединенную долину, оплакиваетъ въ трогательной пѣсни паденіе вѣры своихъ отцевъ и послѣ, предводительствуя языческими жителями, выгоняетъ Нѣмцевъ изъ своего отечества; стихотвореніе первоначально писано очевидно язычникомъ. Ганка выдалъ его подъ именемъ Краледворскаго Рукописа.[3] Нашъ памятникъ Словянской поэзіи, къ концу двѣнадцатаго вѣка, «Слово о полку Игоревѣ» содержитъ также нѣкоторыя имена и понятія миѳологическія.

Древнія Россійскія стихотворенія, приписываемыя Киршѣ Данилову (Москва 1818), составляютъ также вѣрный отголосокъ старины. Намъ недостаетъ только древнихъ сказаній о вѣрѣ Польскаго народа; Винцентъ Кадлубекъ сообщаетъ только нѣсколько сагъ, которыми, какъ извѣстно, очень трудно воспользоваться. По недостаткѣ древнихъ извѣстій и здѣсь отчасти замѣняется позднѣйшими писателями XIV и XV вѣка,

3) Я также занимаюсь этимъ памятникомъ; подлинникъ и наше древнее стихотвореніе «Слово о полку Игоревѣ» уже отпечатаны въ Прагѣ буквами Кирилловскими, *приближенными* Шафарикомъ къ древнимъ шрифтамъ; остается составить грамматику и лексикончикъ этихъ памятниковъ.

Длугошемъ, Кромеромъ, Стрыйковскимъ и пр., заимствовавшими свои свѣденія о нашемъ предметѣ изъ народныхъ преданій и пѣсней, вполнѣ принимаемыя разборчивою критикою. Для южныхъ Словянъ послѣ Прокопія остаются руководителями ихъ пѣсни, часто носящія на себѣ ясный характеръ глубокой древности, и—народные обычаи; пѣсни Словакскія (изд. Колларомъ) сохранили для насъ ничѣмъ незамѣнимую характеристику многихъ божествъ.

Важный классъ сказаній составляютъ миѳы и саги. Чистыхъ *миѳовъ*, въ смыслѣ Гезіодовыхъ или сѣверныхъ эддъ, къ величайшему сожалѣнію, до насъ почти не дошло, хотя несомнѣнно, что онѣ существовали. Такъ Гельмольдъ говоритъ, что главный богъ господствовалъ надъ низшими, что сіи боги, исполнявшіе ввѣренныя имъ должности, *произошли отъ крови его* и считались тѣмъ выше, чѣмъ были ближе къ богу боговъ (Кн. I. 84); это подтверждаетъ и Ахметъ И. Фодл., окружающій главнаго идола на Волгѣ женами и наложницами; многіе наши боги въ Литовской Миѳологіи состоятъ въ родствѣ другъ съ другомъ. И такъ мы имѣли Теогонію, которая до насъ не дошла совсѣмъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть намёки о происхожденіи человѣка изъ портной вѣтошки, брошенной Богомъ на землю; о двухъ миѳахъ о Перунѣ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Гораздо болѣе область *саги*, или сказанія уже историческаго, но съ основаніемъ миѳическимъ: исторія Словянскихъ государствъ почти во всѣхъ пле-

менахъ, какъ и вездѣ, начинается также сагами. Я представляю нѣсколько главнѣйшихъ, правда извѣстныхъ, сагъ, *по моему извлеченію изъ памятниковъ.*4)

Олегъ Вѣщій, подступивъ подъ Царьградъ «сотворп *кони и люди бумажны*, вооружепны и позлащены и пусти на воздухъ, на градъ. Видѣвъ Греци, убояшася.... нѣсть се Олегъ, *но св. Димитрій* посланъ отъ Бога на ны.» 5)

Непреложность предсказанія волхвовъ; змѣя. Смерть Олега.

Мщеніе Ольги, мщепіе, дѣло священное для Словянъ, извѣстно и попынѣ у Стпрійскихъ Словянъ, подъ напмепованіемъ osweta, oswetiti se. Баня, о которой упоминается здѣсь и при случаѣ путешествія А. Андрея, повторяется послѣ какъ мовница Бога до сотворенія имъ человѣка; въ Мпѳологіи Литовской пѣкоторые Боги также паслаждались удовольствіями купанья.

Гнѣвъ Перуна: Феофанъ же устрѣте Русь въ лядѣхъ со огнемъ и пущати нача трубами огнь на лодьѣ Русскія и бысть видѣти *страшно чюдо*. Тѣмъ же пришедшимъ въ землю свою и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнемъ огни; *якоже молонья рече, иже на небесѣхъ.*

4) Изъ Русскихъ историковъ Г. Полевой первый обратилъ особенное вниманіе на саги Нестора. П. Р. Н. Т. II.

5) П. Р. Г. Т. I. пр. 9. Др. Рос. В. X. VI. 54.

Пѣвецъ, внукъ Велесса, любимецъ боговъ. Въ Словѣ о полку Игоревѣ сага о *Боянѣ* Вѣщемъ, внукѣ *Велеса* подробно не изложена; въ Краледворской Рукописи (Забой. 45,) славится пѣніемъ Луміръ, «кый словами и пѣніемъ погыбалъ Вышеградъ и всѣ власти; пѣвце добра, говоритъ далѣе поэма, *милую Бози*, отъ нихъ дано имъ пѣть въ сердце противъ враговъ.»

«*Вѣтри*, *внуки* бога *Стри* или воздуха, вѣютъ стрѣлами съ моря на храбрые полкы Игоревы.»

Вѣща душа въ тѣлѣ. Бысть Всеславу (Кн. Полоцкому) матери родивши язвено на главѣ его; рекоша *волсви* матери его: се язвено: навяжи напь, да носитъ (è) до живота своего, еже носитъ Всеславъ и до сего дне на себѣ; сего ради не милостивъ на кровопролитье.[6]

Всеславъ подперся клюками на предѣлы свои и скочилъ къ городу Кіеву; оттуда въ полночь лютымъ звѣремъ, въ Бѣлѣградѣ повѣсился на *синій туманъ* и, когда разсвѣло, воздушными махинами отворилъ ворота Новгорода; съ Додутокъ скочилъ до Немиги; ему въ Полоцкѣ рано звонили въ колокола къ заутрени и онъ Кіевскій звонъ слышалъ. Аще и *вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ*, нъ часто бѣды страдаше.[7] Подобные *оборотни* въ др. Рос. стих. стр. 46, 69, 104 и пр. Существо оборотня описано въ слѣдующемъ мѣстѣ: «се же есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу: первая

6) И. Г. Р. II. пр. 118.

7) Сл. о П. И. V. 5. XI. 10, изд. Макс.

книга Плартолой, рекше Острологъ, 2) Остроиомія, 3) Землемѣріе, и Чаровникъ, въ нихъ же суть вся двападесять опромѣтныхъ лицъ звѣриныхъ и птичьихъ, се же есть первое, *тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ и вороиомъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ.* [8])

Сага *о пожертвованіи жизни другою* половиною брачной четы по смертп первой, какъ повѣствуетъ св. Бонифацій, Имп. Маврицій,[9]) и Дптмаръ (VIII), въ искаженномъ видѣ осталась въ *древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ*, въ пѣсни *Потокъ Михайло Пвановичь*. Когда умерла еретпца, его молодая жена, Потокъ, по *предварительному съ нею договору*, съ конемъ и съ сбруею ратною опустился въ туже могилу *глубокую*, но онъ въ могилѣ сражается съ гадами земными и убилъ змѣя великаго, который его жегъ и палилъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ, намазавъ змѣиною головою тѣло Авдотьино, пробудилъ ее изъ мертвыхъ; ихъ выкопали, поповпли святой водой и велѣли жить по старому; но когда Потокъ состарѣлся и переставился, тогда попы церковные, по прежнему обѣщанію супруговъ, его Потока похоронили, и съ нимъ Авдотью Лиховидьевну живую зарыли во сыру землю. То старина, то и дѣянье!

Нѣчто подобное находимъ и у Польскихъ историковъ:

8) Іоанн. Экс. Болгар. прпб. XV. Срав. Гл. VII. Морена.

9) Ad Ethiboldum. Bibl. M. Patrum Lut. 1677. Strat. II. 5.

Ванда, дочь Крака, была прекрасна тѣломъ и душею; одинъ Князь Алеманнскій, вторгнувшійся въ предѣлы ея государства, отраженъ былъ не оружіемъ, но сверхъестественною красотою Королевы. Войско, Алемановъ, усмотрѣвъ ее предъ собою, какъ бы пораженное лучами солнца, отступило; князь ихъ, сраженный любовію, или негодованіемъ, или вмѣстѣ тѣмъ и другимъ чувствомъ, вскричалъ: да властвуетъ Ванда на морѣ, Ванда на землѣ, Ванда въ воздухѣ! *предалъ себя богамъ Ада* и, падши на обнаженный мечь, испустилъ духъ. 10)

Позднѣйшіе писатели прибавили, что и Ванда, давшая обѣтъ безбрачности, повергласъ въ волны Вислы, наскучивъ убѣжденіями вольможъ къ брачной жизни. 11)

Нарушеніе права гостепріимства. Могилы Оскольда и Дира.

Попелъ Государь слабый и изнѣженный отказался угостить двухъ странниковъ, празднуя постриженны своихъ дѣтей. Странники удалились въ жилище Пяста, простаго земледѣльца и *Репицы или Репихи*, которые также хотѣли постригать своего сына; гости умножаютъ чудесною силою медъ и мясо хозяина, припасъ былъ такъ великъ, что при-

10) Такая красавица есть и въ Сербскихъ пѣсняхъ: «дѣвица покрай горы стояла, отъ личика ея гора сіяла, отъ личика и зелена вѣночка; тутъ проходили войска Царевы, всѣ войска привѣтствуютъ дѣвицу. «Matth. Chol. I 4. Срп. пес. I. 528.

11) Vinc. Kadl. v. Ossolinsky, üb. v. Lilde; Lelevel üb. Mth. Chol.

гласили Короля и его дворъ; въ присутствіи всѣхъ постригли сына и назвали его *Земовитъ*; Царь Царей возвелъ гостепріимнаго крестьянина на высшую ступень счастія. Земовитъ былъ родоначальникъ знаменитаго дома Пястовъ.[12]

Начало Исторіи Чешскаго народа также содержится въ сагахъ: древнѣйшая есть Либушинъ Судъ, составляющій первый памятникъ Чешской Литтературы: Косма Пражскій († 1125) о началѣ Чешскаго народа сообщаетъ также только одни Саги, на основаніи которыхъ, позднѣйшіе Историки, Далемилъ († 1314), а особенно Гаекъ († 1546) создали міръ до историческаго времени Чеховъ, исполненный всѣхъ прелестей воображенія.

Переселеніе Чеха чрезъ три рѣки въ тучную землю Чешскую безъ подробностей. [13]

Крокъ или *Кракъ*, лице извѣстное всѣмъ западнымъ племенамъ, спасаетъ въ землѣ Лехитовъ страну отъ дракона Вавельскаго; Чехами, за добродѣтель, мудрость и справедливость поставленъ народнымъ Судіею. Онъ имѣлъ трехъ дочерей:

«Старшая *Кази* владѣла тайнами травъ и волшебствомъ пѣснопѣній;» богиня смерти, повинуясь могуществу травъ, часто прекращала свою роковую работу: ея пѣснямъ часто повиновались судьбы.» Во время Космы, Чехи, отчаиваясь что нибудь найти,

12) Matth. Chol. I. 14. Mart Gallus, 59.

13) Saud Libuš.

говорили: «*Этаго не найти и Кази.*» Она прешла въ другой міръ и'жители земли, въ память своей Государыни, насыпали высокую могилу на берегахъ рѣки Мяси, во области Вехинѣ, близь горы Оссека.

Другая дочь Крака *Тета*, которой имя доселѣ напоминаетъ замокъ Тетинъ близь Берауна, научила простый и несмысленный народъ поклапяться *Оредамъ*, *Дріадамъ* и *Гамадріадамъ*, ввела богослужебные обряды и въ нихъ наставляла. «Подобно тому, какъ доселѣ многіе поселяне, говоритъ Косма, еще языческіе, преданы идолопоклонству: одинъ поклоняется влагѣ и огню, другой рощамъ и деревьямъ или камнямъ, третій служитъ горамъ и холмамъ: иный умоляетъ рукотворенныхъ глухихъ и нѣмыхъ идоловъ, чтобы управляли имъ и его домомъ.[14])»

Съ именемъ третьей дочери *Либуши*, младшей по рожденію, но старшей по уму, связаны двѣ прекрасныя саги объ отношеніи женскаго пола къ мужескому, первая, *объ Либушиномъ судѣ*, вторая *о войнѣ*, возгорѣвшейся *между женщинами* и *мущинами* послѣ ея смерти. Судъ женщинъ надъ мущинами[15]) оканчивается тѣмъ, что Либуша должна была избрать супруга; во второй сагѣ, отважныя бунтовщицы противъ мущинъ побѣждены собственнымъ сердцемъ. Et ex illa tempestate post obitum principissae Lubossae sunt mulieres *nostrates* virorum sub potestate.[16])

14) Cosm Prag. 1. p. 12. ed Dobr.

15) Cosm. p. 16. Saud Libušin, при Кралевод. Рук. Ганки.

16) Cosm. p. 22.

ГЛАВА III.

Паденіе язычества.

Богатство матеріаловъ для Миѳологіи зависѣло отъ ранняго или поздняго обращенія разныхъ Словянскихъ племенъ къ вѣрѣ Христіанской, отчасти отъ духа исповѣданія, принятаго тѣмъ или другимъ племенемъ. Латинское Богослуженіе изгоняло письменное употребленіе народнаго языка и съ тѣмъ сглаживало свѣжесть его преданій.

Изъ Словянскихъ народовъ прежде всѣхъ приняли Православное Греческое исповѣданіе естественно Словяне, жившіе въ подданствѣ Византійскаго Императора и Великихъ Князей Булгарскихъ. Сербы и Хорваты обязались принять Св. крещеніе уже при своемъ прибытіи въ страну, послѣ ими населенную, т. е. въ первой половинѣ VI вѣка. Къ концу седьмаго столѣтія (692), на Трулянскомъ Соборѣ въ Константинополѣ, запрещаются языческія празднества Словянскія. Въ осьмомъ ст. Христіанство утвердилось у Хорутанъ.

Въ 855 году Константинъ, по свидѣтельству монаха Храбра, изобрѣлъ Словянскую азбуку; а въ 861 приняло крещеніе племя Булгаровъ, господствовавшее надъ Булгарскими Словянами.

Еще въ концѣ осьмаго столѣтія, по паденіи царства Аваровъ, Словянамъ Моравскимъ и Паннонскимъ проповѣдуемо было Евангеліе съ Запада, но утверждено вполнѣ и распространено какъ въ Моравіи, такъ и въ Чехіи Кирилломъ и Константиномъ, прибывшими сюда 862 съ письменами и переводомъ Свящ. книгъ изъ Болгаріи, при Великомъ Князѣ Ростиславѣ; преемникъ сего князя Святополкъ былъ Карломъ Мартеломъ югозападныхъ Словянъ.

965, принялъ св. крещеніе въ Гнѣзнѣ Мечиславъ I Польскій отъ Чешскихъ духовныхъ; 988, Св. Владиміръ изъ Царяграда, отъ Святителей Греческихъ.

Во всѣхъ Словянскихъ земляхъ Христіанство, какъ тихій свѣтъ, озарило жителей, живо чувствовавшихъ преимущество новой вѣры и обращаемыхъ или Греческими Святителями, которые руководились духомъ кротости и любви, или Христіанами единоплеменными, которые понимали языкъ и свойства народа обращаемаго: такъ Христіанской вѣрѣ учили въ Польшѣ Чехи, въ Помераніи Поляки, въ Россіи отчасти Болгарскіе Словяне.

Суровую противоположность представляетъ проповѣдь Германцевъ, тогда представителей западнаго Христіанства. Тогда какъ Христіанская вѣра давно процвѣтала въ Болгаріи, Сербіи, Моравіи, въ Чешской землѣ, въ Польшѣ, Россіи, она утвердилась въ Сѣверной Германіи не раньше двѣнадцатаго столѣтія и притомъ по уничтоженіи политическаго бытія Сло-

вяпъ и даже ихъ истребленія, потому, что цѣль проповѣдниковъ была только — сборъ десятины и налоговъ, потомъ наложеніе глубокаго рабства.

Этотъ переходъ Словянъ сперва къ угнетенію, потомъ къ рабству, наконецъ къ ничтожеству, описываютъ намъ сами поработители: [1] «Я слышалъ, говоритъ Адамъ Бременскій, что Словянскіе народы, безъ сомнѣнія уже давно были бы обращены въ Христіанскую вѣру, если бы тому не препятствовало корыстолюбіе Саксонцевъ, которыхъ душа больше чувствуетъ *охоты къ полученію десятинъ*, чѣмъ къ обращенію язычниковъ. Жалкіе не хотятъ понять, какихъ опасностей стоитъ намъ ихъ жадность: они новообращенныхъ Христіанъ въ Славоніи *сперва возмутили корыстолюбіемъ*, потомъ покоривши, *довели до бунта жестокостію*, и теперь, ища только денегъ, нерадятъ о спасеніи тѣхъ, кто бы и захотѣлъ увѣровать!» Въ этомъ духѣ пресловутый Маркграфъ Геро, зазвавъ на пиръ *тридцать* Словянскихъ князей, умертвилъ всѣхъ вѣроломно! [2] Жестокости герцога Бернгарда

1) Ad. Brem. III. 25. Audivi etiam... populos Slavorum jam dudum procul dubio facile converti posse ad christianitatem, nisi Saxonum obstitisset avaritia, quibus mens proniór est ad pensiones vectigalium, quam ad conversionem gentium. Nec attendunt miseri, quantum suae cupiditatis luant periculum, qui christianitatem in Slavania primo per avaritiam turbaverunt, deinde per crudelitatem subjectos ad rebellandum coëgerunt et nunc salutem eorum, qui credere vellent, contemnunt, pecuniam solam exigendo.

2) Vitichindus Corbeiens. edit Miebom. L. II. p. 647. Gero comes — convivio *claro delibutos ac vino sepultos* ad 30 fere principum barbarorum (h. e. Slavorum) *una nocte* exstinxit. Дѣло, очень

славны даже между соотечественниками его.[3] Трогательно у Гельмольда одинъ Словянскій князь описываетъ свое положеніе:» властители наши[4] съ такою суровостію насъ гнетутъ, что отъ налоговъ и отъ самаго *жестокаго рабства* намъ смерть лучше

ясно описанное, многіе Нѣмецкіе историки все таки извращаютъ; недобросовѣстнѣе всѣхъ излагаетъ Гебгарди историкъ самый непріязненный для Словянъ. T. I. p. 115. Die Slaven sehnten sich insgeheim nach ihrer eingebüssten Freiheit und einige ihrer Fürsten berathschlagten sich über ein Mittel, den Gero durch List wegzuschaffen, allein Gero kam ihnen zuvor, überfiel sie *bey einer zu seinem Verderben angestellten Zusammenkunft* (!) und tödtete über dreissig derselben. Въ Виттенбергской библіотекѣ есть о Геронѣ старонѣмецкіе стихи очень простые:

Zu Lausnitz erster Fürst war ich
Dreissig Wendisch Herrn tödtet ich!

3) Helm. I. 18. Dux Saxonum Bernhardus, in armis, quidem strenuus sed totus avaritia infectus... 19. dux et Saxones omnia corradentes, nec ecclesiis, nec sacerdotibus quidquam residui esse passi sunt. 16. Theodoricus Marchio et dux Bernhardus tanta crudelitate (Slavos) insectati sunt, ut excusso tandem servitutis ingo, libertatem suam armis defendere cogerentur.

4) Helm. c. 83. Principes nostri tanta severitate grassantur in nos, ut, propter vectigalia et servitutem durissimam, melior sit nobis mors, qvam vita... Quotidie emungimur el premimur usque ad exinanitionem. Quomodo ergo vacabimus huic religioni novae, et aedificemus ecclesias et percipiamus baptisma, quibus quotidiana indicitur fuga. si tamen locus esset, quo diffugere possemus? Transeuntibus enim Travenam, ecce similis calamitas illic est: venientibus ad Panim fluvium nihilominus adest. Qvid ergo restat, qvam ut omissis terris feramur in mare et habitemus cum gurgitibus. Въ 1123-мъ году Моричане говорили Сѣ. Оттону, что они готовы принять крещеніе отъ руки его, но не могутъ снести угнетеній Гавельбергскаго намѣстника; qvia gravissimo servitutis ingo eos opprimere niteretur. And. Vita. S. Ott. p. 693.

жизни. Изъ насъ сосутъ каждый день и жмутъ дотого, что у насъ ничего нѣтъ. Какъ же намъ думать о новой вѣрѣ, *строить церкви*, креститься, когда каждый день думаемъ, куда нибудь скрыться? да хотябы было куда скрыться! Перейти на ту сторону Травы? тамъ тѣже несчастія! Уйти къ рѣкѣ Пѣпѣ, тоже; остается, бросивъ землю, уйти въ море и жить съ бездиами!» Гельмольдъ, Книга первая, глава 83-я.

Между тѣмъ языкъ составлялъ непреодолимую преграду къ уразумѣнію Христіанскаго ученія. Словяне или не понимали, что имъ проповѣдывали по Латыни и по Нѣмецки, или смѣялись, заучивая маленькіе стишки и молитвы, дурно написанные на ихъ языкѣ: такъ имъ читали: кріе елейсонъ, а они говорили we kri olscha, въ кустарникѣ ольха [5]). Словянскій князь Готшалкъ самъ по Словянски толковалъ яснѣе, что миссіонеромъ сказано было таинственно.[6])

Такимъ образомъ угнетеніе Германцевъ и любовь Словянъ къ независимости съ одной стороны, непонятность яснаго и высокаго, но превратно проповѣдуемаго Христіанскаго ученія, и любовь къ старинной кроткой народной вѣрѣ, недопускающей. напр. никакой судебной пытки, которой безпрекословно требовали католическіе Христіане, съ другой стороны,

5) Ditm. II p. 40

6) Mystice dicta slavicis verbis planiora reddebat. Ad. Br. III. 21. 22. Helm. I. 20.

настроили духъ всего Словянскаго народонаселенія къ непримиримой ненависти къ Германцамъ: все десятое и одиннадцатое столѣтіе протекло въ самой упорной борьбѣ Словянъ за свободу и вѣру. Главнѣйшія возстанія происходили въ годахъ 939, 940, 954, 955, 976, 983, 1008, 1018, 1066 и пр. Что были Саксонцы для Франковъ, тѣмъ стали Словяне для Германцевъ: послѣ Карла В., кромѣ малыхъ Князей, *двадцать два* Нѣмецкихъ Короля трудились одинъ больше, другой меньше, надъ покореніемъ, истребленіемъ и германизпроваціемъ Словянъ. Ненависть между двумя народами достигла такой степени, что Словяне соглашались лучше умереть, чѣмъ принять *названіе* Христіанина и платить дань Саксонскимъ Князьямъ. 7)

И, къ ужасу нашему обреченіе ихъ на смерть выполнено дойдѣла! Народъ, имѣвшій въ себѣ великую нравственную силу и худый только лишь подъ перомъ поработителей, одаренный рѣдкими способностями ума, до тѣхъ поръ сохранившій вѣрно первобытную правоту, уже оставившій дикость, народъ свободный, промышленный, часто весьма могущественный, всегда страшный для враговъ, — недопущенный корыстолюбіемъ сосѣда, имѣвшаго надъ нимъ перевѣсъ 8) въ военномъ образованіи, къ

7) Helm. I. 25. Slavi servitutis iugum armata manu submoverunt tantaque animi obstinacia libertatem defendere nisi sunt, ut prius maluerint mori, quam christianitatis *titulum* resumere, aut tributa solvere Saxonum principibus.

8) Saxonum insatiabilis avaritia, qui inter caeteras gentes barbaris contiguas praepolleant armis nec non militae usu semper proniores sunt tributis augmentandis, quam animabus Domino conquirendis I. 25.

принятію вѣры истинной, — исчезъ, какъ жертва привязанности къ вѣрѣ ложной, не могшей ему сообщить твердости гражданственной! Только изъ преданій Исторіи знаемъ мы, что такъ называемая Сѣверовосточная Германія отъ Одера до Лабы и Салы содержала нѣкогда огромное Словянское народонаселеніе, съ городами, народною жизнію; Словяне или истреблены: такъ Конрадъ II, знаменитый основатель Императорскаго Салическаго дома, Государь вообще добрый, съ особенною ревностію истреблялъ *беззащитныхъ* Словянъ;[9] Генрихъ Левъ, графъ Адольфъ и другіе подобно Карлу В., опустошавшему нѣкогда Саксонію, часто предпринимали экспедиціи въ Словянскую землю съ огнемъ и мечемъ, — или Словяне распроданы какъ рабы,[10] или наконецъ порабощены и лишены Нѣмецкими колонистами употребленія своего языка. Тогда Адольфъ Голстинскій писалъ воззваніе къ своимъ единоплеменникамъ: «переходите въ сію землю и населяйте ее и участвуйте въ сладостяхъ ея; потому что вамъ принадлежатъ тучная ея, вамъ, кои пріобрѣли ее отъ рукъ враговъ.[11]

9) Victis paganis nimis acriter trucidabat eos. Vippo, V. Conradi, Pistor. III, an. 1036.

10) Helm. I. 56. Chron. Sl. apud Lindeb.

Divisa sunt miserabiliter sclavonicae ritu familiae, quae accusata *venundando* dispergitur. Dithm. p. 56. ed. Wagn.

11) Helm. I. 57. Transmigrate in hanc terram desiderabilem et incolite eam et participamini deliciis eius, eo quod vobis debeantur opima eius, qui tulistis eam e manu inimicorum.

Такимъ образомъ въ Сѣверной Германіи переходъ отъ язычества былъ переходомъ къ уничтоженію народа. Но и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ Христіанская вѣра низошла тихо, къ понятіямъ Христіанскимъ долго примѣшивались вѣрованія языческія.

Первая ступень перехода отъ язычества къ Христіанству выразилась въ происшествіи въ Померапіи: именно: однимъ жрецемъ Стеттинскимъ составленъ былъ дерзкій планъ, поставить изображеніе Христіанскаго Бога подлѣ языческаго: по удаленіи Померанскаго Апостола въ 1125-мъ году, языческіе жрецы въ Стеттинѣ объявили, что боги съ страшными взорами и тѣлодвиженіями предстали имъ въ видѣніи и укоряли ихъ въ отступничествѣ; моровая язва, появившаяся въ то время, доказывала явно гнѣвъ боговъ. Жрецъ, при народномъ стеченіи, готовился разрушить святыни Христіанскія; но внезапный ударъ, разслабившій его составъ тѣла, и всѣми приписанный чуду, перемѣнилъ его мысли: онъ требовалъ *не ниспровергать алтаря Христіанскаго, но подлѣ него воздвигнуть жертвенникъ Триглаву*, поучая, что можно *умилостивить того и другаго* бога.[12]

Но это было богохульство, и притомъ не естественное! Сила Креста легко сокрушила ставшаго подлѣ него демона; но при всемъ томъ слѣдуетъ еще дальнѣйшая ступень его побѣды надъ язычествомъ:

12) Wita Ott. Babenb. Episc. opera S. L. Endlicher. Viert. J. Bericht der Gesell. d. Pomm. Gesch. u. Altrthmskunde.

язычество укрылось подъ Христіанствомъ! маловѣріе смѣшало лица Христіанской вѣры и ея Исторію съ лицами и вѣрованіями язычества: такъ у насъ со днями многихъ Святыхъ, празднуемыхъ Церковію, народныя повѣрья и обычаи соединили проименованія, напоминающія язычество, таковы: Иванъ Купало, Аграфена Купальница, Герасимъ Грачевникъ, Марія Огненная, Никола на морѣ, Егорій на сушѣ, Ѳедосьи Колосяницы, Власій скотій, Флоръ, Лаверъ коневій богъ, Илья Громъ и проч.

Въ древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ (ст. 408): теща къ обѣднѣ пошла, а идетъ по малешеньку, ступаетъ по тихошеньку, съ ноги на ногу поступываетъ, на башмачки посматриваетъ, и боты поколачиваетъ, а всѣ *боги* теща прошла, а зашедъ то Николѣ челомъ, а Николѣ Мясницкому и пр.» Кажется, читаешь Ибнъ Фодляна: Купецъ Русскій, вошедши въ пристань, идетъ къ *высокому* деревянному *болвану*, окруженному маленькими, падаетъ ницъ и говоритъ умилостивительныя слова; въ случаѣ худаго торга, приноситъ дары *и маленькимъ* болванамъ, кладя мясо предъ большимъ и маленькими болванами.

Первая и вторая пѣсни во II т. Сборника Вукова, богохульнымъ образомъ, переносятъ должности прежнихъ боговъ, на Св. Угодниковъ, болѣе почитаемыхъ въ Сербіи. [13]) Въ Галиціи, въ семейный кругъ

13) Индѣйская земля, упоминаемая въ пѣсни, есть Виндійская или Венедская страна: потому что случаи, за которые наказывается земля, суть всѣ *Словянскіе*. Indicus и Uenedicus смѣшиваютъ-

низводятся Святые Ангелы, очевидно не безъ напоминовенія язычества. Ruskoje Wesile, Premysl, 1835. ст. 115.

Дальнѣйшая ступень:—уже идолы разрушены: на мѣстѣ капищъ воздвигаются храмы Хрпстіанскіе; народъ рѣшился креститься, но жалѣетъ разстаться съ прежними богами и вѣрованіями; такъ Кіевляне плачутъ о Перунѣ, Рюгенцы о Свѣтовитѣ. — Чувство утраты старинной вѣры ясно и трогательно изложено въ главномъ стихотвореніи Краледворской рукописи: «Мужи братскихъ сердецъ и искреннихъ взоровъ, восклицаетъ Забой къ старѣйшинамъ, вамъ пою пѣснь изъ глубины дола (гдѣ они собрались); она идетъ отъ сердца моего, отъ сердца, глубоко погруженнаго въ горѣ!»

«Отецъ отшелъ къ отцамъ, оставилъ дѣтей и женъ своихъ въ достояніи дѣдовъ, и не сказалъ никому: ты, братъ, говори къ нимъ словами отца.

И пришелъ чужой насильно въ отчизну, и приказывалъ чужими словами; и какъ дѣлается въ чужой землѣ отъ утра до вечера, то должно было дѣлать намъ, дѣтямъ и женамъ; и должно намъ *одну подругу имѣть, по всему пути отъ Весны до Мораны*; и выгонилъ изъ рощей всѣхъ крагуевъ, и какіе боги въ чужей землѣ, такимъ заставилъ насъ клаияться и

ся уже у Греч. Писателей: такъ въ Marc. Heracl. Perepl. Hudson Geogr. Vet. Scriptor. Graec. 1. p. 54; что Птолемей и Марціанъ называютъ Vindicus или Venedicus sinus, то Корн. Непотъ у Помпон. Мелы III, 5, называетъ Indica aequora.

имъ жертвовать жертву; и не смѣли мы бить челомъ предъ богами, ни въ сумракъ имъ давать ѣсть; куда отецъ ходилъ давать богамъ пищу, куда ходилъ *глашать* имъ *славу*, тамъ срубили всѣ деревья и разрушили всѣхъ боговъ.»

«Ахъ Забой, говорили Словяне, ты поешь, сердце къ сердцу, какъ Луміръ, который словами и пѣніемъ колебалъ Вышеградъ и всю отчизну.»

Послѣднее униженіе язычества настало, когда по водвореніи Христіанства Пантеонъ старинныхъ боговъ превращенъ въ легіоны бѣсовъ, діаволовъ; ихъ праздники стали играми бѣсовскими и хульными потѣхами, скомрашествомъ и прегудницами; ихъ жрецы боговцы, [14] боговавцы, гадатели, гадачи—волхвами, кобниками, кудесниками, чернокнижниками, [15] навіями. Подъ такими именами сообщены намъ почти всѣ историческія сказанія. Злыя божества языческія переданы Христіанами въ формѣ того же сопротивленія главному Богу, какъ діаволъ есть врагъ Христіанскаго Божества. Даже народная поэзія и языкъ осмѣяли наконецъ то, чему прежде вѣровалъ весь народъ: такъ Лойда или Лада, богиня любви, на нѣкоторыхъ Словянскихъ наречіяхъ значитъ непотребную женщину; тоже сталось съ Ламомъ или Лелемъ. Въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ у *идолища* шляпа съ пивной котелъ; онъ ѣстъ по быку, пьетъ по котлу; но Илья Муромецъ, гость Князя *Владиміра*, убилъ

14) Jarnik. Etymol. въ сл. Bog.

15) Краледв. Рук. *Ярославъ*.

идолища его собственною шляпою, съ грубою насмѣшкою: «у моего сударя батюшки была корова старая, выпила чанъ браги пѣсныя, и отъ того она лопнула; я взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ. (Сказка объ Ильѣ Муромцѣ, по лубочному изданію).

Пидибляпинъ, по Новгор. лѣтоп., нашедши въ Волховѣ едва только низверженнаго Перуна, оттолкнулъ его шестомъ съ подобными же словами: «Ты, Перушище, досити еси пилъ и ялъ, а нынѣ плови прочее и плы съ свѣта въ окромѣшное.»

ГЛАВА IV.

БОГЪ.

БѢЛ-БОГЪ И ЧЕРНЕ-БОГЪ.

Богъ—такъ именуютъ Словяне на своемъ языкѣ Верховное Существо, Конечную Причину всѣхъ перемѣнъ въ мірѣ и людяхъ. Вся Словянская миѳологія будетъ, какъ я выше сказалъ, изложеніе, какимъ образомъ Словяне своимъ разумомъ осуществили идею Божества; но при важности языка въ Миѳологіи, при одинаковости элементовъ языка Индоевропейскаго, конечно очень было бы важно проникнуть, чего мы искали въ самомъ *корнѣ слова*, выражающаго идею Божества.

У Индѣйцевъ вѣчное существо, по волѣ и ученію котораго Брама (срав. Паромъ) создалъ міръ,

называется *Бага-ватъ*. Слѣдующимъ образомъ повѣствуется Индѣйское мірозданіе: Вселенная до бытія всѣхъ вещей покоилась въ лонѣ Вѣчнаго. Бирма, Брама, плававшій во мракѣ на листѣ лотоса и смотрѣвшій на мракъ и воду глазами четырехъ головъ своихъ, (только у Индѣйцевъ, у насъ и у Калмыковъ есть многоголовые кумиры), спрашивалъ себя: откуда я?«

Сто божескихъ годовъ провелъ онъ въ семъ самосозерцаніи; тогда приходитъ къ нему голосъ: направь свою молитву къ Бага-вату (Вѣчному Существу). Онъ началъ молиться. Бага-ватъ является съ тысячью главами, разсѣваетъ тьму и даетъ Брамѣ *вѣдѣніе*. Тутъ Брама усмотрѣлъ, въ зрѣлищѣ Вѣчнаго Существа, всѣ образы земнаго міра, какъ бы погруженные во снѣ. [1]

Имя Бага-вата, багавани и другихъ, происходящихъ отъ сего корня, весьма важно въ Индѣйской Миѳологіи. Въ Санскритскомъ языкѣ bhaga=felicitas, excellentia; it. omnipotentia summa, divina potestas; Юнгманъ въ своемъ Лексиконѣ сравниваетъ далѣе: bhagah—sol; bhagia—secunda fortuna; cf. pers. bakt= fatum, bona fortuna, item bahg=felix, prosper, in nom. prop. Bagapates=felix dominus.

Въ Словянскихъ языкахъ главная грамматическая форма есть *Богъ*, *Bog*, потомъ *Bóg*, *Bůh* (Пол. Чешс), *Бигъ* (Русп) и даже *Багъ* въ словѣ Баг-ли, (Чеш.) и Баганіе; прочее измѣненіе слова есть:

1) Creucer's Symbol. S. 1896. Potier, Mythol. des Indes. T. I. Introd.

род. *Бога*, дат. *Богу* и *Богови*, зв. *Боже*, тв. *Богомь*, (*г*) и *Богемь*, пред. *Богѣ*, *Бозѣ*; мн. *Бози* и *Богове*, д. *Богомъ* и *Боговомъ*, пред. въ *Бозѣхъ*. Въ Словянскомъ языкѣ корень *богъ* употребленъ и при образованіи другихъ словъ:

Бог-атый, *dives* (a. deus), ne*boz*-ak бѣдный, съ сожалѣніемъ, ne*bozek*, ne*boztik* id. [2] блаженной памяти, усопшій; у*богій* *miser*, pavper, tutelaris dei. cf. Карнит. по*божать*=сожалѣть и потомъ о*божать*, с*божать*—обѣднять, *божакъ*, малая монета для нищаго, словопроизведеніе согласное съ значеніемъ Санскр bhaga. *Born* (Крапнское)—у*богій* по значенію и этимологіи (Кар. sh вм. r. напр. more вмѣсто moshe). Zboze по-Польски значитъ жито. Незнаю, не ненависть ли, такъ сказать, одного отдѣла діалектовъ Словянскихъ изъ западной формы сего слова сдѣлала нашу *буку*; ср. пугало, пугаю; Нѣм. es spuckt. Изъ понятій Миѳологическихъ кромѣ: *прабогъ*, *прибогъ* (Лауз.), небогъ (Чешс,) замѣтимъ (Краин.) *богавецъ*, или *богававецъ*, гадатель, *божница*. Изъ мѣстныхъ именъ примѣчательнѣе *Богушева* гора, въ Венгріи, въ мѣстечкѣ *Перуновѣ*. Замѣтимъ еще, что въ Русской ороэпіи имя Бога удержало мягкое г, какъ въ *благо* и въ сложныхъ его.

Переходя къ развитію самой идеи божества въ племени Словянскомъ, мы, оставляя вопросъ о происхожденіи религіи, съ чувствомъ благоговѣнія къ Богу и почтенія къ достоинству человѣческому, приводимъ, что древнѣйшія свидѣтельства о вѣрѣ Сло-

вянъ, даже при господствѣ идолослуженія, говорятъ еще о сохранившейся, даже преобладающей, вѣрѣ въ *единаго Бога*. Прокопій, повѣствуя объ Южныхъ Словянахъ IV, V и VI вѣка, говоритъ, что Словяне «признаютъ Единаго Бога, (Творца молніи), Единственнаго Господа сея Вселенныя; судьбы незнаютъ и не даютъ ей никакой власти надъ смертными; но, видя приближеніе смерти или въ болѣзни, или передъ походомъ на войну, даютъ обѣтъ *Богу* и, если избѣгнутъ смерти, немедленно приносятъ ему жертву за спасеніе. Кромѣ того, боготворятъ рѣки и нимфы и другія божественныя существа, которымъ всѣмъ приносятъ жертвы и, во время жертвоприношенія, производятъ гаданія по божественнымъ предсказаніямъ [2].» Тоже пишетъ Гельмольдъ въ Словянской хроникѣ о западныхъ Словянахъ, что они, «при всемъ многообразіи божественныхъ существъ, не отрицаютъ, что единъ есть Богъ, на небесахъ, властвующій надъ прочими богами; что другіе боги исполняютъ данныя имъ должности; они происходятъ отъ крови его и тѣмъ важнѣе, чѣмъ ближе къ *Богу Боговъ*. [3]» Сіе Вер-

2) Unum deum, fulguris effectorem, dominum huius universitatis solum agnoscunt. Fatum minime norunt, nedum illi in mortales aliquam vim attribuunt; at cum sibi, vel morbo correptis, vel proelium ineuntibus, iam mortem admotam vident, deo vovent. Si evadunt, quod promisere sacrificant. Praeterea fluvios colunt et nymphas et alia quaedam numina, quibus omnibus operantur et inter sacrificia coniecturas faciunt divinationum. de Bello Goth. III, 14. Mem. pop. p. 28.

3) Inter multiformia vero deorum numina, quibus arva, sylvas, tristitias atque voluptates attribuunt, non diffitentur, unum deum in coelis

ховное Существо, или Богъ боговъ, или Отецъ другихъ божественныхъ существъ, Единственный Владыка сея вселенныя, и именуется Богъ, о которомъ, при позднѣйшемъ самомъ дробномъ многобожіи, мысль и чувство все еще говорили Словянину; при господствѣ его судьба, или рокъ, не имѣетъ мѣста, напротивъ близкую опасность (гнѣвъ Божій) должно было, по мнѣнію Словянина, отвращать принесеніемъ жертвы, съ увѣренностію, что Богъ смягчится и отклонитъ бѣдствіе.

Но уму человѣческому, оставленному себѣ, не дано безъ откровенія сохранить идею единобожія; Существо Верховнаго Бога, Бога боговъ, (Deus Deorum), казалось слишкомъ обширнымъ, общимъ; объемлл міръ, Небо и Землю, оно, по видимому, не касалось частности. Этотъ недостатокъ въ *опредѣленности Верховнаго Бога въ дѣлахъ частныхъ*, выразилъ Гельмольдъ, сказавъ, что *оный Пресильный заботится токмо о небесномъ* [4]). Прокопій, какъ бы противъ своей воли, изъ самаго общаго, такъ прекрасно имъ выраженнаго, понятія Верховнаго Бога, представилъ переходъ, въ понятіе болѣе частное, именно: *Творца молніи* [5]) слѣд. Перуна; мы увидимъ послѣ, что Перунъ господствовалъ въ самомъ дѣлѣ въ этой ча-

caeteris imperitantem . . . hos distributis officiis obsequentes de sanguine eius procesiusse, et unumquemque deo praestantiorem, quo proximiorem illi Deo Deorum. Helm. I. 83.

4) Illum praepotentem curare tantum caelestia. Helm. ib.

5) Fulguris effectorem.

сти Славіи, какъ богъ боговъ, точно такъ, какъ на Западѣ Свѣтовитъ и Радегастъ.

Дѣйствія наивысшаго бога въ Чешскомъ языкѣ выражаются прекрасно глаголомъ *боговать* 6); простолюдинъ Русскій, кажется, также употребляетъ это слово. Сербская пѣсня (Вук. II. 1), написанная въ языческомъ духѣ, главныя вѣтви управленія физическимъ міромъ раздаетъ также слугамъ верховнаго бога. Такъ открылось обширное поприще для дѣйствій второстепенныхъ боговъ, которые, по недѣятельности отца своего, пошли сами за верховнаго бога: каждый родъ Словянскаго племени воздвигъ олтарп своему собственному богу: «Поляномъ же живущимъ особѣ, яко же рекохомъ, суще отъ рода Словѣнска и пр. . . Имѣху бо обычаи свои и законъ 7) отецъ своихъ, преданья, *кождо свой нравъ*.

Это видимъ у всѣхъ племенъ: у Балтійскихъ Словянъ почитали: Вагпры Прове (Перуна), Полабане Живу, Оботрпты Радегаста, Редаряне его же,

6) Смот. Slown. J. Jungmana. t. 3.

7) Стр. 7. изд. Тимков. Что мы называемъ Религіею, то Пр. Несторъ разумѣетъ подъ общимъ именемъ *закона отецъ своихъ*. «Како азъ приму *инъ законъ*? говоритъ Святославъ, а дружина сему смѣятися начнутъ?... творяше поровы поганскія» Стр. 34. «Сеже послѣ же придоша Грецы, хуляще *вся законы*, свой же хваляще» говорилъ Св. Владиміръ; и далѣе:» глаголаше Царемъ и яко азъ крещуся, яко испыта прежде сихъ дній *законъ вашъ*. И есть ми люба вѣра ваша и служеніе.» Я хотѣлъ сдѣлать и заглавіе своему сочиненію Законъ Языческихъ Словянъ; другое заглавіе было бы Ученіе Вѣтско; отъ *вѣтъ* fabula, Ср. отвѣтъ, завѣтъ. Glag. Clocian.

Рыянцы или Рюгенцы Свѣтовита. Всѣмъ имъ были даны жрецы, приносимы жертвы, вездѣ было различное служеніе: Дитмаръ говоритъ: Сколько областей въ этихъ земляхъ, столько храмовъ и кумировъ 9). Въ Богеміи, по приведенному мѣсту изъ Космы, одни почитали скалы, другіе огонь, третьи воду, четвертые рощи, другіе идоловъ; также было въ Польшѣ и у другихъ племенъ. *Это есть родовое или племенное служеніе.*

Но рано, еще во времена Прокопія, какъ я замѣтилъ выше, нѣкоторые боги, основываясь на особенномъ искуствѣ предсказанія, стремились къ исключительному представительству *Бога-Боговъ*. Такъ скромный богъ Вагировъ на Востокѣ является единственнымъ властителемъ, *Богомъ-Боговъ*, подъ именемъ *Перуна* и *Парома*; оспоривали ли другіе боги у него первенство, мы едва можемъ догадываться (см. ниже).

Словяне Германскіе раздѣлились на двѣ обедіенціи: Ретрскую и Аркоискую,—обедіенцію Радегаста и Свѣтовита.

Гельмольдъ говоритъ: «Редаряне и Долинцы, гордясь глубокою древностію города и славою капища, въ которомъ чествованъ былъ Радегастъ, хо-

8) Prove deus Alderburgersium, Siva dea Polaborum, Radegast, deus terrae Obotritorum. Helm. I. 53. . . . . .

9) Invaluit in diebus illis per universam Slaviam multiplex idolorum cultura, errorque superstitionum. Nam praeter lucos atque paenates, quibus agri et oppida redundabant etc. Helm. I. c. Qvot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur et simulacra daemonum ab infidelibus coluntur. Ditm. L. VI. ed. Wagn. p. 150.

тѣли господствовать надъ другими племенами, присвояя себѣ единственную честь и превосходство потому, что къ нимъ приходятъ отъ *всѣхъ народовъ, ища гаданія и желая принести жертвы* [10]. Сему храму противостоялъ съ подобными притязаніями храмъ въ Аркопѣ [11]. « Раняне, живущіе въ сердцѣ моря, пишетъ Гельмольдъ, имѣютъ *первенство во всей Словянской націи*; отсюда, по причинѣ особеннаго богослуженія въ храмѣ своемъ, *занимаютъ первое мѣсто* въ религіозномъ отношеніи. Въ другомъ мѣстѣ: «всѣ Словянскія провинціи несутъ туда годичныя дани, считая его (Свѣтовита) *Богомъ боговъ*. Между храмами господствовала зависть: 1056 племя Кышанъ и Черезпѣнянъ отложилось отъ Ретрскаго храма [11], а перешло къ Арконскому [12]; отсюда произошла кровопролитная война; въ Помераніи подобное мѣсто стремился занять Триглавъ, кумиръ Стетина; подробности племян-

10) Dilhm. Merseb. VI. p. 151. 152. Wagn. Inter quae (templa) civitas supra memoranda (Rhetra) principalem tenet monarchiam. Readuri s. Tolenzi, propter antiquissimam urbem et celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radegast ostenditur, *regnare* volebant, adscribentes sibi singularem nobilitatis *honorem*, eo quod ab omnibus populis Slavorum frequentarentur, propter responsa et annuas sacrificiorum impensiones. Helm. I. 21.

11) Rani, habitantes in corde maris, primatum praeferentes in omni Slavorum natione, unde etiam propter specialem fani sui cultum primum venerationis locum obtinent. Helm. I. 37. Inde etiam nostra aetate non solum Wagirienris terra sed et omnes Slavorum provinciae illuc tributa annuatim transmittebant, illum Deum deorum esse profitentes Helm. II. 12. Ad. Brem de statu D. c. 223. ed. Lindebr.

12) Helm. I. 21, см. ниже.

ной религіи и связь ея съ служеніемъ богу-боговъ я изложу въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь скажемъ, что на сей ступени развитія язычества во всѣхъ племенахъ главнымъ служеніемъ пользовался *одинъ богъ*, болѣе или менѣе достигшій авторитета бога боговъ. Другіе Боги были, *При-боги*, (по выраженію Лаузицкихъ Словянъ), и пользовались, говоря словами Гельмольда, уваженіемъ только смотря по близости къ главному богу [13]); всѣ частныя свойства прибоговъ изчезли въ преобладаніи Верховнаго бога боговъ; эту степень застало Христіанство.

Умеьшеніе важности меньшихъ боговъ естественно не могло не простираться и на верховнаго бога. Споры главныхъ храмовъ открывали множество слабостей того и другаго бога: тогда наставалъ въ Словянской землѣ *великій расколъ*, въ которомъ какой нибудь Ролльвинкъ (о Папахъ, Chronica s. fasciculus temporum) могъ спрашивать: кто же истинный представитель божества на землѣ? и другіе (подобно одному Архіепископу Флорентійскому, чтобъ удержать сравненіе) могли указывать на *коренаго Единаго Бога*; покрайней мѣрѣ о сихъ Словянахъ говоритъ Гельмольдъ, что они «не отрицаютъ, что единъ есть Богъ, властвующій надъ прочими на небесахъ». Словянинъ, оставляя снова многобожіе, возносился къ Единому Богу, назвавъ его въ этомъ отношеніи *Прабогомъ*, по драгоцѣнному выраженію Карпатскихъ Словянъ [14]).

13) I. 83.

14) J. Kollar, Narodn. Zpiew. D. 1. st. 422.

Еще до появленія ложной системы Маша, многіе Нѣмецкіе писатели склонны были принимать господство дуализма въ ученіи о Словянскихъ богахъ, сравнивая добраго бога, который у насъ называется Бѣлбогомъ [15], съ Зороастровымъ Ормуздомъ, и злаго бога, называемаго Чернебогомъ, съ Зороастровымъ Ариманомъ.

Мнѣніе это основывалось на одномъ мѣстѣ Гельмольда, который пишетъ, что «Словяне, обнося круговую чашу въ пиршествахъ и бесѣдахъ, произносятъ слова, не скажу благословенія, но слова проклятія; что по ихъ вѣрованію всякое счастіе посылается отъ добраго бога, всякое несчастіе отъ злаго; потому и злаго бога они на своемъ языкѣ называютъ діаволомъ (!) или Чернебогомъ, т. е. чернымъ богомъ [16]. Многія названія мѣстъ Словянскихъ отъ слова *бѣлый и черный*, по видимому, подтверждаютъ, что подобное раздѣленіе проникнуло глубоко народную жизнь. Въ Померапіи одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей называется Бѣлбогъ [17], нынѣ Бѣлбукъ; въ Лаузицѣ одно мѣстечко, какъ будто изъясняя предъидущее, называется Блогъ-Божойца; названій Словянскихъ мѣстъ отъ *бѣлый* и *черный* безчисленное мно-

15) Mater verb.

16) Omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo derigi profitentes, ideoque etiam malum deum sua lingua diabol (!) sive Czerneboch i. e. nigrum deum appellant.

17) Rango, Pomer. dipcom. 515. N. Laus Magazin, VII D., 4. H. 497 1830.,

жество; Бѣлградъ, Бѣла Гора, Бѣлой, Бѣлинъ (Фербелинъ), Бѣл-верхъ, Бѣлочицъ (въ Сакс), Черницъ (ib) Черновъ (Бранд.) Черна (въ Лауз.), Черницынъ и пр. Система Маша не упустила изъ виду сего обстоятельства: почти всѣ уродливые идолы снабжены у него Рунническими надписями или *Добре бога* или *Зле бога*, такъ какъ опять большая часть дѣлилась на совѣтующихъ (Разп), и колдуновъ (Зернитра). Въ новѣйшее время Копенгагенскій Профессоръ *Ингеманъ* составилъ остроумную систему дуализма въ Словянской Мѳологіи, основанную на Машевыхъ древностяхъ.

Но мы уже коснулись, въ какомъ смыслѣ должно принимать сказаніе о двойственной зависимости Словянина отъ Высшаго міра. Чернебогъ, которымъ клялись Словяне, есть у Гельмольда діаволъ того времени, показавшійся ему столько близкимъ къ понятію о начальникѣ царства тьмы; но намъ, говоря словами Шафарика, нельзя упорно держаться сказаній Христіанскихъ лѣтописцевъ; ихъ взглядъ на Мѳологію былъ взглядъ Христіанскій. Скандинавы и доселѣ злорѣчатъ Одиномъ, какъ злымъ богомъ; у Маддяровъ Ordög, котораго Зауральскіе Остяки чтутъ донынѣ какъ благаго Бога, значитъ нынѣ ч. . . . ; [18].

18) Примѣчательно, что Руссы, прибывъ къ стѣнамъ Коростеня съ В. Княгинею Ольгою, обрекши на смерть жителей сего города за убіеніе своего вождя, также *пили на нихъ*, по выраженію Пр. Нестора.

Трудно исторически изъяснить поводъ прозванія всего злаго чернымъ, добраго бѣлымъ потому, что оно, въ большей или меньшей мѣрѣ, имѣетъ мѣсто у всѣхъ народовъ: древнихъ Индѣйцевъ, Персовъ, Грековъ, Римлянъ, Германцевъ; я привелъ, что даже имя *Бога* въ Санскритскомъ языкѣ есть общее съ именемъ *солнца*. Оставаясь въ кругѣ Словянскомъ замѣтимъ, что у насъ вся земная поверхность, освѣщаемая (пре) краснымъ солнцемъ, и все живущее на ней есть *бѣлый свѣтъ*; умирающаго (Власлава, Краледворск. Рук.) *сыплетъ Морена въ ночь чертую*; отъ того всякій источникъ благодѣянія для живущихъ на свѣтѣ называется у Словянъ *бѣлымъ*; мы Русскіе своего Царя зовемъ *бѣлымъ*. Боги, богини, (особенно славна Бѣла Вила), городъ, рѣка, *дворъ*, даже женщина (П. бялоглова) все у насъ *бѣло*.[19]

Напротивъ, какъ будто въ противоположность бѣлому свѣту, день непохожій на другіе дни отъ злой бѣды, называемъ мы *чернымъ днемъ*, для котораго надобно копить деньгу; книга, въ которой читаетъ колдунъ, для извращенія свѣта, называется *черною* и самъ *лиходѣй чернокнижникомъ*; (въ древнемъ Чешскомъ (у Вацерада), въ Польскомъ и Русскомъ, въ одномъ смыслѣ). Словянинъ, отважившійся войти въ связи съ нечистыми духами, и теперь *очерчивается*, т. е. оставляетъ часть *бѣлаго свѣта* вокругъ себя, тогда какъ во всѣхъ сторонахъ онъ слышитъ и видитъ бѣсовъ; *да га свій црніи узели*, злословитъ Сербъ и

19) Wykl. k. S. D. Zn. 600, у Колл.

доселѣ,» [20] Трава, которая сводитъ человѣка съ демонами, называется на всѣхъ нарѣчіяхъ чернобыльникомъ. (Cernobey Zhernobile). Такимъ образомъ и боги наши, добрые и злые, все равно, въ день казни назывались также черными.

Впрочемъ самое легкое сравненіе свойствъ нашихъ боговъ показываетъ, что не только нельзя каждому началу доброму (contradictorie) противопоставить другое злое; но что, кромѣ общихъ именъ Чернобога и Бѣлбога, мы не находимъ никакихъ двухъ существъ миѳологическихъ съ совершенно противными свойствами. Перунъ представляется источникомъ добра, точно также какъ и зла; так. обр. понятіе дуализма дѣйствительно существуетъ въ нашей Миѳологіи, но есть при всемъ томъ также второстепенно, какъ въ Миѳологіи Греческой и Германской (послѣднюю Як. Гриммъ также долженъ былъ защищать отъ подобныхъ системъ). И дуализмъ не былъ очевидно, основаніемъ во всемъ зданіи нашей Миѳологіи, не проникнулъ и половины божескихъ свойствъ, кои происходятъ изъ началъ болѣе богатыхъ, нежели отвлеченный раздѣлъ всѣхъ дѣйствій *божескихъ* на добрыя и злыя; Словянинъ и здѣсь, подобно другимъ аборигенамъ, явился кореннымъ жителемъ Европы, т. е. въ своихъ коренныхъ нравственныхъ, религіозныхъ и умственныхъ началахъ не привязалъ себя, подобно Персу, къ числительной отвлеченности, чтобъ послѣ, путемъ механизма, всѣ дѣйствія своихъ

20) Серб. Нар. Лис. 1837.

божествъ дѣлить только на добрыя и злыя; такъ Морена, богиня смерти, сыплющая умирающаго въ черную ночь, смягчаетъ рѣзкость физическаго зла идеею необходимости, являясь въ другомъ видѣ началомъ удаляющагося лѣта. 21) У насъ есть множество божествъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ веселому расположенію духа, (Кикимора, домовые), простымъ потребностямъ жизни, или времени года.

ГЛАВА V.

Паромъ, Перунъ.

Подъ сими двумя формами встрѣчаемъ мы имя бога боговъ юговосточныхъ Славянъ. Первую, очевидно простѣйшую, сохранили для насъ употребленіе языка у Карпатскихъ Словянъ, ихъ пѣсни и поговорки: *За оныхъ часовъ, за старыхъ боговъ, за бога Парома; Паромъ ти до души! Паромъ ти до сердца!* Парамъ и Барамъ формы, кажется, еще простѣйшія, но менѣе употребительныя. 1)

21) И должно намъ имѣть одну подругу, по всему пути *отъ Весны до Мораны.* Кр. Рук.

1) Nar. Zpiew. od. J. Koll. D. I. Anm. 4. Slown. Jungm. t. s.

Если меня не обманываетъ память, то я на границахъ Нижегородской и Владимірской губерній слыхалъ также о Поромовой стрѣлкѣ; съ нея поятъ водою больныхъ.

Перунъ есть форма Русскихъ Словянъ, какъ древнихъ, (напр. въ договоръ съ Греками Игоря и Святослава: да имѣемъ клятву отъ бога въ него же вѣруемъ, въ Перуна и пр.) такъ и новыхъ. Та же форма употреблялась и у Чеховъ: Вацерадъ пишетъ въ Mat verb: Perun; у Поляковъ, съ перенесеніемъ ударенія, находимъ piorun въ значеніи громоваго удара.

Вагирскаго бога Прове, Проне считаю также Перуномъ, оставляя общее мнѣніе, что онъ былъ богомъ *Права* или справедливости—позднѣйшее изъясненіе Нѣмецкое, которое, такъ называемая *Саксонская Хроника*, еще подкрѣпила выдумками: Гельмольдъ говоритъ, что Прове не имѣлъ ни изображенія, ни храма; хроника даетъ ему мужескую фигуру, съ короною и длинными, торчащими вверхъ, ушами; Прове, по описанію ея, опирается на колонну, въ одной рукѣ держитъ желѣзо, на подобіе малаго щита, въ другой топорикъ и знамя; желѣзо, бывшее въ рукѣ, *казалось* раскаленнымъ, и Хроника повѣствуетъ, что это было Prov eisen, желѣзо для пытки; отсюда и выводили начало ордалій со временъ Бангерта и Мазія, до новыхъ временъ: напр. такъ учитъ Моне въ продолженіи Крейцеровой Симболики; [2] я привелъ уже выше, какого труда стоило ввести Нѣмцамъ пытку между Славянами! [3] Имя бога Оботритскаго Прове сокращатель Гельмольдовъ пишетъ Проне; за пра-

2) S. 204. Sassenchr. J. 1492.

3) Гл. 18.

вильность послѣдняго чтенія ручается, по моему мнѣнію, имя селенія близъ Любека въ странѣ Вагировъ, Провенау, которое очень легко чрезъ перестановку произошло изъ прилагательнаго имени Перуново;[4] и никакъ грамматически не могло произойти изъ «право», слова и безъ того слишкомъ отвлеченнаго. Въ Валахіи, странѣ Романскихъ Словянъ, названіе Перкуништи напоминаетъ Литовскую форму сего имени: Перкунъ; Финское *Пергель*, означающее діавола, также сюда относится.

Паромъ, Перунъ, въ послѣдствіи главный богъ, богъ боговъ юго-восточныхъ Словянъ, былъ для нихъ, по выраженію Прокопія, знавшаго на Дунаѣ праотцевъ сей половины, господь сея вселенныя (Dominus huius universitatis), по сказанію Гельмольда, обиталъ на небесахъ; народное преданіе у Словаковъ помѣщаетъ его за облаками, оттуда онъ смотритъ на дѣянія людскія; сила его кореннымъ образомъ заключается въ его власти надъ молніею и громомъ: Прокопій зоветъ его *творящимъмолнію* (effector fulzuris). Его имя Громовникъ [5]. По его волѣ

Не падали дожди изъ облака,
Ни дожди проливные,
Ни росонька тихая;

4) Ср. въ Далмаціи *Перунова Дубрава.*

5) Срп. Нар. Песме ч. II, 1. 2; также его именовали и Поляки. Стрыйк. III. — Селеніе *Блискавецъ*, близъ Бауцена, носитъ, кажется, также имя Парома: не подало ли послѣднее произношеніе нашего Юпитера повода къ выдумкѣ бога *Флинса* Саксонской хроники?

А по ночамъ не было
Сіянія мѣсяца.

Народное вѣрованіе дало ему въ руки громовыя стрѣлы, стрѣлы Паромовы, Перунскія, которыя и доселѣ живутъ въ устахъ Подкарпатскихъ Словянъ; [6] онъ металъ ихъ съ небесъ въ духъ, въ сердце, въ одежду, карая преступника, даже въ утробу матери, извращая за грѣхъ матери природу зачатаго дитяти, или, когда уже сынъ родился и взросъ, въ казнь ему самому. Такъ Перунъ перунтуетъ! [7]

Подъ Карпатами намъ сохранился одинъ миѳъ:

Не далеко отъ Тренчина,
Близъ Угровца, есть долина;
Кто долиною проходитъ,
Дыбомъ волосъ поднимаетъ:
Тамъ два сходятся потока,
Отъ потоковъ въ отдаленьи,
Есть скала, и страхъ и чудо!
Видъ скалы той—человѣчій,
Ноги, руки, съ головою,
Очи круглые сверкаютъ,
Близъ скалы лежитъ тамъ камень,
Какъ задавленное чадо.

—

Въ стары годы здѣсь цыганка,
А сй имя было Ратка,
На рукахъ несла младенца;

6). Nar. Zpiew. od J. K. ib.
7) ib.

У ней не было пеленокъ. . . .
. . . . . .
«Ге, ге, абъ тебя урода
Разразилъ бы громъ Парома!
Въ тоже время изъ корзины,
Хлѣбъ ячменный вынимала,
Кусокъ хлѣба отломала,
. . . . . .
Богъ Паромъ, за облаками,
Зрѣлъ нечестье, раздраженный,
Поднялъ громъ, и трескъ, и пламя . . . .
Съ сыномъ мать окаменѣла!
Въ наказанье, что даръ Божій
Потребляла, какъ не должно!
Сынъ невинный въ преступленьи,
Ждетъ суда окаменѣлый;
Часто чудо совершаетъ,
Виноградъ хранитъ отъ стужи,
Матери же близъ потока,
Быть скалою въ вѣкъ до вѣка!»

Другая женщина обращена была въ камень въ Сербіи за то, что выгнала своихъ козъ въ Мартѣ мѣсяцѣ и еще издѣвалась надъ *богомъ времень года*, говоря, что ея козы пятирогія; и допынѣ на одной долинѣ стоитъ напереди каменная баба, а козы вокругъ ея [8]).

Такимъ образомъ Перунъ въ своихъ проявленіяхъ мало по малу теряетъ свое коренное свойство

8) Срп. Ріечн. Вука Ст. слов. *Баби уводи.*

громовержца и является просто владыкою неба, воздуха и земной поверхности во всѣхъ отношеніяхъ.

Братственные намъ Литовцы, у которыхъ Перунъ былъ также богомъ грома и молніи, и однимъ изъ числа трехъ главныхъ боговъ, представляли его на небѣ, живущимъ въ великолѣпномъ замкѣ, изъ котораго онъ выѣзжалъ воротами и обыкновенно расчепывалъ зеленый дубъ, тамъ стоявшій [9]. У насъ народъ говоритъ объ огненной колесницѣ, въ которой Илья-громъ разъѣзжаетъ по небу. У Финновъ, также знакомыхъ съ именемъ Перуна, то же дѣлаетъ Укконне, Старый.

Къ Перому, какъ владыкѣ неба, примыкаютъ и другія миѳологическія существа на небѣ, которыя являются предъ нимъ въ небольшомъ числѣ при этомъ случаѣ:

Русская дѣтская пѣсня приписываетъ подобное жилище солнцу: Солнышко, Солнышко, выглянь въ окошечко, твои дѣтки плачутъ и пр. У Литовцевъ Сауле [9] (Солнце) жила также въ великолѣпномъ чертогѣ, и была супруга Мѣсяца [10]; Мѣсяцъ, заглядѣвшійся на прелести Утренницы, и отставшій отъ своей супруги, разсѣченъ былъ Перуномъ на двое. Литовская миѳологія знаетъ и дочерей Солнцевыхъ:

9) Lit. Mitol. Narb. стр. 129, изъ Дайносъ Ресы.

10) Солнце у Литовцевъ женскаго рода и наз. Saule, у насъ средняго рода; въ Сербскихъ пѣснях Господь Богъ, называетъ его чадо, мѣсяцъ сыномъ, звѣзды дочерями. Впрочемъ и у насъ окончаніе и—це есть образовательное и предполагаетъ корень *Сол*, Sol, Saule, Sonne и пр.

Куда дѣвались кони божіи?
Сыны божіи(?) поѣхали на нихъ;
Куда поѣхали сыны божіи?
Искать дщерей Солнцевыхъ![11])

Но къ удивленію нашему и знахари Русскіе знаютъ пѣсню *Солнцевыхъ дѣвъ*, по случаю бракосочетанія одной изъ нихъ съ *Огненнымъ Змѣемъ*; здѣсь ее защищаетъ Словянскій Кентавръ *Полканъ*[12]). Словянскіе старожилы, падедъ студенистую выгарину, въ видѣ слизистой матеріи на землѣ, говорятъ даже объ *очищеніи* какой либо звѣзды[13]). Еще болѣе въ Сербскихъ пѣсняхъ: Мѣсяцъ выговариваетъ Утренней Звѣздѣ, что она пробыла три дня неизвѣстно гдѣ, и видно, что оба заботятся о дѣлахъ человѣческихъ[14]).

Такимъ образомъ, при посредствѣ близкой намъ Литовской Миѳологіи, мы получаемъ рядъ миѳологическихъ существъ, обязанныхъ Астрономіи, которыхъ число, при большомъ обиліи народныхъ сказаній, легко могло бы быть увеличено и отношенія прояснены болѣе. Перунъ, разсѣкающій Мѣсяцъ и очевидно образующій средоточіе прочихъ божествъ, есть истинный богъ боговъ *на небесахъ*, господствующій, по выраженію Гельмольда, надъ другими богами. *Сыны божіи* могутъ быть дѣтьми его супруги, Литовской Перкунателе!

11) Ibid, стр. 133.

12) Сах. Сказ. Р. П. I. ст. 130.

13) Čitanka od J. Koll. st. 30, 1825. Budin.

14) Срп Пiесм. III. 3.

Огненные змѣи похитители дщерей Солнцевыхъ,[15] суть, кажется, дальнѣйшее звѣно, соединяющее громъ съ другими свѣтилами:

Затмѣнія солнца и небесныя знаменія были всегда чудомъ для народа, и предвѣщали общественныя несчастія: моръ, войну, наводненія, пожары и пр. «1202 года, въ 5 часовъ нощи потече небо все и бысть червлено, яко кровь и бѣ видѣти снѣгъ на земли и на хоромѣхъ, яко кровь проліяна, и мнозивидѣша теченіе звѣздное на небеси и отторгахуся звѣзды отъ небеси на землю и сія видѣвши человѣцы ужасошася зѣло, мняще яко конецъ міру грядетъ; понеже убо знаменія на небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ лунѣ, или инѣмъ чѣмъ бываютъ не на добро.»

Кажется не меньшее смятеніе происходило, по мнѣнію предковъ, и на небѣ. Какъ изъясняли солнечное затмѣніе Русскіе Словяне? «и солнце не бысть свѣтло, по аки мѣсяцъ бысть, его же невѣгласи глаголютъ *снѣдаему сущу*.» Это повѣрье о снѣдаемомъ солнцѣ, господствовавшее нѣкогда на всемъ сѣверѣ,[16] нынѣ укрылось на Словянскую границу Азіи. Вотяки говорятъ, что тогда къ лунѣ или солнцу прикоснулся оборотень.[17] Въ Литвѣ вѣрятъ прямо, что *Змоки* и чародѣи постоянно нападаютъ на солнце, во время

15) У Словаковъ и Чеховъ змоки, смоки, у Сорабовъ змій (Smig), у Краинцевъ замьель и змьель, у Кроатовъ змай и змайчичь.

16) Grimm. D. M. 401.

17) Абевега Р. Суев. *Затмѣніе*.

его бѣга, — и оно отъ того померкаетъ [18]). Мы уже замѣтили, что змоки извѣстны всѣмъ южнымъ Славянамъ: у Словаковъ они являются въ различныхъ видахъ: или въ видѣ огня, или въ видѣ горящихъ цѣпей, которыя летятъ по воздуху, или даже въ видѣ цыплятъ; Клекъ Роскохапый, одинъ изъ древнихъ писателей Словаря Чешскаго, переводитъ Змѣя именемъ *Веліала.* [18]) Они вездѣ носятъ сосѣдямъ деньги, влетая въ избу черезъ трубу.[19]) У насъ огненные змѣи особенно летаютъ къ замужнимъ женщинамъ, и даже дѣвицамъ; таковъ былъ змѣй Горынчище, который знакомъ былъ со многими знатными женами въ Кіевѣ и былъ праотцемъ не одного богатыря при дворѣ славнаго Князя Владиміра; Добрыня Никитичъ, котораго змѣй едва не спалилъ и хоботомъ не ушибъ, убивъ его, нашелъ въ пещерѣ даже свою родную тетушку, Марью Дивовну. [20]) Таковаго Змока въ Польшѣ умертвилъ Кракъ, въ Богеміи Трутъ[21]).

Эти змоки похитили и дѣву *солнца*, какъ я привелъ выше, и были врагами сего свѣтила. Но главное разгулье огненныхъ змѣевъ есть при всемъ томъ во время *грома*; тогда они кубарями, плетеницами катаются по полямъ, по гумнамъ, по кровлямъ. «Въ 1215 году Февраля, въ недѣлю сыропустную, былъ

18) Lit. Mit. 12. Narb. 127.
Koll. Nar. Zpieu. 416.

19) Çitanka, st. 29.

20) Древ. Рос. Стих. стр. 45. ст. 349.

21) Saud Lib.

громъ въ Новгородѣ послѣ заутрени и леталъ змѣй.» [22] Перунъ, на Литовской монетѣ у Нарбута, держащій въ одной рукѣ громовыя стрѣлы, въ другой трость, если также не стрѣлу, возсѣдитъ на змѣѣ, дѣлая его своею *принадлежностію*.

Но замѣтимъ, что, по Русскому вѣрованію, огненные змѣи опять переходятъ къ злой сторонѣ, и вся гроза бываетъ, по мнѣнію нашему, для того, чтобы согнать діавола съ лица земли, который превращается въ разные виды, особенно въ огненныхъ змѣевъ, чтобы укрыться отъ преслѣдованія молніи; часто онъ приходитъ къ людямъ мальчикомъ, прося укрытія; но, говорятъ, если бы онъ спрятался и за ликъ божій, пощаженъ не будетъ! [23]

Не льзя предполагать, чтобы царство Парома ограничивалось верхними слоями атмосферы; о вечерней молніи безъ грома, при началѣ лѣта, употребляется въ простолюдіи глаголъ *ярить*, въ другомъ мѣстѣ *зорить*, простодушный крестьянинъ по-Волжскихъ губерній и до нынѣ очевидно питаетъ благоговѣйный страхъ къ этому явленію природы: *богъ ярить хлѣбъ*, говоритъ онъ съ крестомъ на челѣ и, молча, уходитъ въ свой домъ, въ утѣшеніи, что труды его благословятся рукою самаго Всевышняго.

Въ язычествѣ такимъ *ярителемъ*, если можно такъ выразиться, или, правильнѣе, употребивъ народное имя, *Ярилою*, былъ, по природѣ самаго явленія,

22) И. Г. Р. II, пр. 208.

23) Tab. fig. 23. 24) Абев. Русс. Суев. *Громъ*.

Паромъ; и это будетъ неоспоримымъ, когда мы вспомнимъ, что у Поляковъ нашъ громовержецъ, какъ сохранилп преданія народа Польскаго, до самаго Длугоша назывался, Ясса, Яссъ, *Ессъ* отъ Ясный, другой формы слова ярый [24]; это имя онъ носитъ и у насъ въ Россіи: въ Костромѣ, ссылаюсь на всѣхъ Костромичей, и донынѣ, въ Недѣлю Всѣхъ Святыхъ, отправляютъ, всѣмъ народомъ, празднество въ честь Ярилѣ; въ Тверп *также хоронятъ* Ярилу. [25]

Въ Померанiи чтили *Яровита*; здѣсь въ Гавельбергѣ и въ Волгастѣ имѣлъ онъ храмъ и щитъ золотой, котораго никто не смѣлъ касаться; впрочемъ характеристика частныхъ свойствъ его въ Померанiи, при Оттонѣ Бамбергскомъ, была уже потеряна; Волгастяне считали его, какъ и другихъ боговъ Померанскихъ, просто богомъ войны [26].

Принявъ Парома богомъ воздушныхъ перемѣнъ, можемъ догадываться что *Подага* у Гельмольда, Стри богъ и Дашь богъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и у Нестора, были пропменованія Парома:

Stri на Моравскомъ нарѣчіи значитъ *воздухъ*: Стрибогъ есть богъ воздуха; его внучата были вѣтры: «се

24) Dlug. II.—Впрочемъ *заря, зорить* безъ сомнѣнія имѣетъ одинъ корень съ глаголомъ *ярить;* ср. *яриться* и *зариться* сюда относится и *жаркій*.

25) Моск. Вѣст. 1829, № 7 ст. 177.

26) Vita Otton. A. Jasch. p. 181 Ludev p. 502.

вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы!» говоритъ пѣвецъ о Полку Игорева. Уже для ясности саги о вѣтрѣ, вѣющемъ *стрѣлы*, нужно было поэту напомнить имя *метателя стрѣлъ*, дѣда, *Перуна*, и поэтъ зоветъ его Стрибогомъ. Для подтвержденія сего, вспомнимъ, что Гельмольдъ только богу боговъ, (каковымъ былъ у насъ Перунъ) относитъ знаменитость и важность происхожденія отъ него. Руссъ, разговаривавшій съ Ибнъ-Фодляномъ во время совершенія тризны на Волгѣ, приписывалъ вѣтръ, который раздувалъ погребальный костеръ, также главному идолу, представлявшему *Перуна*.

У Вагировъ, по сказанію Гельмольда, почитаемо было божество *Подага*. (1 83) Думаю тоже божество по Длугошу и Кромеру разумѣли у Поляковъ подъ именемъ *Погоды*. Впрочемъ Шафарикъ [27] даетъ Подагѣ происхожденіе Литовское сравнивая съ padangis, *эфиръ*, и производя отъ dangus, неба. Срб, *дуга*, Чеш. duha, Русс. ра-дуга.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ встрѣчаемъ Дашьбога, который здѣсь, правда по очень темному мѣсту, считается таковымъ же божественнымъ *дѣдомъ* какъ Стрп-богъ. Нѣтъ сомнѣнія, что радуга у насъ принадлежала къ числу миѳологическихъ существъ, и вѣроятно имѣла отношеніе къ Дашь-богу и Подагѣ, какъ сравниваетъ Шафарикъ, хотя трудно рѣшить, какъ вмѣсто *па*, очутилось начальное *ра*.—Одна Рус-

27) Staroz. I. § 44.

ская дѣтская пѣсня олицетворяетъ радугу: «Радуга-дуга не давай дождя, давай солнышка» или: «радуга дуга передай дождя»; какъ въ Россіи, такъ и въ Богеміи радуга пьетъ изъ рѣкъ воду и оттого происходитъ дождь (Jungm. Slown. s. dúha); въ Эстляндіи она считается *серпомъ божіимъ* и богами употребляется, по народному вѣрованію, для наказанія злыхъ духовъ; у Литовцевъ она называется *поясомъ* неба (dangaus, ср. дуга, радуга); другое имя ея есть поясъ богини Лаймы, которой значеніе на небѣ опредѣлить не рѣшаюсь. Нарбуттъ признаетъ ее Менеліей (по мѣсяцу), Леліей (ср. наше Лель, Лало); ближе всего кажется сравнить ее съ Перкунателе, супругою Перкуна, которой имя теперь сохраняютъ Литовцы.

Я сказалъ, что въ Сербіи *Громовнику* приписываютъ обиліе дождя и благорастворенность воздуха. Въ Литвѣ земледѣлецъ, опасающійся по всѣмъ признакамъ бури или граду, выходитъ въ поле, засѣянное житомъ и обходитъ три раза кругомъ своей нивы, неся на плечахъ жертву, и три раза повторяя молитву Перкуну, богу сильныхъ потрясеній Атмосферы. Когда минуетъ опасность, онъ думаетъ, что Перкунъ выслушалъ его, пріявши даръ его милостиво[28].

28) Mith. Lit. стр. 328, cf. Procopii: Et elapsi periculo, qvod promisere, sacrificant eaqve hostia vitam sibi redemptam credunt. или: Ахмета Ибнъ-Фодляна: Владыка помогъ мнѣ, теперь я долженъ заплатить ему.

Судя по симъ частнымъ свойствамъ, особенно по аналогіи съ другими богами боговъ, можно заключить, что и Перунъ нѣкогда былъ только племеннымъ богомъ и можетъ быть не безъ потрясеній достигъ преобладанія надъ всею восточною Славіею.

Русскіе Словяне, у которыхъ онъ былъ богомъ боговъ, какъ и другіе, не отличались согласіемъ между собою. Еще въ 546-мъ Задунайскіе Словяне и Анты, средп упорной войны съ Греками, сражаются также упорно и между собою. [29] Въ Россіи каждое Словянское племя имѣло свое правленіе, по сказанію Нестора, Поляне свое, Древляне свое, Дреговичи свое, Словяне въ Новгородѣ свое. Кривичи, какъ видно, дѣлились на Полотскихъ, Изборскихъ, Смоленскихъ. Въ 881 Полотскіе и Изборскіе Кривичи ходили съ Олегомъ на Смоленскихъ; Владиміру помогали другіе единоплеменники ихъ противъ Рогволода. Преподобный Несторъ, какъ Полянинъ, слишкомъ мрачными красками описываетъ Древлянъ и другія племена и жалуется, что они, до нашествія Козаровъ, были въ тягость Полянамъ. Оскольдъ и Диръ получивъ власть надъ Полянами, должны были прежде всего вести ихъ на Древлянъ. [30] По смерти Игоря, Древляне въ свой чередъ считали возможнымъ сочетать Князя своего со вдовою сего Норманна и властвовать. «Русская земля велика, но порядка въ ней нѣтъ!»

29) Mem. Pop. p. 26.

30) Соф. Вр. изд. Стр. I. 13.

говорили Словяне Ильменскіе, звавшіе къ себѣ княжить иноплеменныхъ Варяговъ.

Чтобы при таковомъ распаденіи Словянскихъ племенъ господствовало *единство вѣры* въ позднѣйшихъ Русскихъ земляхъ, невѣроятно. Такъ у Балтійскихъ Словянъ долго была племенная религія; Перунъ и Подага были племенными богами Вагировъ, Жива сосѣднихъ Полабанъ, Радегастъ Оботритовъ, а Тригдавъ Штетинянъ и пр. Въ этомъ смыслѣ должно понимать и сказаніе Дитмара (II. 65), что у Словянъ, что область, то храмъ. [31] Чехъ Вацерадъ могъ у Чешскихъ Словянъ составить полный реестръ Словянскихъ боговъ; конечно имена ихъ повторялись въ разныхъ племенахъ: Перуна находимъ во всѣхъ племенахъ; Живу почитали у Лехитскихъ Словянъ, какъ въ Полабіи такъ и Польшѣ [32]; даже у Словянъ Чешскихъ (Vacerad) и Хорватскихъ; Радегаста находимъ у Редарянъ, Полабанъ и Сорабовъ и пр., но сіи имена, указывая на единство Миѳологіи, при всемъ томъ, говорятъ и о ея племенномъ разнообразіи.

Вникнемъ еще глубже: по старинному народному преданію, сохраненному Преподобнымъ Несторомъ, Радимичи и Вятичи происходили отъ Лехитскаго племени, и конечнымъ образомъ уже смирены Владиміромъ Равноапостольнымъ; за то у нихъ, еще при Несторѣ, были нѣкоторые особенные обычаи. Въ

31) VI. p. 151, 152 ed. Wagn.

32) Гельм. I. 53. 32, Dlug. II.

Югозападной Россіи были у насъ Сербскія и Хорватскія племена! Невозможно, чтобы здѣсь было единство вѣры; Ляхиты значительно разпились въ вѣроисповѣданіи даже между собою, напр. Лутичи, Мазовшане, Поморяне, еще болѣе Сербы.

Важная часть Русскихъ Словянъ называлась Кривичами: въ ихъ землѣ были пять древнѣйшихъ городовъ: Изборскъ, Плесковъ, Полотскъ, Смоленскъ и Торопецъ. Два изъ нихъ:—Полотскъ и Смоленскъ извѣстны были далеко за предѣлами Россіи еще въ глубокой древности (у Констант. Порфир., въ Сканд. сагахъ) и занимались промыслами. Изборскъ былъ столицею Князя Трувора; часть сего племени враждовала съ остальною Русью въ продолженіи всего удѣльнаго періода, и потомъ еще долго дѣлилась съ нами. Это племя, весьма вѣроятно, если не достовѣрно, въ древности также не принадлежало къ Кіевской обедіенціи Перуна, но признавало власть Ромовскаго жреца Криве-Кривейта.

Это заключаемъ изъ слѣдующихъ сказаній: Прусскій историкъ Петръ Дунсбургскій, говоря, что Криве почитаютъ въ Пруссіи, какъ Папу, прибавляетъ, что онъ своимъ мановеніемъ или повелѣніемъ управляетъ не только Прусскими народами, но и *Литовскими и землями Ливонскими*. Такова власть его, что не только онъ самъ, но и другой кто, происходившій отъ крови его, даже вѣстникъ съ его тростію или другимъ знакомъ, вступающій въ предѣлы вѣрныхъ,

принимается Государями, знатными и народомъ съ великимъ почтеніемъ.»

Адамъ Бременскій говоритъ: что Руссы (Graeci, смѣшиваемые у него съ Russi), къ Курляндскимъ Авгурамъ и Некромантикамъ, одѣтымъ въ монашеское платье, ходили искать пророческихъ отвѣтовъ.[33] Упомянутый Петръ Дусбургскій, какъ бы поясняя свои слова и подтверждая послѣднее сказаніе Адама, говоритъ, что Русскіе жили на рѣкѣ Нѣманѣ, которая, по его сказанію, Россію, Литву и Куронію отдѣляетъ отъ Пруссіи [34]. На семъ основаніи, объ участіи Кривскихъ Словянъ въ религіи *Криве*, догадывался Карамзинъ. [35].

Нынѣ его догадка подтверждается почти вполнѣ компиляціею Церковной Исторіи, которою пользовался Парбуттъ въ Литовской Мѳологіи. [36] Мы выписываемъ это важное мѣсто:

33) Ad. Brem. de Sit. Dan. c. 223, ed Lindebr.

34) Schlöz. Nord. Gesch. S. 494.

35) И. Г. Р. I, пр. 26.

36) Dodatek IV. Postea floruit in Ducatu tantum Samogitiae, usque ad extremum tempus conversionis, scil. ad annum 1414 mens. Julii 28 d. qua mortuus est in villa Onkaim, ultimus Krewe-Krewayto, nomine Gintowtus N. LXXIV Flamen. Cum eo verum extincta est dignitas, magni olim ponderis in rebus sacris, iudiciariis per totam Lethowicam, Prussiam, Lithuaniam, Samogitiam, Curroniam, Semigalliam, Livoniam, Lethigaliam, nec non Creviczensiuim Russorum; qua in declinio XI saeculi, incipit sensim deperire; denique tenebrae aeternae paganismi, fugientes de terra in terram, dissipatae sunt ante facem Christianae fidei et crucis sancti.

«Послѣ того процвѣтало (язычество) только въ Княжествѣ Самогитскомъ, даже до послѣдняго времени обращенія, т. е. до 1414 года Іюля 28 дня, въ который умеръ, въ деревнѣ Опкапмъ, послѣдній Кривe-Кривейто, по имени Гинтовтъ, № LXXIV первосвященникъ; съ нимъ палъ санъ, нѣкогда очень важный въ дѣлахъ священныхъ и судебныхъ, во всей землѣ Литовской, Пруссіи, Литвѣ, Самогитіи, Куроніи, Семгалліи, Ливоніи, Летгалліи и даже въ землѣ *Кривскихъ Руссовъ*; здѣсь началъ этотъ санъ упадать постепенно, въ исходѣ XI вѣка, наконецъ вѣчный мракъ язычества, убѣгая изъ земли въ землю, разсѣялся предъ пламенникомъ Христіанской Вѣры и Св. Креста. При семъ замѣчаніе на полѣ: Chronista Ruthenus in Archiv. Luceor. Capit. manuscrpt. № 18 Lit. L. XV. Наконецъ, что мы наши вѣрованія заимствовали отъ Литовцевъ, неоспоримымъ доказательствомъ служитъ суевѣрный слухъ, распространившійся при Всеволодѣ I. во всей Руси, будто при семъ Великомъ Князѣ, въ Полоцкѣ, бѣси на коняхъ скакали по улицамъ и убивали гражданъ; такихъ оборотней народъ называлъ, по сказанію Нестора, навье. Nahwe *значитъ у Леттовъ смерть.* [37].

И такъ можно думать, что самое названіе Кривичей есть оставшееся свидѣтельство, что Кривскіе Словяне нѣкогда признавали Латышскаго первосвященника Криве главою вѣры своей: что Кривичи не есть

37) Навье бьютъ Полочанъ, 1091 года. Grimm, D. M. 488.

племенное имя, это подтверждаетъ частію и Несторъ, который въ исчисленіи народныхъ именъ въ Россіи, по Лавр. списку, не упоминаетъ о Кривичахъ, равно о Радимичахъ и Вятичахъ, можетъ быть какъ пришельцахъ. У Константина Порфиророднаго, Пр. Нестора, въ Минхенской Рукописи, мы найдемъ довольно племенныхъ именъ, для наполненія пространства, занимаемаго Кривичами [38].

Названія мѣстъ, производимыя Шафарикомъ отъ Криве, всѣ почти относятся къ Балтійской Славіи, въ которой Словянская іерархія основывалась на однихъ началахъ съ Литовскою. Эти имена суть: городъ Кревы, и деревни: Кривскъ, Криваны, Кревни, Кревене, въ Виленской Губерніи, три деревни Кривичи и рѣка Кривча, въ Минской Губерніи; село Кривчи на Нѣманѣ, въ Гродн. деревни, Кривичинъ въ Смоленской Губерніи, Крзнивички, Крзнивице въ Мазовецк. Губерніи, Кривицы въ Галиціи, Кривичи въ Помераніи, Кривичи за Одрою [39]

Касательно другихъ племенъ, мы знаемъ, что кумиръ Перуна поставленъ былъ надъ Волховымъ уже при Владимірѣ; однако сомнительно, чтобъ служеніе ему было тогда новымъ въ Новгородѣ: напомнимъ еще разъ, что на другой день, по испроверженіи его, Индиблянинъ могъ говорить: ты Перушище *доси ти*

38) Полочане, Смоляне, Лучане, Свиряне, Обрадичи, Лукомляне и др.

39) Slow. Star. § 28, st. 533.

еси пилъ и ялъ и пр. Преданіе о Перунѣ, кажется, сохранялось долго въ Новгородѣ: объ немъ говорятъ Стрыйковскій, Гваньинъ и сочинитель Синопсиса, которыхъ сказанія не вполнѣ должно отвергать; Св. Владиміръ перенесъ кумиръ его и въ Кіевъ, съ непзвѣстнаго намъ холма, на которомъ клялись предъ нимъ Олегъ, Игорь и Святославъ съ дружиною, и поставилъ вмѣстѣ съ другими кумирами, на другомъ холмѣ, на которомъ стоялъ Великокняжескій теремъ [40]).

Но ясно видно, что при Св. Владиміръ поклонялись Перуну, какъ верховному богу; не для того ли В. Князь и перенесъ его, чтобы поставить его выше другихъ боговъ, какъ видѣлъ это А. Ибнъ Фодлянъ? теперь забыто было его первобытное свойство властителя надъ громомъ и молніею; онъ низведенъ изъ облаковъ на дворъ Норманскій и, къ своему *деревянному* туловищу, получилъ серебряную голову съ золотымъ усомъ; принадлежностей громовержца намъ уже несообщаютъ [41]). Въ Кіевѣ онъ былъ просто

40) И пача Владиміръ княжити въ Кіевѣ и постави кумиры на холму внѣ Двора Теремнаго, Перуна древяна, а главу его серебряну, а усъ златъ и Хърса, Дашь бога и пр., и пришедъ Добрыня Новугороду, поставп кумира надъ рѣкою Волховымъ, и жряху ему люди Новгородстіи, аки Богу.

41) По крайней мѣрѣ не сообщилъ намъ Пр. Несторъ. Перечитывая текстъ его, я вижу ясно, что онъ сообщилъ только *золотую* и *серебряную* часть его, какъ роскошь богопротивную, а объ остальныхъ принадлежностяхъ также не сказалъ, какъ о другихъ богахъ и о прочемъ Словяно-Русскомъ законѣ поганскомъ.

первый богъ, богъ боговъ. Къ нему, который теперь *досити ялъ и пилъ*, (ср. кормленіе боговъ въ Краледв. Рук.) приходилъ и Ибпъ Фодляновъ Словено-Руссъ, съ хлѣбомъ, лукомъ (!), молокомъ и медомъ, а когда выгодно сбывалъ съ рукъ товары, съ мясомъ бычачьимъ или овечьимъ, и давалъ ему кушать. Его имя было *Владыка*; его кумиръ былъ высокій деревянный, болванъ, окруженный въ отдаленіи другими меньшими. Когда торгъ шелъ худо, купецъ приносилъ подарки и маленькимъ болванамъ, моля ихъ о заступленіи и *величая ихъ силу и родство* [42].

Русской купецъ просилъ кумира о счастливомъ сбытѣ товаровъ, о купцѣ съ золотыми и серебряными деньгами; тогда же князья Норманскіе клали золото предъ нимъ и говорили: «пусть мы будемъ желты, какъ золото, если не сохранимъ клятвы съ *Греками*; «при клятвѣ они повергали щиты, мечи обнаженные, обручи и другое оружіе, говоря: *пусть мы будемъ заколоты оружіемъ нашимъ*!

И такъ здѣсь совсѣмъ потеряна связь просимаго съ свойствами подателя; корысть купца и ремесло хищнаго воина не исключало никакого прибытка, и о всемъ можно было просить Перуна! Примѣчательно при всемъ томъ, что различіе бога и Перуна Пр. Несторомъ еще сдѣлано: «аще кто преступитъ, еже

42) Слово въ слово съ Гельмольдомъ: Hos vero de sanguine eius processisse et unumquemque eo praestantiorem, quo proximiorem illi Deo Deorum.

есть писано на хартіи сей, будетъ достоинъ своимъ оружіемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ *бога и отъ Перуна,* яко преступи свою клятву:» даже, какъ будто напоминая о властителѣ атмосферы [43], онъ прибавляетъ: «Игорь великій князь да хранитъ любовь правую, да не разрушится, *дондеже солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ и въ нынѣшній вѣкъ и въ будущій.*» Это различіе, можетъ быть сдѣлалъ лѣтописецъ, нехотѣвшій, вмѣсто бога, коимъ должны были клясться Руссы, поставить просто Перуна, или не должно слова его принимать въ строгомъ смыслѣ; въ другомъ договорѣ это различіе уже забыто:» а иже отъ тѣхъ самыхъ, прежде рѣченныхъ, не сохранимъ азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву *отъ бога, въ него же вѣруемъ, Перуна* и въ Волоса, Скотья бога и проч.: «Словянинъ обратился опять къ богу Всеуправляющему; въ этомъ смыслѣ *творецъ молніи* былъ *Единымъ Богомъ и Господемъ всея вселенныя.* [44] Для Словянина все равно теперь было, именовался ли Богъ своимъ непостижимымъ именемъ Бога, или именемъ громовержца Перуна; онъ теперь звалъ его то Богомъ, то Перуномъ, то прабогомъ, даже Старымъ Богомъ. [45]

43) Ср. Свѣтовитъ, въ слѣд. главѣ.

44) Unus deus fulguris effector, dominus huius Universitatis, Proc.

45) Въ древніе годы, при богахъ старыхъ, при богѣ Паромѣ, не смѣла родильница въ домѣ остаться, одна безъ домашнихъ: кумы и знакомки приходили въ избу, съ горячимъ желѣзомъ. Zpiew. Koll. I. c.

Почитаніе Перуна подъ *Карпатами* было, очевидно, всеобщимъ. Мы уже многое привели изъ Словянскихъ пѣсенъ, собранныхъ и изданныхъ извѣстнымъ по заслугамъ въ Словянской Литературѣ, Іоанномъ Колларомъ, Пасторомъ Евангелической церкви въ Пестѣ. Колларъ, подробно знающій свое отечество, такъ говоритъ о Перунѣ: Перунъ еще донынѣ живетъ въ устахъ народа, какъ будто бы имѣлъ храмъ въ каждомъ городѣ, кумиръ въ каждомъ селеніи, олтарь на каждомъ холмѣ, жреца въ каждомъ домѣ; нѣтъ дня, часа, даже минуты, когда бы между Словаками мы не слышали повторяемыхъ словъ *Перунъ*, *Перонъ*, *Паромъ;* «Kde tam ide's do Paroma? Kde si bol u Paroma? Na kyho Paroma gest tito? Paromsky kuon, paromska cesta, Paromske vino et cet. [46]

О Богослуженіи южныхъ Словянъ мы можемъ только напомнить главное мѣсто изъ Прокопія. Въ *Далмаціи* одна гора именуется *Перунова Дубрава*. Въ *Валахіи* о почитаніи Перуна можемъ заключить также только изъ нѣкоторыхъ названій: Percunisti, село

46) Nar. Zpiew. I. c. Другой Этнографъ Венгерскій пишетъ: Coluisse Slavos deum ignis et fulminis, formula imprecandi, hucusqve usitata: Peron t'a zabil: Peronowa streta t'a zabila! (Сравни угрозу нашихъ матерей своимъ дѣтямъ: *Богъ убьетъ!*) ostendit. Scilicet, ut loquitur Plinius, fulminantem pejerant Jovem. Barthol. Not. Com. Goëm. p. 270. — Новоградскіе, Гёмёрскіе, Шарашскіе и другіе Словяне *громъ* именуютъ Перономъ и Перуномъ: Peron udrel, Perun uhodil. Jana Kumana: Proukazanj toho, ze Perona i Slowaci w Uherské zemi çtili w Solemn. Biblioth. Kis-Hont. Budae, 1819. Narodn. Zpiew. J. Koll. st. 407.

на р. Яловицѣ (срав. наше Перушище); Peresânni, въ Архимскомъ округѣ; Peregni въ окр. Мультцы, къ югу отъ рѣки Ольты; вѣроятно сюда же относятся Правова и Проватъ, Прово въ Венгріи. [47] Въ Валахіи, при первомъ громѣ, простый народъ повергается на землю изъ опасенія, получить боль въ хребтѣ на цѣлый вѣкъ. [48] Въ Стиріи, точно какъ и въ Россіи, паденіе въ обморокъ и апоплексическій ударъ называется *Божіе*. [49] У насъ въ знахарствѣ, получающій право *сбрызгиванія*, для прогнанія опаснаго *недуга*, получаетъ, [50] отъ главнаго знахаря, громовую стрѣлу, [51] и вообще съ нее поятъ больныхъ водою. *Рубить утинъ* (топоромъ на порогѣ, положивъ крестомъ три лучины на спину), кажется, относится сюда же.

Почитанія Перуна въ Польшѣ и въ земляхъ при-Балтійскихъ я коснулся выше. Колларъ, на 40 стр. своихъ пѣсней, приводитъ сказаніе Грунова, Прусскаго монаха, писавшаго хронику въ 1500 году, будто онъ засталъ на дѣлѣ одного крестьянина, приносившаго въ жертву козла богу грома, Перуну, со мно-

47) Rem. histor. et geogr. sur la Walachie, publiées par M. B. (Bauer, Русскій Генералъ, въ 1770.)

48) Sulzer, Transalp. Dacien.

49) Jarnik, Etymol.

50) Корень его duh, Bohem. vis *vegetativa*. cf. дюжій, duziwy.

51) См. Р. Н. Сахар. Т. I. стр. 34 и Абев. Р. С. сл. *Перунъ*.

гими церемоніями. Другія сказанія, о грубомъ суевѣріи обитателей Бранденбурга въ сіе время, подтверждаютъ въ самомъ дѣлѣ, что Германскимъ проповѣдникамъ нужно было господство въ сихъ странахъ, а не Христіанское образованіе.

Съ другой стороны, нигдѣ нѣтъ столько названій, напоминающихъ подъ разными формами (Парома Парума, Перона, Перкуна), имя бога боговъ Восточныхъ Словянъ, какъ въ Сѣверной Германіи: напр. *Баремъ*, *Барумъ*, близъ Люпебурга, *Барунъ*-душъ, въ Помераніи, *Баренъ*-дорфъ въ Бранденбургіи, *Парницъ* и *Барницъ* въ Саксоніи, *Барновъ Парновъ* въ Бранденб. *Парновъ* въ Помер., *Перицъ, Перкамъ, Перневицъ, Перпекъ* и пр.

О служеніи Перуну мы имѣемъ мало свѣдѣній; изъ послѣдующихъ главъ увидимъ, что главными священными лицами, при храмахъ Словянскихъ, были больше гадатели, чѣмъ жрецы; у Западныхъ Словянъ, та и другая должность сосредоточивалась въ одномъ лицѣ; но должность гадателя была ближе къ народу; приношеніе жертвы часто совершалъ отецъ семейства,[52] и другія частныя лица; но истина предсказаній приписывалась одному верховному жрецу, служителю храма. Большая или меньшая дѣйствительность гаданій болѣе или менѣе возвышала и знаменитость храма; Гельмольдъ говоритъ: «Свѣтовитъ, богъ Рюгенцевъ, отъ того первенствуетъ надъ другими многоразличными божествами, что онъ *дѣйствительнѣе въ отвѣтахъ*;

52) Краледв. Рук. Забой, и А. Ибнъ-Фодл.

другія божества почитаются какъ бы полубогами въ сравненіи съ нимъ». [53] Преподобный Несторъ сохранилъ намъ сагу о непогрѣшительности предсказаній волхвовъ при Олегѣ. *О принесеніи въ жертву* христіанскаго отрока, при Владимірѣ въ Кіевѣ, разсуждаютъ *только старѣйшины*. [54] Дитмаръ также знаетъ старѣйшинъ въ подобномъ смыслѣ; они имѣли право выбирать жрецовъ. [55]

Свидѣтельство Прокопія о богослуженіи южныхъ Словянъ кратко, но весьма важно; по сказанію его, Словяне дѣлаютъ Перуну обѣты, приносятъ жертвы и, во время жертвоприношенія, совершаютъ гаданія по божескимъ предсказаніямъ; это извѣстіе, какъ мы видимъ изъ сравненія, параллельно подробнымъ описаніямъ Словянскаго богослуженія у Дитмара, Гельмольда, Саксо, Біографовъ Св. Оттона; гаданія были главнымъ дѣломъ для приходившихъ въ храмы, Арконскій, Ретрскій и Стеттинскій.

Эти гаданія, какъ мы увидимъ немедленно, происходили тамъ посредствомъ коня. Есть слѣды, что Вост. Словяне также знакомы были съ служеніемъ и

53) Inter multiformia autem Slavorum numina praepollet Zwantewith, deus terrae Rugianorum, utpote efficacior in responsis, cuius intuitu caeteros, quasi *semideos*, aestimabant. I. 52.

54) Впрочемъ въ раскольничьемъ спискѣ Нестора, упоминаются жрецы, возбуждавшіе народъ умертвить двухъ мучениковъ. У меня въ рукописи; въ немъ есть и отмѣненіе Княжаго Св. Ольгою, миссія Св. Владиміра въ Венгрію и пр.

55) L. c. constituere ministros fani.

гаданіемъ сего рода. Такъ мы увидимъ, что убіеніе коня было существеннымъ требованіемъ Религіи, при совершеніи тризны. Въ житіи Константина Муромскаго читаемъ, что *мы закалали коней богамъ*; ржаніе коней было важнымъ предвѣщаніемъ [56]; въ противоположность баснословнымъ конямъ Западныхъ Словянъ: Татошу, Семику, мы имѣмъ Сивка Бурка, съ такими же чудными свойствами, какъ и тѣ; его проименованіе: *Вьщій Коурко*, извѣстно всякому. И донынѣ у насъ дѣвицы, въ святочныхъ [57] гаданіяхъ, садятся на лошадь, завязываютъ ей глаза и потомъ даютъ волю итти въ ту сторону, куда она хочетъ. [58] Одно сказаніе у Сахарова гласитъ такъ: «выводятъ изъ конюшни лошадь чрезъ оглоблю; зацѣпитъ она *ногою оглоблю или перешагнетъ*, служитъ худымъ или хорошимъ предсказаніемъ.» Разница этого гаданія отъ гаданія Ретрскаго и Арконскаго, только въ томъ, что, вмѣсто власатаго первосвященника, здѣсь ведетъ коня мечтательная дѣвушка; три ряда коней замѣнены хозяйственною оглоблею; предметомъ гаданія есть, не гибнущая отъ сокрушительнаго времени, любовь.

56) См. Ист. Г. Р. пр. 236 и XV прим. къ Іоанну Экз. Болгар. стр. 211.

57) Swatek. у З. Слов—праздникъ.

58) Абев. Рус. Суев. *гаданія.*

ГЛАВА VI.

Радегастъ и Свѣтовитъ.

Земли, между Балтійскимъ моремъ на Сѣверѣ, отъ Восточнаго устья Одры до города Киля, съ островами: Воллиномъ, Рыяномъ и Фемерскимъ, между Коркоптами и Рудными горами на Югѣ, Салою, Эльбою, Стекеницемъ, Травною, озеромъ Плонскимъ, Свентиною и Ейдеромъ на Западѣ, и Одеромъ и Боберомъ на Востокѣ, заняты были нѣкогда, главнымъ образомъ, тремя Словянскими племенами: 1) Сербами, въ нынѣшнихъ Лаузицахъ и въ Саксоніи, состоявшими изъ двухъ большихъ вѣтвей (Лужичанъ и Мильчанъ) и многихъ меньшихъ. 2) Лутичами или Велетами, [1] жившими къ Сѣверу отъ Сербовъ, между Одеромъ, Моремъ и Эльбою, и дѣлившимися также на нѣсколько вѣтвей: Ранянъ или Рыянъ (Рюгенцевъ) на Рюгенѣ или Рыянѣ, Болынцевъ или Велынцевъ на Воллинѣ, Черезпѣнянъ, Кышанъ, Долинцевъ, Редарянъ, Рѣчанъ, Стодеранъ и пр.; наконецъ 3) Оботритами, обитавшими къ Западу отъ Велетовъ, въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ и Голстиніи, и дѣлившимися на 8 вѣтвей: изъ нихъ Вагиры, Полабанцы и *Древляне* важнѣйшіе.

Многочисленнѣйшіе были Велеты, враждебные искони Оботритскому племени, защищавшіе со сла-

1) Veletabi propria lingwa (т. е. Велетове), Francica artem Vilzi. Einh. ann. 789 ap. Pertz I. 175.

вою свою независимость отъ Карла Великаго, который союзился противъ нихъ съ Оботритами.

При слабыхъ преемникахъ Карловыхъ, они такъ упрочили свою независимость и свободу покланяться идоламъ, что побѣды Генриха Птицелова, вѣроломное истребленіе Словянскихъ Князей при Оттонѣ I-мъ, лишь тѣснѣе соединили Велетовъ; кто бы повѣрилъ? даже Оботриты, вкусившіе плоды союза съ Германцами, сражаются наконецъ за древнюю вѣру въ рядахъ Лутичей, противъ потомковъ Карла В. и противъ Оттоновъ! 1002 г. Местивой, Князь Оботритовъ, возмущенный неблагодарностію Саксонскаго Герцога Бернгарда, явился въ Ретру, главный городъ Редарянъ, собралъ всѣхъ Словянъ, жившихъ къ востоку, и *вложилъ имъ въ сердце нанесенную себѣ обиду* [2]. Полчища Словянскія бросились на Христіанъ, жившихъ въ ихъ земляхъ; особенно мучили и убивали духовныхъ; за Эльбою, говоритъ Гельмольдъ, не осталось и слѣда Христіанства, тѣмъ менѣе зависимости отъ Имперіи [3].

И это возстаніе было только началомъ возвышенія язычества: Императоръ Генрихъ II, будучи врагомъ Бернгарда Саксонскаго, который для себя искалъ короны, считалъ Словянъ *естественными союзниками*.

Вскорѣ потомъ вся средина Европы раздѣлилась на двѣ половины: Нѣмецкую и Польскую: Болеславъ

2) Intimavit eis illatam sibi contumeliam. Ad Brem. I. 30, 31. Helm. I. 16.

3) Helml. l. c.

Храбрый, господствовавшій за Эльбою и Дунаемъ, въ землѣ Пруссовъ и въ Волыни, вступилъ въ упорную войну съ Генрихомъ II. Лутичи, опасаясь угнетенія свободы и вѣры еще болѣе со стороны единоплеменника, вступили въ торжественный союзъ съ Генрихомъ II, котораго искалъ сей Государь на Кведлинбургскомъ сеймѣ; полки Велетовъ, предводимые кумирами, соединились съ войскомъ Христіанскимъ; союзъ такъ былъ единодушенъ, что Государь, прозванный послѣ Святымъ, заплатилъ даже нѣкоторую сумму денегъ, за случайное оскорбленіе, нанесенное Германскими солдатами кумирамъ Славянскимъ. Къ этому союзу присталъ и В. К. Русскій Ярославъ. Дит. VII.

Гдѣ пружина этого возвышенія Славянъ? гдѣ ключь къ этой политикѣ? отвѣтъ: Ретра, религіозный и политическій центръ Лутическихъ Славянъ. Ея воины, прежде рабы, нынѣ съ своими идолами пришли на помощь нашему Королю,» говоритъ изумленный Дитмаръ (VI).

Намъ должно бы сказать о происхожденіи этого храма: но ни Исторія, ни сага не сохранили ничего о его началѣ. Можно думать, что Ретра, мѣсто храма Редарянъ, носитъ имя самаго племени; на этомъ основаніи, и Дитмаръ Мерзербургскій могъ смѣшать, какъ я изложу послѣ, названіе самаго храма, Редре, съ наименованіемъ бога здѣсь чтимаго, Редегаста; еще грамата Оттона I. намекаетъ о смѣшеніи имени племени Славянскаго и имени храма, именуя

Rederi (мѣсто) и Redere народъ. Редаряне, составляя главное звѣно Лутическаго племени, были, безъ сомнѣнія, главными вождями противъ Карла В. и Обо-тритовъ; можно догадываться, что уже и здѣсь ихъ воодушевляла вѣра. Оботриты могли, подобно Кы-шанамъ, Черезъ-пѣнянамъ и м. д. отложиться отъ Ретрской обедіенціи: притязанія Апконы на господ-ство надъ Словянами видны издревле. [4] Первое ясное свидѣтельство о храмѣ и его сплѣ находимъ уже въ 1002 году, по случаю описаннаго происшествія. Довольно подробное описаніе языческаго служенія и буйной свободы Лутичей, сдѣлано Дитмаромъ, совре-меннымъ писателемъ сихъ происшествій.

«Народъ, извѣстный намъ подъ общимъ именемъ Лутичей, пишетъ Дитмаръ въ своей хроникѣ, собствен-но не имѣетъ государя, которой бы властвовалъ надъ ними. Они сходятся на сеймы, на которыхъ со-вокупно разсуждаютъ о приключившихся нуждахъ, и потомъ рѣшаютъ дѣло; въ общихъ дѣлахъ соглаша-ются всѣ: если одинъ изъ единоземцевъ противорѣ-читъ на сеймѣ общему рѣшенію, за то подвергается побоямъ, а если бы кому пришла охота противорѣчить публично, у него или жгутъ домъ, дворъ и берутъ все имущество, или, въ присутствіи всѣхъ, налагаютъ на того пеню, смотря по имѣнію. Сіи невѣрные и легкомысленные требуютъ иногда отъ другихъ клят-вы; при заключеніи мировъ, въ знакъ вѣрности, отрѣзы-

4) Д. p. 150 ed. Wagn.

ваютъ клокъ волосъ съ головы: впрочемъ ихъ легко и опять подкупить деньгами къ нарушенію мира.» «Замѣтьте, говоритъ Дитмаръ, по случаю заключенія съ ними союза, эти воины, прежде рабы, нынѣ съ своими идолами, пришли на помощь нашему королю.» Описаніе храма впрочемъ, во многихъ мѣстахъ, не ясно; «сколько областей въ сихъ земляхъ, столько храмовъ; столько же демонскихъ кумировъ служатъ предметомъ ихъ поклоненія. Городъ, въ провинціи Редарянъ, (именуемый у Дитмара именемъ самаго кумира, Редигостомъ) занимаетъ мѣсто выше другихъ городовъ: сюда сходятся искать совѣта, замышляя войну: сюда приносятъ дары, счастливо возвратившись съ брани: здѣсь тщательно испытываютъ у своихъ жрецовъ то жребіемъ, то гаданіемъ посредствомъ лошади, какую жертву должно принести богамъ для ихъ умилостивленія. Ихъ неизрѣченная ярость утишается кровію людей и звѣрей.»

5) Dith. l. c. Est urbs quaedam in pago Riederorum, Riedigost, nomine, tricornis ac tres in se continens portas, quam undique sylva ab incolis intacta et venerabilis circumdat magna. Duae eiusdem portae, cunctis introeuntibus patent; tertia, quae Orientem respicit, et minima est, tramitem ad mare inxta positum et visu nimis horribile monstrat. In eadem est nihil, nisi fanum de ligno artificiose compositum, quod pro basibus diversarum sustentatur cornibus bestiarum. Huius parietes variae deorum dearumque imagines mirificae insculptae, ut cernentibus videtur, exterius ornant; interius autem dii stant manufacti, singulis *nominibus exculptis*, galeis atque loricis terrebiliter vestiti, quorum primus Luarazici dicitur et prae ceteris a cunctis gentibus honoratur et colitur.

«Самый городъ, пишетъ Дитмаръ, построенъ треугольникомъ и имѣетъ трои ворота; кругомъ обходитъ большій лѣсъ, священный для жителей, въ которомъ никто не смѣетъ рубить деревъ: двои ворота отворены для всѣхъ, кто хочетъ войти, третьи съ восточной стороны, весьма малы: дорога къ нимъ лежитъ подлѣ моря и представляетъ здѣсь страшное для взоровъ; въ городѣ нѣтъ ничего, кромѣ деревяннаго капища, построеннаго съ искуствомъ; вмѣсто основанія поддерживаютъ его рога различныхъ звѣрей. Извнѣ стѣны украшены изображеніями боговъ и богинь, удивительной скульптуры; внутри стоятъ рукотворенные боги, одѣтые страшно въ шлемы и панцыри, съ вырѣзанными именами; первый изъ нихъ называется Луаразици (Урспусъ читалъ въ Дрезденск. Рук. Зуаразици) и почитается язычниками больше прочихъ боговъ».—Чрезъ полстолѣтіе также темно описывалъ тоже мѣсто Адамъ Бременскій 6). «Въ срединѣ между Словянами живутъ Редаряне, городъ ихъ, знаменитая Ретре, есть *центръ идолослуженія*; тамъ построено великое капище для боговъ, изъ которыхъ главный есть

6) Ad. Brem. Inter quos medii et potentisimi omnium sunt Retharii, civitas eorum inclytissima Rethre, sedes idololatriae. Templum ibi constructum est daemonibus magnum, quorum princeps Redigast. Simusacrum eius auro, lectus ostro paratus. Ciuitas ipsa novem portas habet, undique lacu profundo inclusa, pons ligneus transitum praebet, per quem tantum sacrificantibus et responsa petentibus via concedebatur. Haec ea significante caussa, quod perditas eorum animas, qui idolis serviunt, congrue novies Styx interfusa coercet. Ad quod templum ferunt, a civitate Hammaburg iter quatvor est dierum.

Радегастъ. Кумиръ его изъ золота, постеля изъ пурпура; городъ имѣетъ девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ озеромъ; деревянный мостъ служитъ для перехода; но позволяютъ проходить только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву, или ищетъ пророческаго отвѣта. Это есть знаменіе: погибшія души смиряетъ *Стиксъ, пролившись девять разъ.* Говорятъ, что капище отстоитъ отъ Гамбурга на четыре дня пути.» Въ другомъ мѣстѣ онъ же называетъ Ретру столицею Словянъ. Чрезъ сто лѣтъ Гельмольдъ повторилъ тоже слово въ слово.

Для познанія священныхъ лицъ и гаданія, мы возвратимся къ Дитмару, который однако въ этомъ мѣстѣ совершенно теменъ; я перевелъ его, какъ понималъ: «Лутичи, говоритъ онъ, никогда не выносятъ изъ храма своихъ знаменъ, развѣ во время похода; для храненія ихъ, туземцы избираютъ особенныхъ жрецовъ; одни жрецы могутъ приносить богамъ жертву, примирять ихъ съ смертными и умолять въ часъ гнѣва; только жрецы сидятъ, когда другіе стоятъ. Они, произнося тайно нѣкоторыя слова, роютъ землю съ благоговѣніемъ и опускаютъ туда жеребьи, въ надеждѣ получить отвѣтъ отъ бога въ случаяхъ сомнительныхъ; сдѣланную яму покрываютъ зеленымъ дерномъ: тогда съ покорностію и благоговѣніемъ проводятъ коня надъ двумя копьями, воткнутыми въ землю острымъ концемъ и соединенными въ срединѣ другъ съ другомъ. Этотъ конь самаго большаго роста, и почитается у

народа святымъ; смотря на него, какъ на прорицателя, принадлежащаго богу, и на прежде брошенные жеребьи, служители храма совершаютъ гаданіе. Если выходитъ отвѣтъ благопріятный въ обоихъ случаяхъ, то предпринятое намѣреніе совершается, если же нѣтъ, народъ съ печалію оставляетъ начатое. 7)

Нѣтъ сомнѣнія, что Дитмаръ и Адамъ описывали одно и тоже мѣсто; оба писателя не посѣщали Ретры, подобно Саксо-Грамматику, описавшему Аркону. Дитмаръ зоветъ городъ Редигостъ 8); Адамъ, за нимъ Гельмольдъ и Chronicon Augustense зовутъ Ретрою; за то какъ у Адама, такъ и у Гельмольда и, что рѣшаетъ дѣло, у Чешскаго Глоссатора Вацерада, Радегастъ есть имя главнаго бога. Дитмаръ говоритъ также о главномъ богѣ, какъ мы выше читали, но зоветъ его непонятнымъ для насъ име-

7) Vexilla quoque eorum, nisi ad expeditionis necessaria et tunc per pedites, hinc nullatenus moventur. Ad haec curiose tuenda ministri sunt specialiter ab indigenis constituti, qui cum huc idolis immolare seu iram eorundem placare conveniunt, sedent hi duntaxat, caeteris adstantibus. Invicem clanculum mussantes terram cum tremore infodiunt, quo sortibus emissis rerum certitudinem dubiarum perquirunt. Quibus finitis cespite viridi eas (sortes) operientes equum, qui maximus inter alios habetur, et ut sacer ab his veneratur, super fixas in terram duorum cuspides hostilium, inter se transmissarum, supplici obsequio ducunt, et praemissis sortibus, quibus is exploravere prius, per hunc quasi divsnum denuo augurantur et, si in duabus his rebus par omen apparet, facti comitetur, sin autem, e tristibus populis hoc prorsus omittitur. L. VI.

8) Red вм. rad и доселѣ у Кашубовъ: Maly Katechism D. Martina Lutra, Dr. II. Jahresb. d. G. f. Pomm. Gesch. u. Alterth. 134.

немъ Luaradzici или, по другому чтенію, Zuaradzici [9]. Я разлагаю его въ Bug-Radzici, и думаю, что это есть Mercurius Вацерада, который симъ именемъ переводитъ Радегаста: Мы увидимъ, что богослуженіе въ Ретрѣ и Арконѣ было одинаково. Главные служители бога и правители народа были гадатели и жрецы, стражи святилища, которые однако не составляли племенной касты, но избираемы были, вѣроятно, на сеймахъ; они приносили жертвы, молились, сидѣли въ храмѣ, когда другіе стояли; орудіемъ господства было гаданіе, которому преданы были особенно всѣ Словяне; безъ ихъ *гаданія народъ не могъ совершить ничего важнаго* [10].

Вотъ пружина Словянской политики противъ Императоровъ! время Генриха II было блестящимъ временемъ господства Ретры надъ Словянскими племенами. При Конрадѣ III Нѣмцы отторгли отъ союза ея племя Стодеранъ и Бранденбургъ; но нашли отпоръ при Вербиѣ; Христіанство, истребленное во время предъидущей революціи у Оботритовъ, начало возвышаться при Кн. Готшалькѣ, который самъ толковалъ слово Божіе народу, строилъ монастыри, преслѣдовалъ язычниковъ [11]. Тогда Лутичи рѣшились зло подавить въ корнѣ: ослабить покровителей Христіанства, Нѣмцевъ: водворить опять язычество у Обо-

9) Окончаніе сего слова обнаруживаетъ форму причастія.

10) Dith. l. c.

11) Ad. Br. III, 20. 21. Helm. I. 20.

тритовъ; Нѣмцы въ 1056 году разбиты на голову, при соединеніи Эльбы и Гавеля; оставались одни старинные враги, Оботриты.

Но въ эту минуту Ретра, хотя еще доселѣ сильная, встрѣтила врага, болѣе опаснаго, нежели Нѣмцы— въ своей сосѣдкѣ Арконѣ, столицѣ Рюгена!

Храмъ въ Аркопѣ славился также древностію [12] и искуствомъ гаданія, хотя древнѣйшая его исторія для насъ также потеряна. Первое свѣденіе о Свѣтовитѣ, богѣ Ранянъ, содержится въ сагѣ Корвейскаго монастыря, по сказанію которой, будто Раняне, обращенные еще при Людовикѣ II Корвейскими отшельниками въ Христіанскую вѣру, отпавъ отъ Христіанской вѣры, сдѣлали своимъ богомъ св. Вита, покровителя Корв. монастыря, — сказаніе свидѣтельствующее, можетъ быть, объ отправленіи миссіи изъ Корвеи, но, не смотря на то, подтверждающее почитаніе языческаго Свѣтовита [13]. Можно думать, что Аркона была постоянною соперницею Ретры; она, вѣроятно, силилась утвердить свое господство среди враждебныхъ Лутичамъ Оботритовъ; мы увидимъ послѣ, что каждый разъ, когда ослабѣвала Ретра, господствовала Аркона; Аркона не устыдилась быть союзницею кровожаднаго Геро, громившаго дружины Словянъ. Она имѣла свое особенное богослуженіе, можетъ

12) Simulacrum illud antiquissimum Zwantewith, quod celebratur ab omni natione Slavorum Helm. II, 12.

13) Helm. I. 6. Vittek. III p. 568.

быть, считавшееся ересью у Редарянъ. [14] Адамъ Бременскій уже говоритъ, что Словяне [15] считаютъ обязанностію, не дѣлать ничего въ дѣлахъ публичныхъ *безъ воли Ранянъ*, которыхъ онъ зоветъ храбрѣйшими изъ всѣхъ Словянъ. «Такъ они страшны, по любви къ нимъ боговъ, которыхъ они почитаютъ съ большимъ усердіемъ предъ другими!» [16] Теперь, когда несогласія съ новыми союзниками Оботритами и война съ Германцами угрожали господству Ретры, — въ это время «*дѣла великія совершились въ Славіи* [17]».

Кышане и Черезпѣняне, недовольные господствомъ Ретрскаго храма, въ союзѣ съ Арконою, вздумали отложиться отъ обедіенціи Ретрской. Гельмольдъ, (I.21), изъясняя мѣсто Адама Бременскаго (III. 39), повѣствуетъ, что «Редаряне и Долинцы, гордясь глубокою ревностію города и славою капища, въ которомъ видѣнъ Редигостъ, хотѣли *господствовать надъ другими племенами*, присвояя себѣ *единственную честь и превосходство* потому, что къ нимъ приходили всѣ Словянскіе народы просить божескихъ отвѣтовъ и отдавать ежегодныя дани для жертвоприно-

14) Propter *specialem fani sui cultum* primum venerationis locum obtinent. Helm. 37. Arcon oppidum, vetusto simulacris cujusdam cultu inclytum. Saxo Gramm. XIV.

15) Gens fortissima Slavorum, extra quorum mentem nihil agi de rebus publicis fas est: ideo metuuntur propter familiaritatem deorum, quos maiori prae caeteris cultura venerantur.

16) Ad. Br. de Sit. D. 226—228.

17) Per idem tempus in Slavia res maximae gestae sunt. Helm. I. 21.

шеній. Черезпѣняне и Кышане отреклись служить и положили свободу свою защищать оружіемъ.»

«Мало по малу возрастало несогласіе, наконецъ дошло дѣло до битвы, въ которой, послѣ упорнѣйшаго сопротивленія, Редаряне и Долинцы обращены въ бѣгство (!). Битва возстановлялась въ другой и третій разъ, тоже пораженіе для храма; съ той и другой стороны пали тысячи. Редаряне и Долинцы, сражавшіеся за *славу* (!), чувствуя великій стыдъ, призвали на помощь храбрѣйшаго Царя Датчанъ, Бернгарда, Герцога Саксонскаго и Готшалка, Князя Оботритовъ; всѣхъ троихъ съ войсками они содержали на свой счетъ. Война съ Черезпѣнянами и Кышанами запылала съ большею яростію; прежніе побѣдители не имѣли силъ противиться множеству войскъ; убито ихъ великое множество, еще больше взято въ плѣнъ; оставшіеся должны были купить миръ за 15,000 марокъ, которыя раздѣлили между собою Князья. [18].»

18) Rjaduri s. Tolenzi, propter antiquissimam urbem et celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Ridigast ostenditur, regnare volebant, adscribentes sibi singularem nobilitatis honorem eo, quod ab omnibus populis Slavorum frequentarentur, propter responsa et annuas sacrificationum impensiones. Porro Cyrcipani atque Kycini servire detrectabant, imo libertatem suam armis defendere statuerunt. Crescente igitur paulatim seditione, tandem pervenitur ad proelium, ubi inter validissimas pugnas Rjaduri atque Tolenzi fusi sunt. Ideo secundo et tertio restauratum est proelium; item iidem ab iisdem contriti sunt. Multa millia hominum hinc et inde prostrata. Cercipani et Kycini, quibus bellum necessitas indixerat, victores; Rjaduri atque Tolenzi, qui pro gloria certabant, dejectionis suae pudore vehementer afflicti, accersierunt etc. Helm. I. 21. cf. Ad. Brem. III. 39.

Такъ спасена въ послѣдній разъ честь, но не господство Ретры. Готшалкъ подчинилъ себѣ Кышанъ и Черезпѣнянъ совершенно, и простеръ владычество свое надъ всѣми племенами къ югу отъ Ретры; но Ретра хотѣла торжествовать и здѣсь коварствомъ. Сей отличный Князь, выступившій такъ сильно противъ Ретры, былъ лишенъ власти и жизни язычниками; они еще разъ частію истребили, частію изгнали проповѣдниковъ; толпы Словянъ разлились по Саксоніи, сожгли Гамбургъ, Шлезвигъ и другіе города; вдова Готшалка съ дѣтьми бѣжала въ Данію.

Но и вліяніе Редарянъ не утвердилось: Оботриты, устранивъ убійцъ Готшалка, избрали Королемъ Крука, сына *Рыянскаго* Князя, и плоды смерти Готшалковой пожала не Ретра, но Аркона. Воинственный Круко, занимавшій престолъ почти 40 лѣтъ (1066—1105), защитившій Словянъ отъ Нѣмцевъ и Датчанъ, сдѣлалъ *политическимъ и религіознымъ центромъ Аркону*, свой отечественный городъ; съ этихъ поръ Рыянскій храмъ затемнилъ блескъ Ретры, которая хотя оставляетъ слѣды своего вліянія на Сѣверѣ до Генриха Льва, но уже ничтожна, лишенная своихъ союзниковъ.

Во время Гельмольда, Раняне присвоили уже совершенно первенство надъ остальными племенами. «Раняне, говоритъ Гельмольдъ [19], живущіе въ сердцѣ

19) Sunt autem Rani, qui ab aliis Runi appellantur, populi crudeles, habitantes in corde maris, idolatriae super modum dediti, primatum

моря, по особенному почтенію къ ихъ храму, занимаютъ теперь первое мѣсто и, налагая ярмо на другихъ, сами не терпятъ ничьего, бывъ ограждены недоступностію мѣста для враговъ.» «Богъ Рюгенской земли есть Свѣтовитъ (Swantevitus), почитаемый сильнѣйшимъ, чѣмъ другіе боги Славянскіе; ибо онъ дѣйствительнѣе (efficacior) другихъ боговъ въ отвѣтахъ пророческихъ. Другихъ боговъ почитаютъ *въ сравненіи съ нимъ полубогами.*» Первосвященника его чтутъ больше, чѣмъ Царя; жрецъ завистъ только отъ гаданія; Царь и народъ отъ гадающаго жреца. Изъ всѣхъ областей Славянскихъ ищутъ здѣсь пророческихъ отвѣтовъ и, принося жертвы, платятъ ежегодные налоги, I. 6, признавая Свѣтовита *богомъ боговъ*. II. 12. Возвращаясь съ добычею, отдаютъ серебро и золото въ казнохранилище бога; прочую добы-

praeferentes in omni Slavorum natione et fanum celeberrimum. Unde etiam propter specialem fani illius cultum primum venerationis locum obtinent, et cum multis iugum imponant, ipsi nullius iugum patiuntur, eo quod inaccessibiles sint, preter difficultatem locorum. I. 37. Inter multiformia autem Slavor. numina praepollet Zwantewith, deus terrae Rugianorum, utpote efficacior in responsis, cuius intuitu ceteros, quasi semideos aestimabant. I. 13. Magis Flaminis, quam regis veneratio apud ipsos est.—Rex apud eos modicae aestimationis est, comparatione Flaminis: ille enim responsa perquirit et eventus sortium explorat. Ille ad nutum sortium et porro rex et populus ad illius nutum pendent. II. 12. De omnibus quoque prouinciis Slavorum illic responsa petunt et sacrificiorum exhibentur annuae solutiones; sed ne mercatoribus, qui forte ad illas sedes appulerint, patet ulla facultas vendendi, nisi prius de mercibus suis deo ipsorum praeciosa quaeque libauerint et tunc demum mercimonia foro publicantur. I. 6.

чу дѣлятъ между собою. Иностранные купцы, пристающіе къ симъ берегамъ, не могутъ свободно покупать и продавать, не принесши въ даръ богу самаго лучшаго изъ всего товара; ибо только тогда признавали товаръ продажнымъ.—Храмъ имѣлъ свое казнохранилище (aerarium Dei), и поглощалъ всѣ деньги въ народѣ и притомъ ко вреду казнохранилища государственнаго (aerarium publicum) [20]. Гораздо подробнѣе описываетъ Арконскій храмъ очевидецъ разрушенія его Саксо-Грамматикъ. Кн. VI.

«Городъ [21] Аркона лежитъ на вершинѣ высокой скалы; съ Сѣвера, Востока и Юга огражденъ при-

20) Porro Rani perterriti tanto populo solverunt filium Henrici et pacem emerunt pro I millibus marcarum *et* 400 marcis de *aerario publico* per pondera. Porro autem Ranis non habebatur moneta *sed* commutabant pro panno lineo quotquot volebant; *aurum et argentum*, quod *rapinis et captionibus hominum vel undecunque acquisierunt, cultibus uxorum impendebant, aut in aerarium Dei sui conferebant. XV.* Chron. inc. Auct. ap. Lindebr.

21) Haec in excelso promontorii cuiusdam vertice collocata, ab ortu, meridie, et aquilone, non manu factis, sed naturalibus praesidiis munitur, praecipitiis moenium speciem praeferentibus, quorum cacumen excussae tormento sagittae jactus aequare non possit. Ab iisdem quoque plagis circumfluo mari sepitur, ab occasu vero uallo quinquaginta cubitis alto concluditur. Cuius inferior medietas terrea erat, superior ligna glebis intersita continebat. Septentrionale eius latus, fonte irriguo scatet, ad quem muniti callis beneficio oppidanis iter patebat. Fluuius quondam Ericus usu uiolentius intercluso, non leuius siti, quam armis obsessos premebat. Medium urbis planicies habebat, in qua delubrum materia ligneum, opere elegantissimum, visebatur, non solum magnificentia cultus, sed etiam simulacri in eo collocati numine reuerendum. Exterior

родною защитою; потому что склоны мыса представляютъ видъ стѣнъ, и такъ высоки, что метательныя махины не могутъ достигнуть ихъ верха; съ запад-

aedis ambitus accurato caelamine renitebat, rudi atque impolito picturae artificio varias rerum formas complectens. Unicum in eo ostium intraturis patebat. Ipsum uero fanum duplex septorum ordo claudebat. E quibus exterior parietibus contextus, puniceo culmine tegebatur. Interior uero, quatuor subnixus postibus, parietum loco pensilibus aulaeis nitebat, nec quicquam cum exteriore praeter tectum et pauca laquearia communicabat. Ingens in aede simulacrum, omnem humani corporis habitum granditate transcendens, quatuor capitibus, totidemque ceruicibus mirandum perstabat, e quibus duo pectus totidemque tergum respicere uidebantur. Caeterum tam ante quam retro collocatorum unum dextrorsum, alterum laeuorsum contemplationem dirigere videbatur. Corrasae barbae, crines attonsi figurabantur, ut artificis industriam Rugianorum ritum in cultu capitum aemulatam putares. In dextra cornu, vario metalli genere excultum, gestabat, quod sacerdos sacrorum eius peritus, annuatim mero perfundere consueuerat, ex ipso liquoris habitu sequentis anni copias prospecturus. Laeua arcum reflexo in latus brachio figurabat. Tunica ad tibias prominens fingebatur, quae, ex diversa ligni materia creatae tam arcano nexu genibus iungebantur, ut compaginis locus non nisi curiosiori contemplatione deprehendi potuerit. Pedes humo contigui cernebantur, eorum basi intra solum latente. Haud procul frenum ac sella simulacri, compluraque diuinitatis insignia visebantur. Quorum admirationem conspicuae granditatis ensis augebat, cuius vaginam ac capulum praeter excellentem caelaturae decorem, exterior argenti species commendabat. Solennis eidem cultus hoc ordine pendebatur. Semel quotannis, post lectas fruges, promiscua totius insulae frequentia, ante aedem simulacri, litatis pecudum hostiis, solenne epulum Religionis nomine celebrabat. Huius sacerdos, praeter communem patriae ritum, barbae comaeque prolixitate spectandus, pridie quam rem diuinam facere debuisset, sacellum (quod ei soli intrandi fas erat) adhibito scoparum usu, diligentissime purgare solebat, obseruato, ne intra aedem halitum funderet. Quo quoties capessendo vel emittendo

ной стороны, необъятой моремъ, защищаетъ ее высокая насыпь въ 50 лактей, которой нижняя часть состоитъ изъ чернозема и глины, а верхняя изъ пластины, наполненной землею; на сѣверной сторонѣ те-

opus habebat, toties ad ianuam procurrebat, ne videlicet dei praesentia mortalis spiritus contagio pollueretur.

Postero die populo prae foribus excubante detractum simulacro poculum curiosius speculatus, si quid ex inditi liquoris mensura subtractum fuisset, ad sequentis anni inopiam pertinere putabat. Quo annotato, praesentes fruges in posterum tempus asseruari iubebat. Si nihil ex consuetae foecunditatis habitu diminutum vidisset, ventura agrorum ubertatis tempora praedicabat. Iuxta quod auspicium, instantis anni copiis nunc parcius, nunc profusius utendum monebat. Veteri deinde mero ad pedes simulacri, libamenti nomine, defuso, vacuefactum poculum recenti imbuit: simulatoque propinandi officio statuam veneratus, tum sibi, tum patriae bona, civibusque opum ac victoriarum incrementa *solennium verborum nuncupatione* poscebat. Qua finita, admotum ori poculum nimia bibendi celeritate continuo haustu siccavit, repletumque mero simulacri dexterae restituit.

Placenta, quoque mulso confecta, rotundae formae, granditatis vero tantae, ut pene hominis staturam aequaret, sacrificio admouebatur. Quam sacerdos sibi ac populo mediam interponens, an a Rugianis cerneretur, percontari solebat. Quibus, illam a se videri, respondentibus, ne post annum ab hisdem cerni posset, optabat. Quo precationis more non suum aut populi fatum, sed futura messis incrementa poscebat. Consequenter sub simulacri nomine praesentem turbam consalutabat, eamque diutius ad huius numinis venerationem sedulo sacrificii ritu peragendam hortatus certissimum cultus praemium, terra marique victoriam promittebat.

His ita peractis, reliquum diei plenis luxuriae epulis exigentes, ipsas sacrificii dapes in usum conuiuii et gulae nutrimenta vertere, consecratas numini victimas intemperantiae suae servire cogentes. In quo epulo sobrietatem violare pium aestimatum est, servare nefas habitum. Nummus ab unoquoque mare uel foemina annuatim in huius simulacri cultum doni nomine pendebatur. Eidem quoque spolioru ac praedarum

четъ обильный источникъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога; когда ее преградилъ король Ерихъ, граждане терпѣли столько же отъ жажды, сколько и отъ оружія; посреди города лежитъ открытая площадь, на которой возвышается деревянный храмъ, прекрас-

pars tertia deputabatur, perinde atque eius praesidio parta obtentaque fuissent. Hoc quoque numen trecentos equos descriptos, totidemque satellites in eis militantes habebat: quorum omne lucrum, seu armis, seu furto quaesitum, sacerdotis custodiae subdebatur. Qui ex earum rerum manubiis diuersi generis insignia ac varia templorum ornamanta conflabat, eaque obseratis arcarum claustris mandabat; in quibus, praeter abundantem pecuniam, multa purpura vetustate exesa congesta fuerat. Illic quoque publicorum munerum ac privatorum ingens copia uisebatur studiosis beneficia poscentium votis collata. Hanc itaque statuam totius sclaviae pensionibus cultam, finitimi quoque Reges non absqve sacrilegii respectu donis prosequebantur. Qvam inter caeteros etiam Rex Danorum Sueno, propitiandi gratia, exquisiti cultus poculo veneratus est, alienigenae religionis studium domesticae praeferendo: cuius postmodum sacrilegii infelici carcere poenas persoluit.

Alia quoque fana compluribus in locis hoc numen habebat, quae per supparis dignitatis ac minoris potentiae flamines regebantur. Praeterea peculiarem albi coloris equum titulo possidebat, cuius iubae aut caudae pilos conuellere nefarium ducebatur. Hunc soli sacerdoti pascendi, insidendique ius erat, ne divini animalis usus, quo frequentior, hoc vilior, haberetur. In hoc equo, opinione Rugiae, Suantouitus, id simulacro vocabulum erat, aduersum sacrorum suorum hostes bella gerere credebatur. Cuius rei praecipuum argumentum extabat, quod is nocturno tempore stabulo insistens, adeo plerumque mane sudore ac luto respersus videbatur, tanquam ab exercitatione veniendo magnorum itinerum spatia percurrisset. Auspicia quoque per eundem equum huiusmodi sumebantur. Cum bellum adversum aliqvam provinciam suscipi placuisset, ante fanum triplex hastarum ordo, ministrorum opera, disponi solebat; in quorum quolibet binae e transuerso iunctae, conversis in terram cuspidibus, figebantur, aeqvali spatiorum magnitudine ordines

ной работы, но почтенный, не столько по великолѣпію зодчества, сколько по величію бога, которому здѣсь воздвигнутъ былъ кумиръ.»

«Вся внѣшняя сторона зданія блистала искусно сдѣланными барельефами различныхъ фигуръ, но безобразно и грубо раскрашенными. Только одинъ входъ былъ во внутренность храма, окруженнаго двойною оградою; внѣшняя ограда состояла изъ толстой стѣны съ красною кровлею; внутренняя—изъ четырехъ крѣпкихъ колоннъ, которыя, не соединяясь твердою стѣною, увѣшаны были коврами, досягавшими до земли, и примыкали ко внѣшней оградѣ лишь немногими арками и кровлею. Въ самомъ храмѣ стоялъ большій, превосходившій ростъ человѣческій, кумиръ съ четырьмя головами, на столькихъ же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди и двѣ къ хребту, но такъ, что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ, одна смотрѣла на право, а другая на лѣво; волосы и борода были подстрижены коротко; и въ этомъ, казалось, художникъ соображался съ обыкновеніемъ Рюгенцевъ. Въ правой рукѣ кумиръ держалъ рогъ

disparante. Ad quos equus ductandae expeditionis tempore, solenni praecatione praemissa, a sacerdote e vestibulo cum loramentis productus, si propositos ordines ante dextro quam laeuo pede transcenderet, faustum gerendi belli omen accipiebatur. Sin laevum vel semel dextro praetulisset, petendae prouinciae propositum mutabatur. Nec prius certa nauigatio praefigebatur, quam tria continue potioris incessus vestigia cernerentur. Ad varia quoque negotia profecturi ex primo animalis occursu votorum auspicia capiebant. Qvae si facta fuissent, coeptum alacres iter carpebant, sin tristia, reflexo cursu propria repetebant.

изъ различныхъ металловъ, который каждый годъ, обыкновенно, наполнялся виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука, которою кумиръ опирался въ бокъ, подобилась луку. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ деревъ и такъ искусно были соединены съ колѣнями, что только, при точномъ разсматриваніи, можно было различить фуги. Ноги стояли наравнѣ съ землею, ихъ фундаментъ сдѣланъ былъ подъ поломъ. Въ небольшемъ отдаленіи видны были узда и сѣдло кумира съ другими принадлежностями; разсматривающаго больше всего поражалъ мечь огромной величины, котораго ножны и черенъ, кромѣ красивыхъ рѣзныхъ формъ, отличались отличною серебреною отдѣлкою.»

«Въ честь кумира совершали годовой праздникъ слѣдующимъ образомъ: вскорѣ *послѣ жатвы*, собирались жители со всего острова предъ храмомъ, приносили жертвы и потомъ отправляли общественный пиръ, именемъ своей вѣры. Жрецъ, который, вопреки обыкновенію страны, не стригъ ни головы, ни бороды, еще за день до праздника, святилище храма, куда входъ только ему былъ позволенъ, выметалъ вѣникомъ, какъ можно лучше, притомъ стараясь со всѣмъ не дышать внутри храма; потому всякій разъ, принужденный выдохнуть и вдохнуть воздухъ, онъ выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества дыханіемъ человѣческимъ.»

«На другой день народъ располагался вокругъ храма. Верховный жрецъ, въ виду всѣхъ, бралъ рогъ изъ рукъ кумира, и если находилъ, что вина убыло или испарилось въ большемъ количествѣ, то онъ возвѣщалъ безплодный годъ, и повелѣвалъ беречь хлѣбъ на другой годъ; но если вино стояло въ рогѣ такъ, какъ ожидали, верховный жрецъ предсказывалъ плодородный годъ. По мѣрѣ сего знаменія, совѣтовалъ народу или беречь или изводить хлѣбъ; потомъ онъ выливалъ старое вино къ ногамъ кумира, въ возліяніе ему, и наполнялъ снова рогъ; почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде своего жреца, желалъ, исчисляя *его прозваніе* [22], себѣ и отечеству счастія, гражданамъ приращенія имущества и побѣдъ. Окончивъ рѣчь, осушалъ рогъ скоро, за одинъ разъ, потомъ наполнялъ его опять виномъ и давалъ въ руки кумиру. При семъ праздникѣ, употребляли еще пирогъ круглый, сладкій, необыкновенной величины, почти съ человѣка [23]. Жрецъ ставилъ пирогъ между собою и народомъ и потомъ спрашивалъ: видятъ ли его? Когда Руяне говорили, что видятъ, то онъ обнаруживалъ желаніе, чтобы годъ былъ такъ плодороденъ, чтобы его за пирогомъ со всѣмъ было не видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ не только благосостоянію народа, но и обилію слѣдующей жатвы. Наконецъ верховный жрецъ привѣт-

22) Параллельное мѣсто въ Краледв. Рукописи, «куда отецъ *глашать* ходилъ, вырубили всѣ рощи.»

23) Slaui usque ad hunc diem placentis ualde delectantur. Dubr.

ствовалъ присутствующій народъ именемъ бога, увѣщевалъ его ревностно приносить жертвы, и обѣщалъ за то непреложно побѣду на морѣ и сушѣ.»

Остальная часть дня проходила въ пышномъ пиру, на которомъ потребляли жертвы; здѣсь неумѣренность была добродѣтелію, а воздержаніе стыдомъ. Для содержанія кумира *каждый* житель острова, обоихъ половъ, вносилъ *монету*. Ему также отдавали третью часть добычи и хищенія, вѣря, что его защита даруетъ успѣхъ; кромѣ того, въ его распоряженіи были триста лошадей и столько же всадниковъ, которые все, добываемое ими насиліемъ или хитростію, вручали верховному жрецу; отсюда приготовлялись различныя украшенія храма; прочее сохранялось въ сундукахъ подъ замками; въ нихъ, кромѣ огромнаго количества золота, лежало много пурпуровыхъ одеждъ, но отъ ветхости гнилыхъ и худыхъ. Можно было видѣть здѣсь и множество общественныхъ и частныхъ даровъ, жертвованныхъ благочестивыми обѣтами требующихъ помощи; потому что сему кумиру *давала дань вся Словянская земля*. Даже сосѣдніе государи посылали ему подарки съ благоговѣніемъ: между прочими Король Свенонъ, для умилостивленія его, принесъ въ даръ чашу искуственнѣйшей отдѣлки, предпочитая чужую вѣру своей; онъ наказанъ послѣ за нечестіе узами темницы.

Этотъ богъ имѣлъ также храмы въ очень многихъ другихъ мѣстахъ, управляемыхъ жрецами меньшей важности. Кромѣ того, при немъ былъ конь, со-

вершенно бѣлый, у котораго выдернуть волосъ изъ гривы или хвоста почиталось нечестіемъ. Только верховный жрецъ могъ его кормить и на немъ ѣздить, чтобы обыкновенная ѣзда не унизила божественное животное. Вѣрили, что на семъ конѣ Свѣтовитъ ведетъ войну; это слѣдовало изъ того, что конь, ночью стоявшій въ стойлѣ, часто утромъ былъ покрытъ пѣною и грязью, какъ будто онъ воротился изъ дальней дороги. При наступающей войнѣ его спрашивали объ успѣхѣ войны слѣдующимъ образомъ: служители бога передъ храмомъ втыкали въ землю тройный рядъ копьевъ, острымъ концемъ; ряды копьевъ, связанныхъ, по два на крестъ, отстояли одинъ отъ другаго равно; жрецъ, по совершеніи торжественнаго моленія, выводилъ изъ воротъ коня за узду; если конь дѣлалъ шагъ чрезъ копья прежде правою, а потомъ лѣвою ногою, почитали за счастливый признакъ, но если онъ шагнулъ хотя одинъ разъ сперва лѣвою, то планъ войны измѣнялся. Точно такъ они не прежде почитали путешествіе по морю безопаснымъ, какъ когда три раза сряду предсказанъ будетъ счастливый успѣхъ. Даже на какое бы ни шли дѣло, первое встрѣтившееся животное Славянамъ предсказываетъ ихъ ожиданія. Если признаки будутъ хороши, они весело далѣе идутъ въ дорогу, если не хороши, съ грустію возвращаются домой.

ГЛАВА VII.

БОГИ ПЛЕМЕННЫЕ.

Какъ ни подробны описанія Ретрскаго и Аркопскаго бога боговъ, но мы все таки не знаемъ коренныхъ свойствъ того и другаго. Простое сравненіе у Вацерада Радегаста съ Меркуріемъ. Свѣтовита, у того же писателя и у Саксо Грамматика, съ Марсомъ не даетъ намъ *ясныхъ отличій;* Латинскіе писатели среднихъ вѣковъ съ этими именами сравниваютъ Одина, Тора и др., но какъ различны Меркурій, Одинъ, Радегастъ! при постоянной враждѣ Словянъ съ Германцами, каждый богъ въ Германской Славіи есть естественный *воитель и защитникъ* страны: такъ въ Ретрскомъ храмѣ всѣ боги представлены вооруженными съ ногъ до головы [1]); привязанность Словянъ къ земледѣлію дѣлала каждаго бога *подателемъ плодородія.* При перевѣсѣ главныхъ боговъ, и боги второстепенные, разширивъ свой кругъ дѣйствованія, потеряли свою коренную природу, и поддерживали свое бытіе только сими общими аттрибутами.

Такъ какъ памятники Миѳологическіе относятся къ сему времени преобладанія верховныхъ боговъ, то мы почти лишены средствъ проникнуть въ при-

1) Interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus in sculptis, galeis atque loricis terrebiliter vestiti, etc.

роду самыхъ племенныхъ боговъ; даже вѣроятно не знаемъ и половины именъ ихъ: покрайней мѣрѣ выраженія Дитмара и Гельмольда подаютъ поводъ къ этому мнѣнію; [2] такъ мы не знаемъ, какихъ богинь Редаряне, бывшіе въ союзѣ съ Генрихомъ II, брали съ собою въ походъ [3]; свойство именъ Крта, Житврата, Саня и другихъ, находимыхъ у Вацерада, лишь рѣшаетъ одна догадка.

Но мы, лишенные отличительныхъ свойствъ племенныхъ боговъ Словянской Миѳологіи, имѣемъ описанія нашего народа, отъ того времени, когда оно еще имѣло, такъ сказать, правы первозданные и еще, какъ будто, образовало свою Религію,—сказанія драгоцѣнныя для всѣхъ коренныхъ жителей Европы. Эти первозданные правы и жизнь Словянъ, пронпкнутые самою чистою природою, и даже ею опредѣленные, суть не что иное, какъ торжество *природной вѣры*, которая и составляетъ существо Религіи нашихъ предковъ на степени, разсматриваемой сею главою.

2) Паприм. multiplex idolorum cultura; agri et oppida paenatibus et lucis (?) abundant: quot regiones sunt in his partibus, tot templa et simulacra deorum ab infidelibus coluntur; parietes variae (Retrae) deorum dearumque imagines mirifice insculptae *exterius* ornant, *interius* autem dii stant manufacti etc. etc.

3) Sed Leutici redeuntes irati dedecus deae suimet illatum queruntur. Nam haec in vexillis formata, a quodam Hermanni Marchionis socio lapide uno traiecta est et, dum hoc ministri eius imperatori dolenter retulissent; ad emendationem XII talenta perceperunt. Et cum juxta Worcin civitatem Mildam nimis effusam transire voluissent, deam *cum egregio L militum comitatu* alteram perdiderunt. Dithm. p 239.

И такъ намъ остается, положивъ въ основаніе *коренныя черты характера* и *жизни* Словянъ, *утвердить* ихъ потомъ, какъ было въ дѣйствительности, печатію *вѣры народной*.

Незнакомому наблюдателю характера нашего народа, первый, самый нѣжный колоритъ давало его *гостепріимство*. Безъимянный жизнеописатель Св. Оттона говоритъ: «Каждый отецъ семейства имѣетъ свой *отдѣльный домъ*, опрятный и честный, лишь посвященный гостепріимству; здѣсь всегда стоитъ столъ, наполненный яствами и питіемъ; если что будетъ снято, ставится немедленно что нибудь другое. Въ какой часъ вамъ угодно искать гостепріимства, будьте гостями, будьте домашними, сѣвши за столъ, вы найдете всё готовымъ. [4])» «Гельмольдъ говоритъ, что «онъ узналъ самъ на опытѣ, что прежде гласила общая молва, что нѣтъ на свѣтѣ добрѣе и гостепріимнѣе Словянъ. [5])» «Между жителями (Помераніи) такая честность и общительность, что они, незнакомые съ воровствомъ и обманомъ, не знаютъ ни сундуковъ, ни ключей; свою одежду, деньги и драгоцѣнности хранятъ въ ящикахъ и кадкахъ подъ простою крыш-

4) Quilibet pater familias domum habet seorsum, mundam et honestam, tantum refectioni vacantem. Illic mensa cum omnibus, quae bibi ac mandi possunt, nunquam vacuatur, sed aliis absumptis, alia subrogantur. . Quacunque ergo hora reficere placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia paratu inveniunt, intromissi ad mensam. Anonym. V. S. Ott. p. 691. ed. Lud.

5) Illic experimento didici, quod ante fama vulgante cognoui, quia nulla gens honestior Slavis in hospitalitatis gratia. Helm. I. 83.

кою, не боясь злыхъ людей; народъ очень дивился, увидѣвъ запертыми сундуки и чемоданы Епископа Оттона. 6) Бѣдныхъ и нищихъ нѣтъ въ Померанiи и во всей Балтiйской Славiи: Если кто сдѣлается боленъ или слабъ отъ старости, отдаютъ наслѣднику ходить за нимъ, что и исполняется съ нѣжнымъ человѣколюбiемъ. 7)»

6) Tanta uero fides et societas est inter eos, ut furtorum et fraudum penitus inexperti cistas et scrinia non habeant serrata. Nam seram vel clauem ibi non viderant, sed ipsi admodum mirati sunt, quod clitellas Episcopi et scrinia serata viderent. Anon. p. 690 ed. Lud.

7) Audiuerat fama ferente egenos atque mendicos penitus non habere. V. S. O. Anon. p. 653. ed. Lud.

Nec enim aliquis egenus aut mendicus apud eos repertus est: statim enim ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas, aut decrepitum aetas, haeredis curae delegatur, plena humanitate fouendus. *Hospitalitatis enim gratia et parentum cura primum apud Slavos virtutis locum obtinent* Helm. II. 12. Карамзинъ говоритъ, что дѣти имѣли право умерщвлять родителей, обремененныхъ старостiю и болѣзнями, тягостныхъ для семейства и безполезныхъ *согражданамъ*; — мѣсто недостойное стоять въ H. Г. Р. Гебгарди, отецъ сего сказанiя, основалъ его, на покушенiи на отцеубiйство жителя въ Люнебургiи, въ *четырнадцатомъ столѣтiи*, во время *истребленiя* Славянскаго племени въ сихъ странахъ; *что* Крантiй, передавшiй случай и ставитъ причиною: pressio misera rusticae plebis; nemo impendit misericordiam, magis emunguntur ad sanquinem. Quantos putamus ea conditione emori coactos? H. Г. Р. I. 3. Gebh. Gesch. d. Wend. Krantzius, Wand. VII. 47. Другую причину представляетъ Гебгарди, что такъ было у Пруссовъ (?), Геруловъ и Тюрингенцовъ; слѣдуетъ ли, что такъ было у Славянъ? Карамзинъ прибавляетъ, что мы *вообще* находимъ великое сходство *между нравами Славянъ и народовъ Германскихъ!* Прим. 141.

Источникомъ гостепріимства Словянина было земледѣліе; не собирая огромныхъ богатствъ, онъ, при своемъ трудолюбіи и навыкѣ, наслаждался всегда обыкновеннымъ сельскимъ благосостояніемъ. Такъ безъимянный писатель жизни Св. Оттона не можетъ надивиться земледѣльческому достатку Поморянъ. [8] Старгардскій Епископъ при Оттонахъ наложилъ на каждый плугъ по 12 серебр. монетъ налога! [9] Земледѣліе было какимъ-то патріархальнымъ занятіемъ, не исключавшимъ и самыхъ зажиточныхъ: одна богатая вдова близъ Кашина, хорошая хозяйка (strenue regens domum suam) въ Воскресный день, когда Христіане новообращенные шли въ церковь, выгнала на поле жать многочисленную дворню, *почитая*, какъ она говорила, *отечественныхъ боговъ*; прибывъ на жатву, чтобъ подать примѣръ, она сама засучила рукава, поддернула платье и, схвативъ серпъ въ правую руку жито въ лѣвую, начала жать. [10] Въ средней и южной Германіи: въ Фульдѣ, Вюрцбургѣ, Магдебургѣ, Байрейтѣ, Пфальцѣ, Гогенлое, Словяне были учителями земледѣлія, гдѣ и понынѣ глубокія и узкія борозды называются Вендскими. [11] Маддяры, оставивъ пастушескую жизнь, у насъ въ первой разъ увидѣли земледѣльческія занятія и научились имъ: какъ въ Вен-

8) Anon. II. 1.

9) Helm. I. 14.

10) Anon. II. 22.

11) Rohrer, Versuch üb. d. slaw. Bevölk. d. öst. M. Wien. 1804. T. I. p. 106.

герскомъ такъ и въ Нѣмецкомъ языкахъ слова земледѣльческія суть большею частію Словянскія. [12]

Но во всѣ времена въ Словянахъ, преданныхъ трудолюбію, открывается и любовь къ войнѣ, особенно, если судьба поселяла ихъ подлѣ моря; не соединенные узами гражданственности, они дѣлаются Гайдуками, злыми морскими разбойниками на моряхъ [13]. Таковы были Перечане близъ Адріатическаго моря; таковы и нынѣшніе ихъ потомки; таковы были Лутичи близъ Балтійскаго моря. Гельмольдъ повѣствуетъ, что «прибрежные Словяне, занятые войною

12) У Венгровъ: barazda, borona, gereblye, kasza (коса), villa (вилы) и оттуда boronalnj, kaschalni; puszta, barlang (берлога), Halom (холмъ), szena (сѣно), salma (солома), rozs, Szallas, Kortsma, parlag (паръ), *Tsepl*-löfa (цѣпъ), и пр.; у Нѣмцевъ: Pflug (pleti–extirpare), Peitsche (бичь), Grüdel (hridel), Seidelhof (sidlo), Rabatten, Studel (stodola), Roggen, Hafer, Rüb и пр.—Мелю, молоть, мельница,—выраженіе общее всѣмъ Европейскимъ языкамъ для измельченія хлѣбныхъ зеренъ въ муку, есть Словянское; корень его есть *мал, мел* parvultus, minutus. Въ Русскомъ языкѣ мелю имѣетъ два значенія: 1) minuere, dividere, discerpere, minutatim concidendo, dirumpendo, et c. inde мелкій, minutus. 2) molo: другіе языки не могутъ показать ни корня, ни производныхъ словъ съ какимъ либо близкимъ понятіемъ, но, очевидно, заимствовали отъ той или отъ другой изъ приведенныхъ формъ: Gr. μυλη μυλος. (Ростъ производитъ отъ μυ mugientis!) Lat. molo, mola, molaris, molarius etc. Ant. G. muole, mulin; Ang. S. myll, myln, milen; Ang. mill; Holl. molen, mealen; Sued. moel, moella; Dan. moelle; Jsl. mylna; Jrl. muilean, meile; Hisp. molino; Jtal. mulino; Finn. müllu, Ung. malom; Russ. мелю, молоть, мельница; Pol. mlyn; Boh. mleyn; Wall. melin; Serb. mlin, malin cf мал.—Слово *зерно*, Lat. granum, Ger. korn и kern, Alt. G. cherne, Ang. kernel, Sved. kaerna, (Ср. Koenig—Князь, Pfening—пѣнязь, Viting—витязь, Siling—Слезъ), происходитъ отъ *зрѣю* = maturesco.

и грабежемъ, не строили прочныхъ домовъ, но хотѣли только защищаться бѣдными хижинами отъ непогоды и дождей. Когда раздавался звукъ трубы, звавшій въ походъ, они зарывали въ землю весь измолоченный хлѣбъ, золото, серебро и драгоцѣнности, женъ и дѣтей отсылали въ крѣпости и лѣса, оставляя жилища, сплетенныя изъ прутьевъ, произволу врага». Эта смѣсь радушнаго гостепріимства и отважнаго хищничества и есть характеръ первобытныхъ жителей Европы; оно не исключало и у другихъ народовъ земледѣлія; у насъ оно шло рука объ руку.

Ясно видно, что Славянинъ рано соединялъ обязанность гостепріимства съ обязанностями религіи. Такъ Пястъ угостилъ двухъ странниковъ, и *Царь Царей* сдѣлалъ сына его родоначальникомъ главнаго племени Пястовъ. Matth Chol. 1. 18. Безъимянный писатель жизни Св. Оттона пишетъ, что *каждый* житель Помераніи имѣлъ отдѣльную комнату для гостя, и если что снималось со стола, на мѣсто

13) Latrocinalis haec consuetudo, recenti adhuc aetati, ideo apud eos invaluit, ut omissis penitus agriculturae commodis, ad navales excursus expeditas semper intenderint manus, unicam spem et diuitiarum summam in navibus habentes sitam. Sed nec in construendis aedificiis operosi sunt, quin potius casas de virgultis contexunt, necessitati tantum consulentes adversus tempestates et pluvias. Quoties autem bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam palleis excussam, aurum atque argentum, et praetiosa quaeqve fossis abdunt, uxores et paruulos munitionibus vel certis siluis contutant. Nec quicquam hostili patet direptioni, nisi tuguria tantum, quorum amissionem facillimam iudicant. Helm. II. 13.

того ставили что нибудь другое. Отказавшему въ гостепріимствѣ *вся община* мстила раззореніемъ двора; нерадѣніе о гостепріимствѣ одного лишало всю страну милости боговъ; кому нечѣмъ было угощать странника, можно было нужное для гостя взять у сосѣда, даже тайно; что пошло на гостей, то не украдено, былъ законъ Словянскій. [14]

Этотъ обычай уже такъ глубоко проникъ бытъ Словянъ, что, по сказанію Гельмольда, все, что они пріобрѣтали *земледѣліемъ*, *рыбною ловлею*, *охотою*, употребляли на щедрость гостепріимства. И такое употребленіе, какъ мы можемъ заключать изъ Саксо-Грамматика, было опять *освящено религіею*: Саксо, въ приведенномъ мѣстѣ, говоритъ о Свѣтовитѣ, что, если въ рогѣ, который былъ въ рукѣ у сего бога, налитое вино убывало въ продолженіи года, это, значило, неурожай, и первосвященникъ приказывалъ беречь хлѣбъ; если же вино стояло на обычайной чертѣ, онъ, предсказывая времена благословенныя, совѣтовалъ *расточительнье употреблять дары природы*, т. е. на гостепріимство, какъ намъ даютъ знать приведенныя слова Гельмольда.

Грабежи состояли также подъ покровительствомъ бога, считаясь обыкновеннымъ промысломъ первобытныхъ народовъ: мы читали у безъимяннаго писателя хроники Словянской, что главная добыча хищенія отдавалась въ храмъ Арконскій; Словянинъ,

14) Helm. I. 83.

выходя на войну, первоначально вопрошалъ боговъ въ Арконѣ и въ Ретрѣ. Самъ верховный жрецъ посылалъ собственный отрядъ для хищничества; да и самъ богъ Святовитъ, вѣроятно, на такой же промыселъ отправлялся ночью на своемъ конѣ.

Кто же былъ богомъ гостепріимства?

Раде-гастъ, долженъ отвѣчать, всякій, кому понятны звуки Словянской рѣчи. Общность Словянскаго гостепріимства сдѣлала его богомъ боговъ у Словянъ западныхъ, но господство его въ этомъ смыслѣ есть еще *племенное*, и онъ чтимъ былъ, кажется, во многихъ *племенахъ Словянскихъ;* по сказанію Гельмольда, онъ былъ древле богомъ Оботритовъ: въ Вагріи, по его же сказанію, былъ въ послѣдствіи монастырь, носившій его имя; близъ Гадебуша ручей и рѣка, впадающая въ рѣку Гадебушъ, называются также Радегастомъ. У сосѣдняго племени Редаряпъ, Радегастъ достигъ степени бога боговъ (какъ мы изложили выше), и получилъ общія свойства; гдѣ была Ретра, его храмъ, Археографы еще несогласны[13]. Въ другихъ странахъ также видны слѣды его почитанія: на границахъ Моравіи и Силезіи есть гора, называющаяся также Радгостъ; есть мѣстечко Радегостъ и въ Дессау; другихъ мѣстныхъ именъ отъ слова rad, red, radz, redz, находимъ безчисленное множество во всѣхъ Словянскихъ земляхъ, напр. Радин (въ Венгр.), Радно (въ Росс.), Радоменъ (въ Прусс.), Радомы

13) Вѣроятнѣе всего при Долинскомъ озерѣ. cf. Dritt. Jahresb. der Gesell. der Meklenburger Gesch. und Alterthumsk.

(въ Турц.), Радницъ (въ Богеміи), Реднпцъ (рукавъ въ Бавар.), Радовпсте и пр.

Вацерадъ, Чешскій Глассаторъ, его именемъ переводитъ *Меркурія*, думаю, для выраженія того состоянія народа, когда онъ, возвышаясь надъ непосредственными дарами природы, на счетъ ихъ хочетъ обогатить себя сообщеніемъ съ иноземными народами. Гостепріимство не есть еще образованность торговли и промышленности; но при всемъ томъ, подобное состояніе въ образованіи человѣчества, замѣчено Исторіею у всѣхъ народовъ. Впрочемъ рано на берегахъ Балтійскихъ возникла торговля, морская и сухопутная: тогда какъ Германцы еще долго стыдились сего промысла, Словяне Лутичскіе, исключивъ отъ поморья Саксонцевъ, защитивъ его отъ Скандинавскихъ племенъ, одни поддерживали связь Балтійскаго моря съ Чернымъ и Каспійскимъ, плавая по рѣкамъ, и открывая сухопутные тракты, къ чему естественно много содѣйствовалъ священный обычай гостепріимства [16]. На Балтійскихъ берегахъ еще въ язычествѣ процвѣтали Волинъ, Деминъ, Гутцковъ, Волгастъ, Узедомъ, Бѣлградъ, Трибзесъ и пр., города, составлявшіе въ послѣдствіи Вендскую четверть въ Ганзѣ, коей истинными основателями Лютцовъ считаетъ Словянъ [17]. Тогда торговля не отличала рѣзко городскихъ селеній отъ цѣлой массы народонаселенія. Склонность къ мѣнѣ

16) Pfister. Gesch. d. Deutsch. I. p. 349.

17) Gesch. v. Meklenb. p. 134.

произведеній земли въ Словянахъ вездѣ доказывается посѣщеніемъ отдаленныхъ рынковъ, въ надеждѣ возвысить сельскую промышленность. Это есть характеръ и нашего Русскаго Меркурія.

Замѣтимъ еще, что почти у всѣхъ Западныхъ Словянъ, *пиры*, по случаю сельскихъ и домашнихъ праздниковъ, называются именемъ, взятымъ отъ одного корня съ щедрымъ богомъ гостепріимства: такъ у Чеховъ Радованки, Радовница, Радовникъ содержатъ понятіе пирующаго. У Словянъ Подкарпатскихъ, Радостникъ называется большій пирогъ на свадьбѣ; у Чеховъ и у Моравянъ также знаютъ Радостникъ и Радованецъ; такой же пирогъ извѣстенъ и у Русняковъ въ Галиціи (Ruskoe Wesile), наши Радуницы (см. ниже), праздникъ въ честь усопшихъ на Ѳоминой недѣлѣ, также имѣютъ главное отношеніе къ угощенію на родительскихъ могилахъ; въ Бѣлоруссіи на могилы льютъ медъ и горѣлку, стелютъ столечникъ и ставятъ кушанье съ привѣтами.

Уже въ семъ понятіи Радегаста, въ преобладаніи гостепріимства, вступившаго теперь на степень добродѣтели, надъ дикимъ грабежемъ, видна побѣда жизни земледѣльческой надъ жизнію хищническою, и Словянинъ, вопреки Германцу, былъ искони собственно земледѣльцемъ; теперь трудъ надъ землею, мирная сельская жизнь сродили его съ занятою страною такъ, что скоро поэзія и природная вѣра обняла всѣ предметы міра: всѣ тѣла небесныя, воды,

животное, растительное царство; Словянинъ видѣлъ въ природѣ одного себя и для него она ожила человѣческою жизнію: Словянка разговариваетъ съ Солнцемъ, Мѣсяцемъ, съ Звѣздами, съ рѣкою Дунаемъ, которая течетъ для него вездѣ отъ Пучины Адріатической до Великаго Новагорода, поетъ въ веселіи калину и малину, въ грусти скорбитъ съ ивою, съ уединеннымъ дубомъ; свиститъ соловей,—это объясненіе въ любви милаго; щебечетъ сорока на окошкѣ, она говоритъ вѣсть о смертн. Въ приведенномъ сборникѣ Словакскихъ пѣсней у Коллара, цѣлыхъ 6-ть печатныхъ листовъ пѣсней земледѣльческихъ и пастушескихъ! есть пѣсни при пашнѣ, при рубкѣ лѣса, при собираніи грибовъ, клубники, малины, листа; есть пѣсни при сѣнокосѣ, жатвѣ, молотьбѣ и пр.; бытъ пастушескій также обнятъ поэзіею, но Словянинъ, главнымъ образомъ, есть земледѣлецъ, у котораго, какъ говоритъ Сербская пѣсня, черны руки, но бѣлы пироги: хлѣбъ есть символъ мирнаго сообщенія его съ другими; на обиліи его основано наше гостепріимство; объ немъ вопрошали мы жрецовъ Ретрскаго и Арконскаго; хлѣбъ и донынѣ мы выносимъ гостю, посылаемъ родильницѣ, брачной четѣ.—Намъ отдавали Германцы воздѣлывать свою землю, и безспорно Словянинъ составилъ ступень при первомъ развитіи Европы. Земледѣліе есть принадлежность всѣхъ нашихъ племенъ: въ Словянскихъ пѣсняхъ всегда тѣ же отдѣлы, какъ будто бы согласились ихъ собиратели; откуда же это согласіе оттѣнковъ столь живое, что

по неволѣ дивишься, какъ, не только повѣрья, но даже слова прошли покрайней мѣрѣ двѣ тысячи годовъ послѣ раздѣленія, и остались въ первобытной неприкосновенности![18]

Словянинъ, ставши на эту точку, такимъ образомъ слѣдитъ *впрою и чувствомъ за всѣми временами года*, съ перваго пробужденія природы до послѣдняго ея оцѣпенѣнія; его богп, поочередно, нисходятъ на землю и увлекаютъ его къ участію *въ своей божественной комедіи.*

Переходъ одного времени года въ другое, сопровождался издревле народными празднествами. Праздникъ обновленія природы весною праздновался за нѣсколько недѣль до теперешней Цвѣтной Недѣли, но доселѣ было царство *смерти или Мурены.*

Мурена.

Самое имя показываетъ, что она была богиня смерти: страшно катится Влаславъ (сраженный) по землѣ, *Морена* сыпала въ ночь черную. Кр. Рук. Честм. и Власл.)

Вацерадъ (Mat Verb) переводитъ именемъ Морены *Римскую Гекату.* Ея имя и поныпѣ живетъ въ устахъ Словаковъ, Чеховъ, Лужичанъ, Поляковъ; ея

18) Такъ, чтобы привести что нибудь, сказки объ Ягѣ Бабѣ, о Копѣ Татосѣ, Сивкѣ Буркѣ повторены у Коллара *слово въ слово* съ нашими. Въ пѣсняхъ на жатву мы найдемъ у Словаковъ и *козу* или хвостъ, когда худой жнецъ не жнетъ наровнѣ съ другими, а остается назади. Д. II. ст. 500.

празднества не прекратились и доселѣ: дѣвицы въ Липтовѣ, Любекѣ въ *Цвѣтную или Смертную недѣлю* на высокой жерди выносятъ и нынѣ женскую фигуру и поютъ:

Muriena naša
Kdies prebywala?
W dedienscom dome,
W noveg stodole!

А по выносѣ Мурены:

Wyniesli sme Murienu ze wsi,
Prynesli sme Mag nowi do wsi.

Уже здѣсь съ понятіемъ о Муренѣ Словянинъ смѣшалъ понятіе *о смерти природы*. Еще Забой (Крал. Рук.) противополагаетъ *Морену Весну*; вмѣстѣ съ упомянутымъ выносомъ Морены въ *Липтовѣ* парни выносятъ другую фигуру Морены, мужскую, подъ именемъ *дѣдка;* дѣдка представляютъ сѣдящимъ всю зиму въ анбарахъ и пожирающимъ хлѣбъ; [19] при наступленіи весны, его выносятъ и Чехи [20]. Обыкновеніе выносить Морену осталось даже и въ тѣхъ земляхъ, которыя теперь уже всѣ понѣмчены, напр. около *Бамберга* [21]. Ее почитали усердно въ Лаузицѣ: одна гора близъ Ейлавы, носящая и донынѣ ея имя, ей была посвящена; въ прошедшемъ столѣтіи здѣсь найдены небольшіе кумиры, уже по этому ей при-

19) Nar Zpiew. I, st. 4.

20) Palat. G. v. B. VI. c. 8. 183.

21) Vic. Haas, Gesch. d. Slaven an der Aisch. Bamb 1819 I. s. 18. N. Zp. st. 401.

писываемые. [22]) Куппель, пасторъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія писалъ, что на этой горѣ древле происходило поклоненіе Моранѣ и говоритъ, что, еще въ послѣднее столѣтіе, о Троицынѣ дни каждый вечеръ простой народъ, по неясному влеченію, отправлялся на *Маранину* гору и на противуположную ей Лербергъ; на послѣдней былъ колодезь, изъ котораго всѣ мылись; на горѣ видны были развалины зданія. Одинъ маленькій кумиръ найденъ былъ Грюневальдомъ; онъ былъ изъ глины, 2′ выс. 1′ шириною, который впрочемъ трудно изъяснить, по неимѣнію другихъ данныхъ; онъ представляетъ почти въ бюстѣ женскую фигуру, съ покойнымъ лицемъ, одѣтую въ кафтанъ; съ головы, почти отъ самыхъ глазъ до пояса, свѣшивается назадъ покрывало, оставляя только одно лице [23]).

Бѣльскій повѣствуетъ, что въ *Польшѣ* также бросали въ воду соломенную чучелу цѣлою деревнею и потомъ всѣ бѣжали домой; кто на дорогѣ падалъ, тому въ томъ году было умереть. Польскіе писатели также знаютъ о Марзанѣ, которую большая часть ихъ опредѣлить хорошо не могли; одинъ Кромеръ разсказываетъ справедливо, что, на четвертой недѣлѣ поста, идолы Марзаны и Зевонія [24]), воткнутые на шесты, выносимы были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ болото или въ рѣку, съ великимъ плачемъ и жалобными пѣ-

22) Горчанскій, въ описаніи Лауз. библіот. Laus. M. Jahrg. 1799.

23) N. Laus. Mag. 1827. 3 St.

24) L. II.

снями. У *Восточныхъ Словянъ* имя Морены пропадаетъ, но праздникъ ея оставилъ замѣтные слѣды: такъ въ Орловской губерніи, въ области Радимичей и Вятичей, дѣвицы, при наступленіи весны, бѣгаютъ ночью по полямъ, съ метлами и кочергами, и гоняютъ смерть [25]. Въ другихъ губерніяхъ и въ Западной Россіи о праздникѣ въ честь усопшихъ напоминаетъ обыкновеніе сходиться на Ооминой недѣлѣ на родительскія могилы съ кушаньемъ и напитками. Праздникъ сей извѣстенъ въ Россіи подъ именемъ Радуницы. Издатель Церковнаго Словаря приводитъ: что прежде дѣлали даже возліяніе виномъ въ честь усопшихъ; имя Радуницъ стоитъ и въ Стоглавѣ [26]. Наша церковь положила совершать память о всѣхъ, почившихъ въ вѣрѣ, въ недѣлю Св. Отцевъ, которая сходится съ языческою Русальною недѣлею; отсюда вышла противоположность печальныхъ и радостныхъ народныхъ обычаевъ на Русальной или Семицкой недѣлѣ [27]. Г-нъ Снѣгиревъ, говоря о старомъ и новомъ Семикѣ весьма безвременно, и вопреки празднованіямъ другихъ Словянъ, эту недѣлю посвящаетъ мертвымъ: въ Слободско-Украинской губерніи, по сказанію его, даже народъ сожигаетъ чучелу изъ черноклена и называетъ ее Мореною; думаю, что и

23) Вѣст. Евр., V. 1827. ст. 271.

26) Вѣст. Ев. п. м.

27) Семикъ—Четвергъ передъ Троицынымъ днемъ; у Литовцевъ Троицынъ день называется Секминесъ, и происходитъ отъ Секмасъ = семь. Праздникъ считается отъ Великаго Четверга. (См. ниже.)

здѣсь языческій праздникъ слишкомъ далеко ушелъ за Христіанскимъ. Чего небросаютъ въ Святоянскій огонь?

Приведенный стихъ изъ Кр. Рукописи, очень темно выражаетъ отправленіе должности Морены; мы должны, по мнѣнію нашихъ предковъ, представлять *наше состояніе за гробомъ черною ночью*; эта черная ночь есть *могила*. Мы живемъ теперь на бѣломъ свѣтѣ, дѣлаемъ то, другое, но для каждаго изъ насъ уже *готова могила*; если съ вами случится, что вдругъ пробѣжитъ по тѣлу дрожь,—это Морена перешагнула чрезъ вашъ гробъ [28]. Людей, сходящихъ со свѣта, Морена *сыплетъ въ черную ночь*; душа человѣческая тогда *выходитъ изъ тѣла*. Въ словѣ о Полку Игоревѣ есть также такая смерть: небысь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода, единъ же *изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе*. [30] Въ Саксонскихъ Рудныхъ горахъ, ежели кто умираетъ, еще доселѣ отворяютъ окно въ домѣ, чтобы душѣ можно было вылетѣть. [31] У воинственнаго юноши [32], который «ходилъ по горамъ, ходилъ по доламъ, въ бою лютомъ, въ брани гордой, душа, вышибенная тяжкимъ млатомъ измѣнника, *вылетѣла* также *прекраснымъ стройнымъ* (пекнымъ, таглымъ) *горломъ и красны-*

28) Grimm, D. M. 1037, Суев. въ Буццлау.

29) Кр. Рук. 16.

30) III. 4. Пзд. Максим.

31) Изъ Хемницкой Кармапной Философіи, у Як. Грима.

32) *Елень*, Кр. Рук.

ма ртома. За отлетѣлою душею хлынула теплая кровь, но ее, каплющую, пьетъ *сырая земля*.» Душа, вылетѣвъ изъ тѣла, летитъ вверхъ на деревья, и тамъ летаетъ туда, сюда, по деревьямъ, пока мертвый не будетъ сожженъ [33]. *Отъ того* послѣ битвы, когда тѣла долго лежатъ непогребенными на полѣ, особенно въ чужой землѣ, много такихъ душъ *летаетъ по деревьямъ, въ ближнихъ рощахъ, туда, сюда.* Ихъ боятся птицы и звѣрь робкій, лишь одне совы не боятся. [34] *Отъ того* всѣ мы знаемъ, что значитъ: *печально* врань на кровлѣ прокричалъ! Еще хуже, если вороньё розыграется въ воздухѣ [35].

Впрочемъ живые еще не прекращаютъ конечнымъ образомъ сношенія съ мертвыми: *можно дѣдовъ вызвать изъ гробовъ.*

Древнѣйшее свидѣтельство о семъ представляетъ тотъ же Косма Пражскій, повѣствуя, что Брячиславъ (1092) запретилъ сценическія представленія, совершаемыя *на распутіяхъ, для удержанія* душъ, и языческія игры, которыя отправлялъ народъ съ плясками и надѣвши маски, *чтобъ вызвать* тощія души усопшихъ. [36] Нѣчто подобное приводитъ и Несторъ, говоря, что кости, оставшіяся послѣ сожженія мертваго,

33) Ib. Чест. и Власл.

34) Ib.

35) Приб. къ Іоанну Экз. Болгар. ст. 211.

36) Scenas, quas ex gentili ritu in biviis et triviis, quasi ob animarum pausationem, item et jocos profanos, quos super mortuos suos inanes cientes manes, ac induti faciem laruis, bacchando exercebant. Chr. Bohem. III. 197. ed. Dobr.

выставляемы были на столбахъ, *при дорогахъ*. [37] Обычай вызыванія мертвыхъ въ Россіи господствовалъ и при Іоаннѣ IV, который въ Стоглавѣ осуждаетъ тѣхъ, которые «въ Великій Четвергъ порану солому палятъ и *кличутъ* мертвыхъ;» въ другомъ мѣстѣ находимъ, что «въ Семицкую недѣлю сходятся на жальники мужи и жены, плачутъ по гробамъ съ великимъ кричаніемъ и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити на тѣхъ жальникахъ.» Съ вызываніемъ мертвецовъ тѣсно соединены Радуницы, у Бѣлоруссовъ называемыя и дзядами, праздникъ общій у насъ съ Литовцами. Въ Бѣлоруссіи собираются во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, на могилахъ, зовутъ *святыхъ радзицелей* притти на могилу хлѣба-соли кушать; послѣ пиршества говорятъ невидимымъ гостямъ: *Мои радзицели, выбачайце, не дзивицесь, чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада.* [38] Уже послѣднее выраженіе показываетъ, что угощеніе должно происходить въ домѣ. У другихъ Бѣлоруссовъ это угощеніе совершается въ самомъ дѣлѣ въ домѣ, подъ Литовскимъ именемъ chaulras, и подъ Словянскимъ *дзяды*. Нарбуттъ [39] сообщаетъ намъ подробно и это удивительное угощеніе, описываетъ, какое готовится для нихъ кушанье, какъ прибирается изба, столъ, что

37) XII. Шлёц.

38) В. Ев. п. м.

39) Mit. Litew. st. 379.

долженъ говорить хозяинъ, при мнимомъ приходѣ дорогихъ гостей, какое благоговѣніе въ хижинѣ, когда невидимо сядутъ за столъ покойный прадѣдъ, дѣдъ, прабабушка, бабушка, отецъ, мать, братья, дяди и пр. и будутъ потреблять кушанье, позволенное богами. Когда отпустятъ гостей, всѣ увѣрены, что *дзяды* пошлютъ благословеніе на своихъ внуковъ. Слѣды этого угощенія, внутри Россіи, сохранились во многихъ обрядахъ при родительскихъ дняхъ [40]. Литовцы имѣютъ даже и молитву *къ богинѣ смерти*, о позволеніи ихъ родственникамъ притти къ нимъ кушать хлѣба соли.

Упомянутое тождество души и птицы породило вѣру въ оборотней. Мы привели выше сагу о Всеславѣ; мѣсто изъ прибавленія къ Іоан. Экз. Болг. описываетъ также свойство оборотня: двенадесятъ *опромѣтныхъ лицъ, звѣриныхъ и птичьихъ*, се есть первое, тѣло свое *хранятъ мертво, а лѣтаютъ орломъ, ястребомъ, и воропомъ, и дятлемъ*, рыщутъ лютымъ звѣремъ, вепремъ дикимъ и волкомъ, летаютъ зміемъ, рышутъ рысью, медвѣдемъ впр.

За погребеніемъ слѣдуетъ, какъ сказано выше, сожженіе тѣла, съ праздникомъ, называемымъ у Нестора и у Вацерада *тризною*, совершавшеюся у всѣхъ Словянъ и Литовцевъ; но изложеніе ея мы предоставляемъ себѣ въ другое время, въ трактатѣ о служеніи Словянъ богамъ своимъ. Здѣсь, для окончанія сказанія о Моренѣ, замѣтимъ, что, по случаю сожженія

40) В. Ев. пр. м.

богатаго Русса, Аравитянинъ Ибнъ Фодлянъ упоминаетъ объ одной старухѣ, которая сряжала умершаго на костеръ, и потомъ убивала дѣвицу, обрекшую себя на смерть вмѣстѣ съ возлюбленнымъ; она называлась *ангеломъ смерти*. Тогда же одинъ Руссъ упрекалъ Аравитянъ, что они закопываютъ въ землю человѣка, который имъ былъ милѣе всѣхъ; «мы, говорилъ онъ, сожигаемъ его немедленно, чтобы онъ вдругъ перешелъ въ рай». Владыка (Перунъ) послалъ тогда вѣтеръ, чтобы онъ скорѣе обратился въ пепелъ. Такъ мы имѣемъ свое понятіе *Рая*, равно и понятіе *ада*! Адъ у Западныхъ Словянъ называется пекло, Срб. пакао; то и другое слово есть общее съ Литовцами, Rojus и Pekola; послѣднее происходитъ у нихъ очевидно отъ Pickullis, третьяго главнаго бога Литовскаго, бога ада[41]; призраки или бѣси, убивавшіе людей въ Полоцкѣ въ 1091 году, называемы были Полочанами навье, словомъ также *Леттскимъ*.

Мы видимъ, что время праздника воспоминанія усопшихъ очень растянуто; начало его въ Костромской губерніи я видѣлъ еще въ послѣдній день Масляницы [42]. Срединою его можно считать время Страстной Недѣли: въ Великій Четвергъ, по Стогла-

41) Литовцы выноса умершаго кричатъ: Hei, hei, *begeite* Pokolel (происходитъ отъ Нѣм. pech? J. Gr.)

42) Одинъ семидесятилѣтній старикъ видомъ какой-то таинственности вечеромъ заманилъ молодежь въ небольшій лѣсъ; здѣсь на бугрѣ, возвышавшемся надъ рѣчкою, уже торчалъ на высокой жерди соломенный снопъ, обмазанный смолою. Маститый поклонникъ старины зажегъ его своею рукою, на *поминъ старикамъ*.

ву, «порану палили солому и кричали мертвыхъ»; конецъ праздника далеко уходитъ въ весну.

Наконецъ мало по малу *Морена* переходитъ въ *Весну*: въ Россіи, 4 Марта (въ день Св. Герасима) пекутъ грачей, 7-го каплетъ вода съ кровли, 9-го пекутъ жаворонковъ; 17-го (въ день Алексѣя Божія человѣка) течетъ съ горъ первая вода; 19-го (Св. Даріи), навозятся дороги и прорубн. Въ Лазарево Воскресенье въ Сербіи поютъ пѣсни о пробужденіи природы [43]; въ Вербное Воскресенье дѣвицы еще до солнышка бѣгаютъ черпать воду; послѣ обѣдни пляшутъ коло и поютъ, какъ вода мутится отъ оленьихъ рогъ и какъ чистѣетъ отъ его глазъ; 23 Апрѣля уже ищутъ цвѣтовъ и травъ. У насъ вербою, освященною въ Цвѣтное Воскресенье, гоняютъ скотъ на траву. Въ Костромской губерніи, на конецъ Св. недѣли или даже на Ѳоминой, на Радуницу, *окликаютъ молодыхъ*, т. е. сочетавшихся въ тотъ годъ бракомъ, (въ Стоглавѣ: оклички на радуницу творятся). Скоро приходитъ Семикъ и Троица, самый веселый праздникъ весны, называемый праздникомъ Королевы у всѣхъ Южныхъ Славянъ, и посвященный обновленію природы и *любви*. Королева и Богиня любви была *Лада*.

43) Ranke S. Rew.

ГЛАВА VIII.

ДИДИ ЛАДА, ИЛИ ВЕЛИКАЯ ЛАДА.

Такъ называлась та, къ которой возносились обѣты и хвалы любившаго Словянина. Изъ древнихъ писателей имя ея сохранилъ одинъ Вацерадъ, Чешскій Глоссаторъ, который именемъ ея перевелъ Латинскую *Venus*; послѣ него уже Длугошъ ставитъ Ладу въ числѣ другихъ извѣстныхъ ему божествъ; но переводитъ ее, противъ всякаго ожиданія, Марсомъ, потому ли, что можетъ быть въ позднѣйшее время Ляхи, подобно Балтійскимъ Словянамъ, забывъ коренное ея свойство, прибѣгали къ Ладѣ, какъ къ главному Богу во всѣхъ нуждахъ [1], или, что гораздо вѣроятнѣе, потому, что онъ перепуталъ по своему баснословныя имена, подобно своимъ послѣдователямъ, которые сдѣлали зло совершенно непзлѣчимымъ [2].

Главнымъ образомъ имя и характеръ Лады сохранились въ пѣсняхъ, отчасти какъ припѣвъ, съ прозваніемъ Великой, или Диде, взятымъ изъ Литовскаго языка, отчасти какъ ласка любимаго лица, наконецъ какъ имя непотребной женщины; въ

1) Мы видѣли, что Лутичи выходили на поле битвы, предводимые кумиромъ богини.

2) Другое прозваніе Веперы Дзезилiею у него вѣрно.

первомъ случаѣ имя ея соединено съ именемъ Леля или Лала.

У Литовцевъ именемъ и свойствами сходятся три богини: Лайма, Лада, или Лойда, и Лала; послѣдняя является въ мужеской и женской формѣ, какъ Лель и Лала; даже обѣ формы встрѣчаются вдругъ. Лаймѣ давали опеку надъ молодыми дѣвицами, родильницами и дѣтьми. [3] Лада извѣстна, также какъ у насъ, только изъ припѣвовъ, съ пропменованіемъ Велпкой. Лель и Лада были близнецы: братъ съ сестрою, мужъ съ женою: у насъ Словакская пѣсня знаетъ только первое родство. [4] Пропменованіе Лады Велпкою (Didde) на чужемъ языкѣ, вѣроятно, есть очень древнее: оно у всѣхъ Словянъ не только постоянно соединяется съ ея именемъ, но, и стоя одно, въ разныхъ формахъ, замѣняетъ ея имя. Мужеская форма сего пропменованія есть *диддисъ*, женская *дудде* [5]; полный припѣвъ на Литовскомъ языкѣ есть: Ладо, Ладо, Ладо, дидде мусу (ср. мы) *деве;* Ладо, Ладо, Ладо, великая *наша* богиня.

Въ припѣвѣ старинной Русской пѣсни «Просо сѣяли», она величается *дидде* или съ нечувствительною перемѣною *е* на *и*. Словаки, которые часто въ слова вносятъ ришезмъ тамъ, гдѣ его нѣтъ въ Чешскомъ [6], сдѣлали изъ *дидде*: *динда, дюндя, дендя;* Випдій-

3) Lit Mit. st. 43.

4) Moga sestra Loida, A muog brat ge Lalo. Nar. Zp.

5) Другая форма диддаисъ и диддале, adiect. 2. term. Lith Wörterb. v Milke.

цы и Краинцы уже прямо *донда*, Сербы *дода* и *дуда*, съ пропменованіемъ *бѣлой* 6).

Польскій Историкъ Мехолита говоритъ, что и Поляки Мазовскіе воспѣваютъ *дада, дада*. Изъ этихъ формъ явились новыя формы, особенно чрезъ прибавленіе *ле* по примѣру: Ладо-Ладоле, Woino-Woinole, Hoja-hojole и пр. 7). Такъ отъ *дида* и формы западныхъ Словянъ *дзидза* произошла Дидилія, Дзидзилія. Длугошъ (II) говоритъ, что Поляки называютъ Веперу Дзидзиліею, почитая ее богинею веселія и умноженія плодовъ; отъ того многіе жены просили у нее сыновей и дочерей. 8)

6) Напр. *Енжи* вмѣс. Яга баба; strnkati вмѣс. strkati, otkundes вм. otkudes и пр. Zpiew. Koll. пр.

7) Срвск. Рiечн. В. Ст. *Ле*.

8) Форма *дзидза*, которую простымъ Латинскимъ шрифтомъ пишутъ всегда Ziza (cf. Razici вмѣсто Radzici, Сорабское Zascho вмѣсто dj, wizescho вмѣсто видяше) можетъ служить изъясненіемъ *Цицы, Зицы* Германскихъ Миѳологовъ и самой Цисы, описываемой въ Cod. Monac. Lat. и въ Cod. Emeram и др., у Якова Грима, Deut. Myth. 182. 185; мѣстомъ поклоненія ей приписывается (еще во времена Римлянъ) позднѣйшій Аугсбургъ и предѣлы Порическіе, откуда насъ выводитъ Препод. Несторъ, (если у него вмѣсто Порци не читать *Иллирци*). 1) Что мы имѣли дѣло съ Римлянами, объ этомъ нѣтъ сомнѣнія: вспомнимъ только о медали (Vaillant, Num. Imp. 1674. Par. 337.) Цезаря Волузіана, 253 по Р. Хр., который побѣдилъ насъ вмѣстѣ съ Финнами, Галлидами и Вандалами; вспомнимъ о насыпяхъ на Волыни въ Украйнѣ, притомъ посящихъ имя Трояна. (Jos. Saf. Sl. Star. § 22.) 2. Праздникъ Цицы, былъ праздникъ сладострастія: Die deae Zizae celeberrimo, ciues, ludum et lasciviam magis, quam formidinem ostentarunt (у Грима). Въ той же хроникѣ упоминается Хаганъ (по мнѣнію Як. Грима) Auar, filius *Bogudis;* послѣднее имя есть

Изъ *Додо* вышла серб. форма Додоле:

Мы идемо прека села
Ой додо, ой додоле
А облаци преко небо,
Ой додо, ой додоле
А ми брже, облакъ брже
Ой додо, ой додоле.
Облаци насъ протекоше
Ой додо, ой додоле.
Жито, вино поросише
Ой додо, ой додоле.

Словакъ, удерживая свою форму, сдѣлалъ дюндель, потомъ дюндикъ, дюндичекъ, Галичане Дудекъ; послѣднія формы уже мужескія; *проименованіе богини любви*, сдѣлавшись ея *именемъ*, является также, какъ и самое имя, въ мужеской и женской формѣ: дидъ, дидко; это имя, принятое Ломоносовымъ и Кайсаровымъ безъ основанія за имя Купидона, существуетъ однако у Русняковъ, (Ruskoje Wesile, Prze-

Словянское Bohuta, утверждаемое памятниками и употребленіемъ. Cas. Cesk. Mus. VI. 60. cf Bohusin, Bohusa, Bohuslaw. Можно припомнить и *Боже* (Booze) Короля Антовъ, котораго съ дѣтьми и семьюдесятью Боярами Остготѳъ Винитаръ захватилъ въ плѣнъ и *распялъ*. Jorn. Getic. c. 24. Кухарскій очень остроумно этого *Боже* сравниваетъ съ *Бусомъ* (сл. о П. Игор.), котораго золотомъ звонили Готѳскія красныя дѣвицы. Въ этомъ мѣстѣ приходитъ въ соприкосновеніе *Боже*, (вѣроятно уменьшительное имя какой нибудь формы болѣе длинной), Шарокянъ (имя Аваро—Половецкое). Готѳы и Троянъ Римскій. cf Mem. popul. Gothica, ad a. 377 Dzienn. powsz. Warszaw. 1834. Rozm. Lwow. 1834. № 40. Ceska Wcela, 1834. c. 47.

mysl) для выраженія демона; другая Синонима сего слова въ Галиціи есть *Лелекъ* [9]). Сюда же относится и Словакская пословица: Na swateho Dindy, co ne bude niedy. Несмотря на то, что есть причины принимать двѣ формы для божества любви мужескую и женскую, я, основываясь на Вацерадѣ, древнѣйшихъ свидѣтельствахъ и употребленіи въ Литвѣ, за главное божество и коренную форму сего имени считаю *Ладу*, и думаю, что женщины, можетъ быть по разнымъ неудовольствіямъ отъ богини, поставили вмѣсто Лады — Лада: такъ Хорватскія красавицы знаютъ и воспѣваютъ Лада, святаго бога:

Ива красивый
Розы срываетъ
Тебѣ, Лало
Святый боже!
Лало, Лало.
Выслушай Лале и пр. [10]).

По Хорватянки, по моему мнѣнію, приведены въ ошибку двусмысленностію ихъ грамматики: онѣ въ звательномъ падежѣ оканчиваютъ на *о* какъ мужскія такъ и женскія имена смѣшенно; напр. Янко, Видо, *Бригито*, *Розо* и проч.; тогда очень легко, особенно при склонности пѣвицъ имѣть божество любви пола мужескаго, разумѣть въ именительномъ, вмѣсто жен-

9) Другія Синонимы: Paskuda, Klekot, Latawiec. Smolka, Bies, Ciurnosc. Piesni L. P. w Galicyi, 1838, st. 76.

10) Katancsich. Spec. Phil. Pann. Zagr. 1793. p. 112.

ской Лады, мужескаго Лада. Впрочемъ въ Славоніи воспѣваютъ и прямо Лада, дѣлая звательный падежъ безъ всякой двусмысленности:

Ладе ми Ладе, миле Ладе мой!
Три дѣвойке жито жале:
Ладе ми Ладе, миле Ладе мой!
Одна другой говорйле:
Ладе ми Ладе, миле Ладе мой.

Праздничныя пѣсни въ честь Ладѣ и хороводы остаются для насъ, къ сожалѣнію, единственными свидѣтелями служенія сей богинѣ у разныхъ племенъ. Пѣсни, судя по напѣву теперешнихъ припѣвовъ, были, безъ сомнѣнія, величественны, пѣлись многими и содержали обѣты и моленія. Колларъ говоритъ, что у Словаковъ изъ всѣхъ ихъ пѣсней, (двухъ большихъ томовъ) нѣтъ лучше пѣсни: *гоя Дюндя, гоя*), въ честь Ладѣ: когда ее поютъ Словачки, громко и величественно раздаются голоса ихъ по окрестностямъ [11]). Самый хороводъ, по описанію Лойтча, (на Латин. языкѣ) [12]).

11) Wykl. ku Sl. Dc. str. 496.

12) Not. Com. Göm. Leuts, p. 446. Est et ille oblectationis modus usitatus, qui ad canticum Slavorum nationale: Hoja Dnnd'a Hoja! adhibetur. Formant primum, qui ita se oblectant, plerumque puellae et virgines aliquando iuvenibus mixtae circulum pro numero ludentium maiorem minoremque ac manibus arcte connexi in gyrum mox hanc, mox in illam partem, iam lentius, iam celerius ambulant, exclamationem illam Hoja Drund'a Hoja, repetendo et canendo, lusum continuant. Porro semicirculum formant, in cuius uno crure, qui altioris staturae sunt consistunt, ac manibus complicatis atque supra caput elevatis porticum efformant, quo reliqui, initis ab altero crure facto subeunt, trans-

очень замѣчателенъ, по сходству съ нашимъ хороводомъ при пѣснѣ: *Просо сѣяли*. Дѣвушки, часто перемѣшавшись съ парнями, дѣлаютъ кругъ большой или малой, по числу пѣсенницъ, и, схватившись плотно за руки, ступаютъ мѣрно, вертясь кругомъ, и повторяя припѣвъ: гоя Дюндя, гоя! Потомъ весь хороводъ вдругъ разрывается на два ряда и противоположные хора; одна сторона спрашиваетъ, другая отвѣчаетъ, обѣ припѣваютъ: гоя Дюндя гоя! Скоро дѣлаютъ полукругъ: на одномъ концѣ его становятся, кто больше ростомъ; эти два крайніе, схватившись за руки и поднявъ ихъ выше головы, дѣлаютъ портикъ, подъ который проходитъ весь хороводъ, начиная съ другаго конца. «Самая пѣсня, какъ и наша «*Просо сѣяли*» теперь довольно темна. Лада, называемая здѣсь Королевою, посылаетъ дѣвицъ за камнями, чтобы мостить золотые мосты, вѣроятно, къ ея храму, ея-святилищу; другая сторона хоровода тогда только можетъ пройти по золотому мосту, когда заплатитъ черноокую дѣвушку, czernooke dewczatko. У насъ въ «Просо сѣяли» воспѣваютъ туже Ладу и платятъ тѣмъ же; пѣсню эту у насъ знаетъ всякій; она поется, какъ извѣстно, въ хороводѣ, также величественно, достойно великой богини, какъ и *гоя Дюндя, гоя!*

euntque, ac iterum continus canentes, quisquis suo loco consistunt. Eadem scena quoties placet, repeti solet.

13) Меня глубже занялъ тотъ же припѣвъ Ладинъ, «ой диди Ладо» въ другой пѣснѣ, которой начала не упомню и которую поютъ какимъ-то дикимъ скороговорочнымъ напѣвомъ. Въ припѣвѣ

Праздникъ Лады у Словянъ былъ около теперешняго Троицына дня; когда природа разовьетъ свои первыя красы, тогда и юность, полная первой жизни, торжествуетъ праздникъ любви: вѣнокъ есть знакъ связи сочувствующихъ сердецъ, его зелень есть свѣжесть новой любви: сознаніе народа, показывающее нѣчто великое, вполнѣ человѣческое!

Живѣе всѣхъ Троицынъ день у Сербовъ: здѣсь десять или пятнадцать дѣвицъ, разряженныхъ, сколько можно, ходятъ, въ этотъ праздникъ, отъ дома до дома, играютъ и поютъ. Одна изъ нихъ, самая красивая и средняго роста, выбирается *королевою*, другая королемъ, третія знамяносцемъ, четвертая прислужницею. Королева покрываетъ голову бѣлымъ покрываломъ, въ качествѣ *бѣлой Дуды*; шапка королевская украшается цвѣтами; у нея въ рукѣ мечь. Когда придутъ ко двору, королева садится на небольшой стулъ, прислужница становится передъ нею, остальная свита составляетъ коло въ видѣ серпа; такъ

пѣсенникъ сгущаетъ тонъ, какъ можно, на восклицаніи *ой* и едва пройдетъ мимо ушей это круглое, глухое *о*, пѣвецъ почти съ незамѣтною быстротою перескакиваетъ *дидо* и опять изъ Лада сдѣлаетъ тѣ же два глухихъ протяжныхъ *о*, Лодо; пѣсня кажется довольно нова, въ ней упоминается Москва, она идетъ также скороговоркою и послѣ малаго текста опять начинается неумолимое глухое *ой*, которое меня не одинъ разъ заставляло содрогаться. Громкость придаетъ пѣснѣ не величественность, но большую суровость; даже нѣжность женскихъ голосовъ не смягчала ее: вслушавшись въ послѣднія, я говорилъ себѣ: и женщины служатъ Ладѣ со страхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлалось *съ черноокимъ дѣвчаткомъ*, которое отдавалось хоромъ, чтобы перейти чрезъ золотой мостъ къ богинѣ Ладѣ?

обходятъ всѣ домы, начиная съ королевина. Передъ каждымъ домомъ поютъ пѣсню хозяину, хозяйкѣ, ихъ дочери, сыну и всѣмъ домашнимъ, каждому порознь. Но во всѣхъ пѣсняхъ, какъ свѣжій воздухъ той поры, повсюду вѣетъ благовоніе любви: онѣ хвалятъ воловъ хозяина, златорогихъ, ярмо и бичь изъ цвѣтовъ, но, по духу пѣсни, всегда любовь есть святилище и жизнь семейства. Господарь спитъ на рукѣ у господарыни; она, цѣлуя въ уста супруга, говоритъ: «встань господарь, сабля твоя пала на три новыхъ града!» все содержаніе пѣсни есть бракъ, выборъ подруги, радость о дѣтяхъ, любовь дѣтей; любовь, какъ кому идетъ, всякому напоминается пѣснею и праздникомъ. [14].»

Въ Россіи *въ Семикъ*, въ четвергъ передъ Троицею, вѣнки завиваютъ, о Троицѣ вѣнки развиваютъ. Въ Семикъ минуло семь недѣль отъ Велик. Четверга, когда палятъ солому и кличутъ мертвыхъ: дѣвушки ходятъ въ рощи, заломываютъ *березовыя вѣтки* въ видѣ вѣнка, рвутъ дикую розу, собольки, василечки и вьютъ себѣ вѣнки. Пѣсня, при сплетеніи вѣнка, спрашиваетъ: кому этотъ вѣнокъ носить, старому или молодому? старой не отрада, не защита молодости, пусть носитъ его мой милой другъ! Вездѣ обыкновенный припѣвъ пѣсней хороводныхъ: ой *Люли*, ой *диди Ладо*. Но *въ Троицынъ день* судьба уже должна сказать любопытной, что съ нею станется: къ вече-

14) Вукъ, Срп. Рiечн. сл. *Кралица*; Срп. Пiесме, I. и Ranke, Serbische Revol.

ру вѣнки развиваютъ: носившія ихъ, одна за другою, съ ожиданіемъ бросаютъ въ рѣку: Благо той, чей вѣнокъ тихо покатится по струямъ рѣки! [15] Праздникъ кончается тѣмъ, что какъ и въ Сербіи, дѣвицы обходятъ домы всѣхъ своихъ подружекъ; въ угощеніи яичница есть главное. У Чеховъ въ Троицынъ день, въ который парни ставятъ деревья предъ окнами своихъ любезныхъ и называютъ ихъ майями, молодежь также ходитъ просить *косматицъ*, кушанья въ родѣ яичницы. Тамъ сохранилось также воспоминаніе о праздникѣ Царицы, который теперь скромныя Чехини предоставили праздновать однимъ мущинамъ; отъ чего, все торжество сдѣлалось карикатурою. [16]

Обычай въ Троицынъ день, украшать свѣжими вѣнками и гадать при источникахъ, соединялъ очевидно въ этомъ праздникѣ старинное почитаніе Словянами *деревъ и водъ*. Такъ этотъ праздникъ въ Польшѣ и Галиціи называется *зелеными святками*; съ другой стороны еще большая часть зоветъ всю недѣлю передъ Троицею *Русальною*.

Поклоненіе рѣкамъ и деревьямъ.

Первое свидѣтельство о почитаніи Словянами рѣкъ и водяныхъ божествъ мы читали у Прокопія;

15) Глаголевъ, Труды Общ. Люб. Росс. Слов. Ч. XIX.

16) Čas. Česk. Mus. Česke prostou. obyč. a pjesne, od J. Langera, 1834. Sw. I.

повѣствуя о нашей религіи, онъ говоритъ, что мы, кромѣ Верховнаго Бога, чтили рѣки, нимфъ и другія божества. 17) На Константинопольскомъ соборѣ, названномъ отъ дворца, (въ которомъ онъ 691 г. собрался), Трулланскимъ, строго запрещены христіанамъ, жившимъ въ Имперіи, праздники, называемые *kalendae, vota et brumalia.* Ѳедоръ Бальзамонъ, изъясняя это мѣсто, говоритъ, что таковый праздникъ есть Rusalia, празднуемый, по худому обыкновенію, въ провинціяхъ, (?) послѣ Пасхи. Запрещеніе относится къ Словянамъ, жившимъ подъ властію Болгаровъ. 18)

Сказанія Прокопія и свидѣтельство Трулланскаго собора подтверждаются и сказаніями Словянскихъ Историковъ и народными обычаями. Мы привели, что простый народъ въ Богеміи, при Космѣ Пражскомъ, поклонялся *источникамъ, огню, деревьямъ, камнямъ*, и т. д. Сей же Историкъ повѣствуетъ, что, упомянутый Чешскій Князь Брячиславъ, изгнавшій изъ Чешской земли чародѣевъ, вѣщуновъ и гадателей, истребилъ священныя рощи и деревья, и искоренилъ суевѣрный обычай *во вторникъ и въ среду о Троицѣ*, дѣлать возліянія надъ источниками, закалать здѣсь жертвы и обѣтовать богамъ. 19) У современнаго Нестора въ одномъ спискѣ читаемъ, что, по общему заблужденію язычниковъ, почитали вмѣсто

17) Fluvios, nymphas et alia numina. l. c.

18) Saf. Star. § 29. p. 586. *Mansi*, Sacr. Conc. t. XI. p. 987.

боговъ болота, озера, источники. Такъ читалъ и Длугошъ. [20] Въ житіи Муромскаго Благовѣрнаго Князя Константина сказано: что наша язычники клали требы *озерамъ и рѣкамъ*, ради немощи очныя умывались въ кладезяхъ и повергали сребренники. [21] О Русальной Недѣлѣ говоритъ Несторъ подъ годами 1601, 1170 (Русальче). Въ Стоглавѣ упомнпается также о Русальяхъ: въ этотъ день «сходились мужи и жены и дѣвицы на *нощное плещеваніе* и безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе и скаканіе; «тогда къ рѣцѣ идутъ съ великимъ крпчаніемъ, аки бѣсни и умываются водою;» то же происходитъ въ Ивановъ день, въ навечеріи Р. Хр. и Богоявленія. Въ прологѣ, въ житіи Преподобнаго Ипфонта, пишется, что «бѣсы въ видѣ человѣческомъ, (т. е. люди въ видѣ бѣсовскомъ) ови бьяху въ бубны, друзіи же въ козпцѣ и въ сопѣли сопяху, пніи же возложпша на лица своя скураты и пдяху на глумленіе человѣкомъ и, мнози оставивше церковь, течаху на позоры, и нарѣкоша игру ту Русалья.» У Русняковъ Троицкая Недѣля и попынѣ называется русальною. [22]

На ряду съ рѣками и озерами Словяне почитали и рощи, и одинокія деревья, возвышавшіяся надъ водою или подлѣ бѣлаго двора Словянскаго, конечно какъ жилища божествъ. Древнѣйшій свидѣтель

21) Нест. Шлёц. I, стр. 178.

22) Мѣста о Русалкахъ собраны у Снѣгирева о Русальной недѣлѣ и у Шафар о Rusalkach.

сего богослуженія есть Константинъ Порфир., который пишетъ: что «Руссы, путешествуя въ Царь. градъ, на одномъ островѣ (Св. Григорія) отправляютъ жертвоприношеніе, (obeunt sacrificia) потому, что на островѣ находился огромный дубъ (propter ingentem quercum); въ жертву закалаемы были живыя птицы. Одни втыкаютъ въ землю стрѣлы, другіе кладутъ хлѣбъ, мясо, или что у кого есть; ибо таковъ ихъ обычай.» [23] Косма Пражскій [24] и Пр. Несторъ говорятъ глухо о поклоненіи деревьямъ и растеніямъ; въ житіи Константина Муромскаго читаемъ, что Словяне обвѣшивали убрусами или платками вѣтви дупловатыхъ деревъ и имъ поклонялись. [25]

Уже указаніе на необходимость дупла въ обожаемомъ деревѣ говоритъ, что Словяне покланялись богу, жившему въ деревѣ, а не дереву. Такъ Стеттинская женщина, желавшая спасти бога Триглава, отъ ревности Христіанскихъ проповѣдниковъ, спрятала его внутри дерева; причемъ однако оставила скважину, чтобъ пропускать воню отъ куренія въ честь сему божеству. [26] Это видно яснѣе изъ другихъ сказаній: Біографы Св. Оттона говорятъ, что въ Стеттинѣ былъ огромный, вѣтвистый дубъ, и подъ нимъ прекрасный источникъ: простодушный народъ

23) Mem. pop. p. 984.

24) Iste lucos et arb ores et lapides adorat. p. 10. ed. Dobrow.

25) П. Г. Р. I. пр. 216.

26) And. p. 140 Jasch. p. 477. Ludew.

почиталъ дубъ съ великимъ усердіемъ, считая его священнымъ *по жилищу въ немъ какого-то божества*. 27) Служеніе, упоминаемое въ житіи Благовѣр. Князя Константина, продолжается даже до нашихъ дней въ Украйнѣ; 28) объ немъ же говоритъ и Духовный Регламентъ, приводя, что Малороссы, на посвященныхъ деревьяхъ особливо на дубахъ, вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ — это называется *приношеніемъ Русалкамъ*.

То же значеніе имѣетъ и святость горъ, скалъ и камней. Такова была *Синяя Гора*, (модрый верхъ); гора эта видна была во всѣхъ областяхъ Чешской земли; близъ Синей Горы боги дали Забою побѣду. Здѣсь, на склонявшихся деревьяхъ, обитали боги, которымъ герой глашалъ любимыя слова, приносилъ множество жертвъ и оружіе пораженныхъ враговъ. Та же Краледв. Рукопись упоминаетъ о другой скалѣ, окруженной дубравою: она была любезна богамъ (zmilena bohom). На верху ея часто пылала жертва, жертва благодарности. Воймiръ за спасеніе дочери закололъ *кравiцу буйну*; красная шерсть лоснѣлась на ней. О подобной скалѣ упоминаетъ и Бартольдъ въ Померанской Исторіи: «на Восточной оконечности Менгута, гдѣ мысъ горы опускается къ морю въ видѣ холма, лежитъ недалеко отъ берега огромный гранитный блокъ, извѣстный у рыбаковъ

27) Anonym. p. 318. Jasch. p. 681 Ludew.—Numinis alicuius inhabitatione sacram aestimans.

28) Укр. Вѣст. Апр. 1817.

съ незапамятныхъ временъ подъ именемъ *бужкамъ* и приводимый на частныхъ картахъ. Значеніе его есть Божій камень. (Bogis Kamien).» [29] Въ по-Волгскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣвахъ еще и донынѣ часто можно найти *дироватый* камень, повѣшенный на жерди. Крестьянинъ вамъ скажетъ прямо, что это куриный богъ. Въ томъ же смыслѣ можно назвать священными поля, домы вообще все, гдѣ можно представлять божество.

Желаніе людей помѣщать свои божества въ водахъ, въ лѣсахъ, на скалахъ, въ поляхъ, переноситъ насъ еще въ самыя отдаленныя младенческія времена жизни человѣческаго рода, когда человѣкъ, живя безъ всякаго размышленія, приписывалъ окружающему міру непосредственную силу надъ собою, когда умъ его не дѣлилъ вещи на причины и слѣдствія и для воли не было законовъ и правилъ. Духъ человѣческій только чувствовалъ, что ему противостоитъ міръ вещественный; отвлеченный образъ его есть первое божество человѣка, которое онъ здѣсь непростительнымъ образомъ смѣшалъ съ сознаніемъ о Всеобладающемъ Существѣ. Такъ боги поселились во всей природѣ и какъ они грубы! Чешскій Словянинъ идетъ въ глушь лѣсовъ (по Крал. Рук.), исчисляетъ свои нужды передъ богами и даетъ имъ *корму*. Таковы наши лѣшіе (лѣсные), мужескаго и женскаго пола, косматые, когда ходятъ въ травѣ, равные съ травой, когда ходятъ по лѣсу, равные съ лѣсомъ; въ лѣсу

29) S. 559.

они кричатъ, хлопаютъ въ ладоши, отъаукиваются, вѣшаются по деревьямъ, обходятъ людей, просятъ у крестьянъ пирога, упосятъ ребятъ, которые приходятъ домой черезъ нѣсколько лѣтъ; всегда охотники до женскаго пола, мущинъ защекочиваютъ безжалостно.

Но лѣса вырубились, Словянинъ предался земледѣлію; страхъ удаленія отъ родительскаго крова, неизвѣстность чужбины поддержали бытіе полевыхъ боговъ. Такъ у насъ говорятъ о полевыхъ, которые измучиваютъ коней [30], о Полудницахъ, которыя въ лѣтніе жары сидятъ во ржи и хватаютъ малыхъ дѣтей; о полудницахъ говоритъ и Вацерадъ. Простой народъ вездѣ знаетъ множество страшныхъ враговъ, домовъ, въ которыхъ сидятъ вѣдьмы, и изъ которыхъ часто выходятъ цѣлыя полчища чертей. Въ Сербской пѣсни вѣдьма (вештица) вынимаетъ сердце у юноши, оставшагося ночевать въ полѣ; другая вѣдьма ей свѣтила.

Съ этой же точки удаленія отъ спокойнаго, безопаснаго, праотеческаго двора, я изъясняю и происхожденіе знаменитой Яги-бабы или, у Венгерскихъ Словянъ, Ежи Бабы, Ежи Бабы; у Чеховъ тоже лице является въ испорченномъ видѣ, какъ Ягода-баба. Яга-баба всегда имѣетъ дѣло съ путешественниками, отправившимися для какого нибудь труднаго предпріятія. Витязь, проѣхавъ день, два, пріѣзжаетъ обыкновенно къ избушкѣ подлѣ лѣса, на курьихъ нож-

30) В. Евр. пр. м.

кахъ. На голосъ рыцарскій она повертывается къ лѣсу задомъ, къ рыцарю передомъ. Тамъ въ избѣ лежитъ Яга-баба на лавкѣ, титьки на грядкахъ, ноги на полкахъ, и говоритъ: «доселѣ Русскаго духа слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ Русскій духъ въ очью видится.» Хата и избушка есть уже предѣлъ бѣлаго свѣта, далѣе витязь проникаетъ только помощію Яги-бабы, если онъ своими отвѣтами успѣетъ заслужить ея благосклонность. По общему сказанію, есть у нея сапоги самоходы, (у Словаковъ сапоги, на которыхъ можно по водѣ ходить), голова мертвая, которую она выставляетъ предъ избушкой и дѣлаетъ вёдро и ненастье, и еще три дочери, (у Словаковъ двѣнадцать), которыя приманиваютъ молодежь къ ея жилищу; Яга-баба обѣщаетъ ихъ отдать за мужъ за пришельцевъ; послѣ или убиваетъ ночью (у Словаковъ) или живыхъ печетъ въ печи, за желѣзною заслонкой. Кто захотѣлъ бы какъ нибудь ускользнуть, Яга-баба ѣдетъ за нимъ изъ избушки въ ступѣ, пестомъ погоняетъ и слѣдъ помеломъ заметаетъ. У Словаковъ впрочемъ Яга-баба ѣдетъ только на обожженномъ рожнѣ, копмъ въ печи дрова мѣшаютъ (!).

Словянскіе Миѳологи отъ Кайсарова до послѣдователей Крейцера, устрашенные тяжкою ступою, громительнымъ пестомъ, провозгласили Ягу-бабу богинею войны, но уже Словаки это вооруженіе замѣнили хозяйственнымъ рожномъ (ожегомъ); очевидно, страшная для путниковъ, Яга-баба представляетъ въ извращенномъ видѣ весь образъ жизни Словянской:

въ ея исторіи видимъ весь быть нашъ: избу, лавки, полки, (грядки, въ банѣ) клеть, откуда выходятъ ея дочери, сапоги, большую печь съ шесткомъ, челомъ, широкою лопатою и заслонкой, а въ избѣ птицъ (курицъ), и кто набольшая въ домѣ? баба; какъ же она поѣдетъ за бѣгущимъ витяземъ? читайте ея принадлежности; ступа есть вещь у насъ необходимая въ хорошемъ крестьянскомъ домѣ. Яга-баба есть пугало отдаленной дороги, созданіе воображенія путешественниковъ. Имя Яги-бабы я принимаю *за якая баба*, *нѣякая* баба и перевожу Anus quaedam, въ смыслѣ неопредѣленности ея существа при первомъ разсказѣ; Словакское названіе Jezi baba и съ ринезмомъ (cf. donda, Jenzi baba) составлено изъ древняго относительнаго сложнаго мѣстоимѣнія *иже*, *яже*, *еже*. Форма *енжъ* отъ *иже* употребляется и въ настоящемъ Чешско-Словакскомъ языкѣ; относительное мѣстоимѣніе можетъ стоять и вмѣсто неопредѣленнаго. Эта баба у Словаковъ наконецъ и есть не что иное, какъ лѣсное пугало, вѣдьма, сопливая, губастая, носъ какъ горшекъ, живетъ въ лѣсу, въ оврагахъ и ссорится съ охотниками. Есть даже сага, [31] что теперь Яги-бабы уже на свѣтѣ нѣтъ. Словаки говорятъ, что одинъ королевскій сынъ успѣлъ зарѣзать ея 12 дочерей, укралъ сапоги и голову мертвую, но когда хотѣлъ украсть и ея говорящую птицу (есть и жаръ птица), то птица открыла вора хозяйкѣ и царевичу предстояла смерть за заслонкой; онъ увернулся, и такъ, что вмѣсто его

31) Koll. Nar. Zpiewi 421.

на заслонкѣ очутилась сама Яга-баба. Русской расказъ почти слово въ слово сходенъ съ этимъ разсказомъ изъ Гёмёрскаго Комитата въ Венгріи; у насъ героемъ здѣсь собственный внукъ Яги-бабы, Лутупушко, прижитый одною изъ ея дочерей съ однимъ иностранцемъ; онъ, не зная своего рода и племени, сжарилъ поочередно ея трехъ дочерей, въ числѣ ихъ и мать свою, а послѣ и бабушку [32].

Съ этою сказкою соединяется неизъяснимое, почти единогласное сказаніе инозем ныхъ писателей о какомъ то древнѣйшемъ каменномъ кумірѣ, почитаемомъ въ странѣ Обдорской, при устьѣ рѣки Оби и называемомъ Золотою Бабою; эта баба имѣла одного мальчика на рукахъ, а другаго, котораго жители называли именно ея внукомъ, вела за руку; въ сосѣднихъ горахъ слышался звонъ, шумъ и постоянный звукъ трубъ.

Было ли это сказаніе—выдумка купцевъ Новгородскихъ, торговавшихъ въ этихъ мѣстахъ, которые вмѣсто *Яги бабы* очень хорошо могли говорить о *Золотой* Бабѣ, или все относится къ идолопоклонству Финскихъ народовъ, сказать трудно. Вопрошеніе богини въ случаѣ народнаго бѣдствія есть очевидное шаманство.

Гораздо прелестнѣе боговъ лѣсныхъ, полевыхъ и другихъ богини рѣкъ — Русалки, *дьяволы женскаго пола*, какъ выражается Абевега; прекрасная женщина,

32) Помѣщенный здѣсь разсказъ объ Ягѣ Бабѣ есть Нижегородскій; Венгерскую Ягу-бабу описалъ Колларъ въ Nar Zpiew. 421.

плавающая въ рѣкѣ, можетъ дѣйствительно разогрѣть и непламенное воображеніе. Жилище Русалокъ, какъ сказываютъ, есть самая большая глубь въ рѣкѣ. Во всей Великороссіи, на берегахъ, особенно если они обросли травою, даже на мельничныхъ лавахъ, часто видятъ молодыхъ женщинъ высокаго роста, съ длинными, по однимъ свѣденіямъ, черными, а по другимъ, зелеными волосами, въ одной рубашкѣ, безпоясыхъ и расчесывающихъ свои густые волосы 33). Въ Малороссіи, которая есть отечество собственныхъ Русалокъ, онѣ показываются также какъ и Русскія; кромѣ того онѣ имѣютъ особенный праздникъ русальную, седмицкую или зеленую недѣлю, недѣлю Св. Отцевъ и послѣ праздника еще остаются на землѣ на всѣ Петровки; въ это время онѣ гуляютъ и бѣгаютъ нагія по полямъ, по лѣсамъ, качаются на вѣтвяхъ старыхъ деревъ — удовольствіе, котораго Русалки ждутъ цѣлый годъ (качели старинная Русская забава). Въ это время чаще всего можно слышать женскій смѣхъ на рѣкѣ, плесканье водою, пѣсни и пляски подлѣ рѣки: это у Русалокъ свадьба! имъ житья

33) Спѣгиревъ, Рус. Нед. В. Е., а за нимъ и Шафарикъ (o Rusalkach) хотятъ, чтобы мы представляли Русалокъ *семилѣтними* (!). О Великорусскихъ красавицахъ, выходящихъ изъ воды чесать волосы, всякій скажетъ, что онѣ *вдвое* старѣе; говоря о Бѣлорусскихъ и Малорусскихъ Русалкахъ, г-нъ Спѣгиревъ самъ говоритъ, что у нихъ бываютъ свадьбы, что онѣ заводятъ въ чащу лѣса дѣвокъ и парней, и тамъ защекочиваютъ; семилѣтнія русалки *происхожденія христіанскаго*, дѣти похищенныя Русалками или родившіяся мертвыми и умершія безъ крещенія.

подъ водою нѣтъ лучше: одна смертная, сдѣлавшись Русалкою, разсказывала, случайно встрѣтившись съ матерью, что въ водѣ имъ очень весело, легко; тамъ онѣ всѣ молодѣютъ и свѣжѣютъ, какъ волны водяныя; такъ игривы и беззаботны, какъ молодыя рыбки. Подъ водою и солнышко свѣтитъ яснѣе и утренній вѣтеръ пріятнѣе дышетъ; на землѣ столько хлопотъ: то голодъ, то холодъ, тамъ не знаютъ бѣдъ, тамъ всего вдоволь; Русалки плескаются, понгрываютъ по водѣ, собираютъ дорогіе наряды и въ нихъ тѣшатся. Зимою тепло подъ льдомъ, какъ подъ одѣяломъ; а лѣтомъ, въ ясныя ночи, онѣ выходятъ грѣться на свѣтломъ мѣсяцѣ, играютъ, веселятся, и для забавы часто шутятъ надъ людьми живыми: безъ большей бѣды для себя защекочиваютъ и уносятъ многихъ на дно рѣки; тогда унесенные дѣлаются также легкими, свободными [34]).

Къ человѣческому племени Русалки то благосклонны, то злобны; горе любопытному мужчинѣ, который, прельщенный рѣзвыми криками Русалокъ, получилъ бы охоту подсмотрѣть ихъ прелести и игры! несчастнаго защекочутъ на смерть и унесутъ въ рѣку. Живя о Тропцѣ въ рощахъ, колыхаясь на деревьяхъ, онѣ подстерегаютъ прохожихъ: замѣтивъ кого, зовутъ съ собою: га, га, подите къ намъ на арели (на качели) качаться! будучи прекрасны, наги, онѣ сманиваютъ скоро, но бѣда тому, кто сблизится съ ними! вмѣсто того, чтобы

34) Šaf. o Rus.

осыпать ласками, онъ искривятся и, смотрящій на нихъ, въ нѣсколько минутъ, сдѣлается самъ калѣкою на жизнь. Также опасно молодымъ однимъ ходить въ Русальную Недѣлю: Русалки молодыхъ женщинъ и мужчинъ заводятъ въ чащу лѣса и защекочиваютъ; иногда загадаютъ на дорогѣ мудреную загадку: кто не отгадаетъ, того опять щекочутъ. Нельзя тогда плескать водою, купаться, особенно въ четвергъ на этой недѣлѣ: тогда ни дѣвки, ни парни ничего не дѣлаютъ; это великъ день Русалокъ [35]).

Но есть случаи, гдѣ и Русалки помогаютъ: очень хорошо въ Русальную Недѣлю дѣвушкѣ тайно отправиться въ лѣсъ, сплесть вѣнокъ и бросить его Русалкѣ: она дастъ любовника. Въ Малороссіи вѣшаютъ на деревьяхъ платки и нитки, въ жертву Русалкамъ; тоже дѣлали и у насъ, какъ мы привели изъ житія Константина Муромскаго. Для чего Русалкамъ такая жертва? Малороссіянки говорятъ, что имъ все такі не такъ хорошо жить подъ водою, какъ говорила Русалка своей матери; говорятъ, *онѣ крадутъ прядиво, чтобъ чѣмъ нибудь заняться (!).*

Имя Русалки извѣстно только восточной половинѣ Словянской; ея имя производитъ Шафарикъ отъ праславянскаго слова *rusa* = рѣка. «Это коренное Словянское слово, какъ общее существительное имя, уже осталось въ употребленіи, только у однихъ Русскихъ въ словѣ *русло*, означающемъ 1) ложбину, русло рѣки 2) глубь, вирь; но какъ собственное имя

35) Големб. Gry i Zab.

рѣкъ, городовъ и селеній, близъ нихъ лежащихъ, болѣе или менѣе, употребляется почти у всѣхъ Словянъ: Rusa, Ruseca, Rus, Rusa, Rusenica, Rusina, Rusinica, Rusca, Rusa, Riasa, Riasno, Resa, Riasno, Resa, Resnic, Resica, Resata, Risna, Ros, R's и т. д. у Русскихъ, Русняковъ, Поляковъ, Чеховъ, Словяновъ, Босняковъ, Сербовъ и Болгаровъ. Корень сего слова находится и въ другихъ особенно древнихъ языкахъ въ томъ же смыслѣ и значеніи: Г. С. Байеръ, отличный знатокъ Европейскихъ и Азіатскихъ языковъ, говоритъ о немъ: имена ra, ros, изъ древнѣйшаго общественнаго языка перешли къ Скиѳамъ и къ другимъ народамъ и значили *рѣку;* въ Келтическомъ языкѣ rus, ros значитъ *озеро;* съ нимъ сродно и Нѣмецкое rieseln; и можетъ быть слово rosa, lat ros.» Доселѣ Шаф.

У Югозападныхъ Словянъ существо, соединяющее всѣ принадлежности Русалки, есть *Вила.* Вилы, какъ и Русалки такія же невинныя воздушныя существа, наслаждающіяся свободною жизнію безъ вреда человѣку, если онъ ихъ не огорчилъ, и ему благодѣтельствующія, если онѣ только захотятъ. Вилы живутъ также около воды, въ горахъ лѣсистыхъ, на скалахъ. Сербъ Вукъ Стеф. говоритъ, что всякая Вила прекрасна, одѣта въ бѣлую, тонкую одежду, съ волосами длинными, развѣвающимися по спинѣ и грудямъ. Въ Сербіи самое обыкновенное сравненіе: *прекрасна какъ горна Вила.* Съ рѣки, съ горы Вилы восходятъ и поднимаются выше. Одна Бѣла Вила городъ городила.

И не на землѣ и не на небѣ
А на облачной границѣ
Трои въ городѣ ворота.
Первыя ворота изъ шарлаха,
Изъ камня бисера другія,
Третьи изъ сухаго, жжена злата.
Что ворота изъ шарлаха,
Дочь туда родную выдастъ Вила,
Что изъ камня бисера ворота,
Женитъ Вила тамъ роднаго сына.
Что ворота изъ сухаго злата,
Тамъ сама сидитъ богиня
Смотритъ въ облока ходячи.
Съ громомъ молнью разыгралась! 36)

Тамъ же ищутъ Вилъ и Сербскія дѣвушки: одна изъ нихъ, по имени Милица, съ длинными бровями, съ красными щечками, была столь скромна, что, спустя три года послѣ появленія ея въ кругѣ подругъ, молодые люди не видали ея очей. (!) Однажды среди танца-коло, вдругъ пашли облака, освѣтила молнія, всѣ подружки смотрѣли на небо: «вотъ увидимъ очи Милицы, говорили повѣсы; но она смотрѣла въ зеленую траву, и на замѣчаніе подругъ отвѣчала: я не Вила, которая облака сбираетъ, я дѣвица, смотрю передъ собою. Такимъ образомъ Вилы собираютъ и облака, готовятъ молнію и громъ и примыкаютъ, можетъ быть, къ тѣмъ астрономическимъ

36) Пѣванія Черногорска и Герцеговачка С. Милутиновича у Лайпцигу. 1837. I.

существамъ, о которыхъ мы говорили въ статьѣ о Перунѣ.

Жизнь Вилы, кажется, такая же блаженная, какъ и жизнь Русалокъ; къ сожалѣнію Сербы мало знаютъ о семъ предметѣ: напр. извѣстно, что онѣ собираются иногда вмѣстѣ пировать на общую вечерю, иногда рыцарь наѣзжаетъ на ихъ игрище, гдѣ онѣ танцуютъ коло-танецъ; смертный, помѣшавшій ихъ забавамъ, подвергается смерти неотвратимой. Обыкновенная казнь Вилы: она застрѣливаетъ обидчика, пустивъ стрѣлу въ ногу, въ руку, въ сердце.— и онъ умираетъ немедленно. Вук. Стеф. Онѣ впрочемъ любятъ вмѣшиваться въ дѣла человѣческія и являются покровительницами, лѣкарками, пророчицами, даже вступаютъ въ *побратимство и посестримство* съ смертными. Такъ Вила распростираетъ шатеръ надъ молодымъ супругомъ, имѣвшимъ на себѣ дорогую доламу (мантію), когда супруга горюетъ, что его, въ парядной одеждѣ, вымочитъ дождь; другая Вила хочетъ вылѣчить выломленную руку Іована; но злобная, желая испытать любовь родныхъ къ своему паціенту, требуетъ въ уплату отъ матери Іовановой ея бѣлой руки, отъ сестры — ея русой косы, отъ милой жены—жемчужна ожерелья; но когда уже мать отрубила руку, сестра представила русую косу, жена, (кто бы повѣрилъ?) не хотѣла отдать ожерелья, говоря, что оно принесено ею въ приданое; раздраженная Вила отравила рану Іовану и онъ умеръ.

Марко Кралевичь, Сербскій Ахиллъ, превосходившій дикостію и геройствомъ греческаго, ранилъ своею булавою даже самую Вилу за то, что она застрѣлила до смерти его товарища, принудилъ ее вступить съ собою въ побратимство, обязаться помогать ему во всякой нуждѣ и вылечить своего друга. Вила выполнила капитуляцію, но изъ устъ злопамятной богини онъ услышалъ и первое *предсказаніе о своей смерти*, несмотря на то, что боецъ напоминалъ ей, что онъ, при подобныхъ пророчествахъ, не ручается за здоровье ея божескаго горла [38]). Другую Вилу постигла еще горшая участь: Панъ Секула, ѣздя по горамъ и лѣсамъ, наѣхалъ сперва на вертепъ разбойниковъ, потомъ на берлоги волчьи а наконецъ и на игрище Вилъ; Секула схватилъ одну Вилу; тщетно она предсказывала ему любовь дружины, рожденіе сына отъ милой жены, пораженіе Турокъ; «это станется и безъ тебя», сказалъ рыцарь, отвелъ богиню въ плѣнъ и продалъ ее своему дядѣ, Угрину-Янкѣ (Іоанну Гуніаду. [39])

Таковъ былъ міръ, окружавшій Словянина! для него, какъ и для Грека, онъ кипѣлъ живыми существами, одаренными высшею силою; примѣчательно, что даже до поздняго времени, когда важность меньшихъ боговъ поглощена была преобладаніемъ бога боговъ, древняя естественная Религія Словянъ удер-

8) Срп. Піесм. II 39.

339) Пѣв. Черног. 2.

живала свое владычество въ *судебныхъ клятвахъ* и вообще при судахъ. Такъ мы уже читали, что Сѣверо-германскіе Словяне, не допуская дѣйствительности Нѣмецкихъ ордалій, въ дѣлахъ тяжебныхъ, вопреки приказаніямъ Графа Адольфа, Герцога Саксонскаго, хотѣли доказывать невинность свою клятвою при *источникахъ*, *деревьяхъ* и *скалахъ*. Изъ другаго мѣста мы видимъ, что цѣлое племя ходило судиться у своего князя въ одну рощу, посвященную Перуну. Я намѣренъ привести здѣсь все это мѣсто изъ Гельмольда, который въ началѣ второй половины XIII столѣтія, сопровождалъ лично своего Епископа Вицелина въ путешествіи сего пастыря въ нынѣшнихъ земляхъ Мекленбургскихъ, и является здѣсь больше любопытнымъ описателемъ путешествія, чѣмъ Историкомъ. 40)

«Вицелинъ, назначенный въ Епископы въ страну Вагировъ, взявъ своего двоюроднаго брата Аббата Редегешусскаго, отправился въ Альденбургъ, желая въ своемъ эпархіальномъ городѣ (со времени Оттона I) отправить праздникъ Богоявленія Господня. Но городъ былъ совсѣмъ пустъ и не имѣлъ стѣнъ. Епископъ нашелъ только одну часовню, которую и освятилъ въ церковь; здѣсь въ жестокій морозъ, полузасыпанные снѣгомъ, мы пѣли Литургію. Изъ Словянъ только князь Прибыславъ и еще очень немногіе присутствовали при богослуженіи; по совершеніи службы, Прибыславъ просилъ посѣтить его домъ, кото-

40) Глава 83—84.

рый находился на довольномъ разстояніи; мы приняты были съ величайшимъ радушіемъ; Князь сдѣлалъ для насъ пышное пиршество: было не болѣе не менѣе, какъ 20 перемѣнъ: Здѣсь узналъ я на опытѣ, что зналъ прежде по слуху,—что нѣтъ народа добродѣтельнѣе Словянъ относительно гостепріимства и пр. На другой день мы отправились далѣе во внутренность Словянской земли, положивъ провесть ночь у какого-то сильнаго лица, именни Тессемара, (Тѣшміра); дорогою изъ Альденбурга въ Любекъ мы прибыли къ рощѣ, единственной въ этой землѣ; потому что вся земля ровна и открыта, какъ ладонь. Здѣсь между старыми деревьями мы увидѣли и заповѣдные дубы, посвященные богу земли той, Прове (Перуну). Ихъ окружалъ портикъ и искусно сдѣланная деревянная ограда съ двоими воротами. Кромѣ домашнихъ боговъ и кумировъ, которыми наполненъ каждый городъ, это мѣсто было святилищемъ для всей земли, имѣло своего главнаго жреца, праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда во вторый праздникъ (secunda feria) обыкновенно сходился народъ со своимъ верховнымъ жрецемъ и княземъ *держать судъ*. Входъ внутрь портика воспрещенъ всякому, [41] кромѣ главнаго жреца, того, кто пришелъ съ жертвою и кому угрожаетъ опасность смерти; таковымъ не отказывали въ убѣжищѣ. Словяне имѣютъ такое уваженіе къ своимъ святынямъ, что и во время войны не осмѣливаются оба-

41) Также было въ храмахъ Ретрскомъ и Аркопскомъ.

грить кровію окружность храма. Клятвы допускаются весьма рѣдко. У Словянъ клятва есть *клятвопреступленіе*, по строгости боговъ.»

«Виды идолопоклонства Словянъ многоразличны; потому что не всѣ преданы одному и тому же суевѣрію. Одни ставятъ произвольныя фигуры идоловъ въ храмахъ: таковъ Плунскій идолъ, именемъ Подага; другіе идолами населяютъ поля и рощи, таковъ Проне, богъ Ольденбургскій, который не имѣетъ изображенія; многихъ вырѣзываютъ съ двумя, тремя головами и больше.» далѣе слѣдуетъ классическое мѣсто о единствѣ бога при множествѣ боговъ.

«Когда мы подъѣхали къ рощѣ, Епископъ увѣщевалъ насъ, смѣло и сильно напасть на рощу и самъ скочивъ съ копя, низринулъ прекрасные фронтоны воротъ. Мы вошли потомъ въ портикъ, разрушили ограду, и обложивъ самые дубы обломками, зажгли святилище, впрочемъ не безъ страха [42]; ибо можно было встревожить жителей, которые бы подавили насъ своею многочисленностію, но Богъ насъ защитилъ; скоро мы пріѣхали на ночлегъ къ Темару.»

Припомнивая клятву Словянъ при источникахъ, мы можемъ изъяснить и запрещеніе, данное Іоанномъ, Митрополитомъ Русскимъ, по пропменованію Пророкомъ Христа, въ такъ называемомъ *Правилѣ Церковномъ*, чтобы браки простолюдиновъ не совершались *плесканіемъ*. 43) Спустя полстолѣтіе Нифонтъ

42) И такъ храмъ былъ безъ стражи.

43) И. Г. Р. пр. 158.

Епископъ Новгородскій назначаетъ эпитимію женщинамъ, коп, «аще не взлюбятъ ихъ мужи, омываютъ тѣло свое водою и ту воду даютъ мужемъ.» [44] Прибавлю еще, что я слышалъ отъ простолюдиновъ Чешскихъ, будто самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодцемъ. Символъ клятвы Словянской есть отрѣзанный клокъ волосъ, горсть травы, поданіе руки. Дит. VI. Въ Кралев. Рукоп. (стих. 70) старѣйшины Словянскіе, собранные въ долъ Забоемъ клялись ему биться съ хрістіанами, кладя обѣ руки другъ другу съ персей на перси и *громогласно давая слова на слова.*

ГЛАВА IX.

Разгары, Святоянскіе огни.

Такимъ образомъ развитіе природы весенней вывело предъ насъ богиню любви, сначала едва примѣтную, потомъ съ новою зеленью деревъ, съ возрастающею теплотою воздуха и воды, она около Троицына дня окружаетъ себя духами лѣсными, водяными, полевыми; воображеніе поклонниковъ раздѣлило сихъ послѣднихъ на мужескихъ и женскихъ, пре-

44) Тамъ же, пр. 380.

лестныхъ и отвратительныхъ, добрыхъ и злыхъ, но вообще дало важную роль въ жизни человѣческой. Между тѣмъ солнце увеличиваетъ свои шаги (кроки, въ Кралед Рук.) и взпраетъ на землю яснѣе и яснѣе; со временемъ года растетъ и любовь.

Послѣдніе дни Седмицкой Недѣли называются уже въ пѣснѣ *Разгары*.

На Троицу мы вѣнки вили,
На Разгары развивали.

Во Всесвятское воскресенье въ Твери и Костромѣ хоронятъ *Ярилу*. Въ Галиціи, и подъ карпатами всю седмицкую недѣлю зовутъ *Турицами*. 1)

Для опредѣленія *тура*, мы имѣемъ одно только пропменованіе *лѣтнихъ святокъ* Турицами. Въ словъ о Полк. Игор. Всеволодъ называется Яръ Туръ; объясняютъ это пропменованіе сравненіемъ воинственнаго Всеволода съ дикимъ воломъ; но Шаф. считаетъ имя Бога и имя сего животнаго (urus. Glag. Cboc.) за одно и тоже и что нашъ Туръ есть Скандинавскій Торъ-богъ войны; отъ сего корня пропзводитъ опъ безчисленное множество названій областей, городовъ,горъ и долинъ. Напр. Турецъ, Турополь, Туровъ, Туровцп, Тырасъ, (нынѣ Днѣстръ, Турла у Молдаванъ, Турокъ) Турочане, Турнау, Турекъ; въ одной Галиціи: Турады, Турачевка, Турки, Туркочинъ, Туровка, Турско, Турза, Турзпнскъ; какъ бы то янбы-

1) Piesme Ludu Polsk. w Galicyi, Lwow, 838. Saf. o Rus.

ло, но упомянутое применованіе седмицкой недѣли и нѣкоторыя пѣсни приписываютъ Туру *дѣла любви*; въ Костромской губерніи выхваляетъ одна пѣсня такого рода подвиги Туровы:

Ой Туръ молодецъ удалой,
Туръ изъ города большаго,
Вызываетъ красну дѣвицу,
Съ нимъ на травѣ побороться.
Ой дидъ-Ладо побороться.

Извѣстный припѣвъ ой дидо-Ладо иногда у насъ измѣняется въ Туръ дидо-Лада.

Съ богомъ Туромъ мы перешли въ область любви, болѣе вещественной; мы выше замѣтили, что богъ любви у Словянъ былъ Лель; Лель съ первымъ своимъ появленіемъ выводитъ съ собою и Полеля, какъ у Грековъ Ерось Гименея.

Правда существованіе того и другаго намъ не передано ни однимъ древнимъ писателемъ; при этихъ именахъ оставляетъ насъ и Вацерадъ, который не перевелъ симъ словомъ ни одного имени. Кромеръ первый приводитъ сихъ близнецевъ, но и сей писатель, по привычкѣ перенятой отъ Грековъ, переводитъ ихъ именами (кто бы повѣрилъ?) Кастора и Поллукса; Меховита знаетъ и мать ихъ по имени Леду, можетъ быть онъ хотѣлъ назвать Лѣтницу, названную Вацерадомъ. Кромеръ основываетъ свои сказанія на пѣсняхъ, источникахъ доступныхъ и намъ; но ни одна пѣсня не восхваляетъ воинственности ни Леля, ни Полеля.

Впрочемъ, не смотря на молчаніе древнихъ сказаній, должно согласиться, что въ Словянскомъ народѣ было вѣрованіе въ существо, носившее имя Леля, Лала и Полеля, доказываемое общимъ употребленіемъ въ пѣсняхъ Словянскихъ и въ нарѣчіяхъ всѣхъ поколѣній.

Обыкновенная пѣсенная форма сего слова есть Лель; *Дида калина, Лела малина*, повторяется въ одной Русской пѣснѣ; у Чеховъ употребительно въ этой формѣ только выраженіе лелькovать, лельки ловить, хватать, т. е. оглядываться, какъ изъясняетъ Колларъ [2], на всѣ стороны, подобно любовнику, ищущему свою любезную; у птички «лелька» (Caprimulgus Europaeus), по разсказамъ Чешскихъ старичковъ, пѣтъ глазъ; отъ того онъ, перелетая осенью и весною изъ страны въ страну, летитъ за другими птицами; отсюда, говоритъ Югманъ, тождество значенія Лелька и верхогляда [3]. Но замѣтимъ, что въ этомъ же значеніи употребляется *дедковать*, *дудковать* отъ Дида, Дидда, приведеннаго мною выше прозвища *Лады*. Послѣднее значитъ и глумиться бѣсится. Туже форму приводятъ Кромеръ, Гваньинъ, Мелетій. Сербы въ праздникъ Кралицы воспѣваютъ также Леля, въ Галиціи Лелуа.

Другая форма есть Лало, по примѣру lahek легкій, lan ленъ, lato лѣто, las лѣсъ и пр. Словакская пѣсня кончается сими словами:

2) Nar. Zpiew. st. 416.

3) Ç. N. Slown *Lelek*.

Моя сестра Лядо, у меня братъ Лало.

Лелюмъ по-лелюмъ есть извѣстный припѣвъ всѣмъ западнымъ Словянамъ, а теперь уже непонятный. Въ этой же формѣ и Сербы поютъ: *полялюмъ*, *ляломъ* [4]. Lala, lalka, значитъ у Поляковъ идола, божка, маленькую фигуру, куклу; первая забава мальчика есть лошадка, первая забава дѣвушки есть *lalka*, говоритъ Голембовскій. У Карнитянъ и Крапицевъ это значеніе имѣетъ *donda* [5]. У Русскихъ въ пѣсняхъ подобнаго содержанія служитъ обыкновеннымъ припѣвомъ *люли*, и даже, *люли по-люли*, остатокъ третьей формы; сюда же относится и наименованіе колыбели люлькою.

Кромѣ сего опредѣленіе значенія сего бога ограничивается весьма немногими данными. Упомянутая Словянская пѣсня поется такъ:

Сладко яблочко на привитомъ деревцѣ,
А еще слаще братъ и сестра въ домѣ,
Но мнѣ несчастье злое дало ихъ на муку:
Моя сестра Лойда, у меня братъ Лало.

Лойда и Лало приняты здѣсь въ значеніи распутной сестры и негоднаго брата [6]. Слѣдующая пѣсня въ томъ же сборникѣ содержитъ жалобу супруга, разочарованнаго своею женою, которая въ дѣвушкахъ была, какъ ангелъ, и всегда первая въ танцѣ;

4) У Вука Коляломъ ляломъ, подъ сл. Бабине.

5) Slowensko-Nemski Rozhni besednik, od Murko.

6) Nar. Spiew. I. 3.

теперь едва таскаетъ свои кости, ходитъ въ дыравомъ платьѣ, въ грязномъ передникѣ по колѣни, не умѣетъ ни шить, ни мыть ни варить; такую жену супругъ называетъ также Лойдою. Подобное значеніе остается и для Лала. У сосѣдовъ нашихъ Финновъ Ладусейнъ се значитъ также милую особу; у Валаховъ тоже слово есть ласка для женщины; у Литовцевъ, какъ и Поляковъ, значитъ куклу; у Литовцевъ, по Нарбуту, есть также Лель и Лала.

Пламя огня раждало и излишество: Длугошъ упоминаетъ о сходбищахъ о Троицынѣ дни, которыя назывались *стадами*: т. е. женщины сходились на годовой праздникъ, раздѣлившись на отряды (cuneï) или на *стада*, съ шумомъ, крикомъ, предаваясь сладострастію, безпечности и объядѣнію; тоже повторяетъ Гваньинъ и относитъ кромѣ Поляковъ, еще къ Литовцамъ и Русскимъ. 7) И правильно, въ при-Волжскихъ странахъ, партіи, идущія на гулянье, называются изключительно стадами, и отсюда глаголъ *стадиться*. Но это слово употребляется уже и о скотѣ, и, что очень примѣчательно, какого-то *Стада* находимъ въ Сѣверной Германіи уже покровителемъ женщинъ и скотины съ соблазнительными деревьями, вѣночнымъ

7) Solebant autem viri, mulieres iuvenes et senes horum deorum suorum diebus festis ad lasus et choreas pariter convenire, maxime vero 25 die Maii et 25 Junii, quam congregationem populi stado, id est agmen appellabant, quod adhuc apud Ruthenos et Lithuanos passim hodie observari videtur. V. 9.

и пѣтушьимъ [8]). «Во всемъ Древенѣ, разсказываетъ одинъ путешественникъ изъ прошлаго столѣтія, весьма уважается вѣночное и пѣтушье деревья, послѣднее такъ называется отъ прикрѣпляемаго на вершинѣ его пѣтуха; если бы пѣтушье дерево упало, то его не льзя опять поставить раньше Успеньева дни, потому что того не любитъ *Стедцъ* (въ другомъ мѣстѣ Стете). Одни считаютъ этого *Стедцъ* мужескаго, а другіе женскаго пола. Поселяне, подъ предводительствомъ сельскаго старосты, который самъ *носитъ свѣчу*, гоняютъ вокругъ дерева скотину, пьютъ, пляшутъ, потомъ кропятъ скотину пивомъ, въ иныхъ мѣстахъ, часто домы, столы, кухни, погреба, покои, говоря Вендскія слова и думая, что этого хочетъ *Стедцъ*; въ противномъ случаѣ много потерпитъ скотъ. Вѣночное дерево ставится *въ Иванов день*; это женское дерево, потому что его рубятъ, везутъ, и ставятъ одинѣ женщины. Увѣряютъ, что въ одномъ приходѣ, по имени Предѣлъ, одинъ старикъ каждый день ходитъ къ дереву и, ставши на колѣни, отправляетъ особеннаго рода богослуженіе» [9]). На островѣ Рюгенѣ, былъ также праздникъ народный, состоявшій въ стрѣляніи въ цѣль, которую составляла птица [10]). Стрѣляніе въ пѣтуха въ Краковѣ прекратилось за нѣсколько лѣтъ.

8) Kokot—по Русски пѣтухъ, во многихъ Словянскихъ нарѣчіяхъ имѣетъ двоякое значеніе; сюда относится и пѣтушій танецъ у Словаковъ и стрѣляніе въ пѣтуха.

9) Georg. Keyssler, Reise d. Deutschl. 1776. B. II. ст. 137.

10) Pomm. Prov. Bl. 1822. B. 4. st. 457.

Веселыя сборища въ лѣсахъ стали также со временемъ заключать нѣчто зазорное; такъ *Коккуй*, мѣсто возжиганія живаго огня на Волховѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской губерніи, не вездѣ можетъ быть произносимо съ приличіемъ; Костромскій Ярило имѣетъ многія принадлежности и пропменованія сѣвернаго Тора. Этимъ путемъ сохранилось для насъ и имя самой богини любви Лады; въ Словарѣ Линде *Лайдачка* значитъ мерскую женщину, отъ мужа Лайда, Laydak; послѣднее у Словаковъ значитъ также безстыднаго человѣка, лойдавый—lippus; *розлайдатися* одѣться безстыдно, обнажиться, *розлайдена* одѣтая такимъ образомъ Venus Ulgiuaga; имена Лойды, Лайды, имѣютъ очевидно связь съ именемъ Словянской богини любви.

Скоро приходитъ праздникъ Купальницы.
Первый праздникъ Семикъ честный,
Второй праздникъ Троицынъ день.
А третій праздникъ Купальницы,—
(Нерехтская пѣсня, у Снѣг.)

или праздникъ Свято-*Ивановскихъ огней* 24 Іюля. *Ваяво* у Словаковъ, Моравянъ, Чеховъ, *Иванье* у Иллировъ [11]), *кресъ* отъ кресати, вырубать, взгнѣтать огонь у Каринтійцевъ, *соботка* въ Польшѣ, въ Галиціи и Венгріи, *Коледа* у Далматійцевъ, *Купальница* и праздникъ *Купалы* у Русскихъ, суть другія имена сего

11) Отъ дня Св. Іоанна, празднуемаго въ сей день, по формѣ сего имени Восточныхъ Словянъ, именно Иванъ Русс., Яванъ Сербс.

торжества, свойственнаго всѣмъ Словянскимъ племенамъ и глубоко проникнувшаго жизнь народа.

Соберемъ, сначала свѣденія о почтеніи огня у нашихъ предковъ.

Древнѣйшее свидѣтельство о служеніи Словянъ Русскихъ огню есть запрещеніе, сдѣланное новымъ Христіанамъ Св. Владиміромъ, *молиться подъ овиномъ, въ рощеньи или у воды,* въ Церк. Уставѣ, обыкновенно приписываемомъ сему Князю. Біографъ Св. Оттона говоритъ, что въ Волынѣ, предъ началомъ *жатвы,* при величайшемъ стеченіи народа, совершался *великій праздникъ* [12]. Почти современное сказаніе Космы подтверждаетъ, что Чехи, въ его время, почитали влагу *и огни.* Гаекъ и Бетковскій упоминаютъ о Святоянскомъ огнѣ въ 14 столѣтіи, какъ о развлеченіи Студентовъ при цвѣтущемъ тогда Университетѣ Карла IV. У насъ Стоглавъ 1551 говоритъ также о суевѣріяхъ Иванова дня. Въ началѣ XVI столѣтія Польской поэтъ Рей говоритъ объ обычаѣ скакать вокругъ огня, какъ объ обычаѣ древнемъ. Кохановскій, современникъ Рея описываетъ подробно огонь Святоянскій. Важнѣйшее изъ описанія извлекъ Голенбовскій:

Dwanascie dziewek,
Jednako ubranych,
Bylica, opasanych,
Śpiewać nauczone,
W tancu nie zgamione—

12) P. 468, 490.

Ogien napalono na dworze,
Ciekano rannej zorze—
Od matek maly,
Ze na dzień S. Jana
Sobotka palana и проч.
Gry i Zab. st. 295.

Необъятное множество новыхъ сказаній мы имѣемъ о возжиганіи огня въ ночь съ 23 на 24 Іюня. Общее въ семъ праздникѣ есть то, что молодые люди, мужчины и женщины, холостые и женатые выходятъ изъ селенія съ лпкованіемъ и пѣснями, разводятъ огонь, лучше всего на горѣ, при рѣкѣ, въ рощѣ, пляшутъ вокругъ огня, скачутъ черезъ него, поя пѣсни любовнаго содержанія и гадая, исполнятся ли желанія сердечныя, падежды честолюбивыя, расчеты хозяйственные. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводятъ праздникъ на канунъ Троицыня дня, на понедѣльникъ Петрова поста, (Стоглав.) то это есть отступленіе отъ древности; Бартолома здесъ, описывая обыкновенія Гемерскаго Комптета, впрочемъ говоритъ, что здѣсь возжигаютъ огни и при началѣ *другихъ временъ* года; то же кажется подтверждаютъ и во многихъ мѣстахъ обычаи Россіи: напр. паленіе соломы въ В. Четвергъ или на маслянницѣ. Нѣмцы въ древнихъ Словянскихъ земляхъ или областяхъ, имъ прилежащихъ, жгутъ огни уже въ городахъ; но здѣсь пиво, медъ, денежный сборъ за позволеніе перескочить черезъ огонь, есть уже прямое искаженіе старины. Впро-

чемъ и въ Венгріи Святоянскій огонь переходитъ иногда въ города.

Вникая глубже въ праздникъ Купальницы, найдемъ, что огонь почитался у Словянъ началомъ *высшей животворности*. Такъ въ Сербской старинной Балладѣ Будимская Королева на *живомъ* огнѣ (ватра жива) сжигаетъ рубашку, превращавшую доселѣ сына ея въ чудовище. У насъ на берегахъ Волкова достаютъ огонь въ Иванов день треніемъ сухаго дерева о мокрое, и огонь называется: *живымъ огнемъ* или *Царь-огнемъ*. Имъ окурпваютъ скотину отъ падежа во всей Россіи. То же подтверждаетъ и Мартынъ Урзедомскій, хроникантъ Сендомирскій, писавшій травникъ на Польскомъ языкѣ въ 1590 году, говоря, что Поляки въ его время палили *соботки* и чтобы былъ *настоящій дьявольскій* свѣтъ, достаютъ огонь треніемъ досокъ.

Это дѣйствіе жизни огня при этомъ праздествѣ, въ день стоянія солнца на самой большей его высотѣ, Словяне распространили на всю природу, съ начала на урожай и неурожай. Такъ Русскіе совершая торжество Купальницѣ, ожидаютъ изобиліе плодовъ и хорошей жатвы. [13] Въ Богеміи скачутъ черезъ пламя такъ высоко, какого росту хотятъ имѣть конопель. [14] Въ Сербіи навязавъ факеловъ и береста, и зажегши то и другое, обходятъ такимъ образомъ хлѣвы и пастбища, потомъ уходятъ на го-

13) Абев. *Агр. день.*

14) Tkany, Myth. II. p. 43.

ры и сжигаютъ факелы при пляскахъ. [15]) Въ Малороссіи бѣгаютъ кругомъ огня съ березами, говоря: *кобь мой, ленъ мой, такъ великій, какъ этая фаразина!*

Изъ пѣсней видно, что огни возжигаются для прогнанія болѣзней и злыхъ духовъ: Ускоки держатъ надъ огнемъ малыхъ дѣтей. [16]) Въ Малороссіи нельзя въ Ивановъ день выпустить коня, иначе чародѣйки уѣдутъ на немъ; Сербы въ Ивановъ день для удаленія злыхъ духовъ вѣшаютъ вѣнки на кровляхъ домовъ, на хлѣвахъ. Чехи, высокими прыжками чрезъ огонь, берегутъ себя отъ заколдованія. Польки въ Галиціи припѣваютъ:

«Кто на соботкѣ не будетъ,
У того боль въ головкѣ будетъ.»

Для этихъ цѣлей и колдуны въ этотъ день ищутъ травъ, имѣющихъ власть надъ духами: такъ въ Вильнѣ ходятъ въ Ивановъ день на Росу, въ гористыхъ окрестностяхъ сего города, искать волшебный цвѣтъ папроць, папоротникъ, или кочедыжникъ; исканіе продолжается до полуночи, тогда этотъ цвѣтъ разцвѣтаетъ и въ мгновеніе ока опять опадаетъ. Кто владѣетъ симъ цвѣтомъ, тотъ можетъ быть невидимкою. [17]) По всей Россіи есть также обычай, искать цвѣта кочедыжника, который особенно хвалятъ при исканіи кладовъ. Г. Сахаровъ, въ Сказаніяхъ Русска-

15) Ranke, S. R.

16) Valvasor, Ehr. d. Hgts Krains, IV. p. 88. Tkany, Mythol. II. p. 43. Piesni L. P. w Galicyi.

17) Gry i Zabawy. Големб. ст. 302.

го народа, говоритъ намъ о цѣломъ чародѣйскомъ травникѣ, и представилъ изъ него самыя любопытныя травы, именно: траву Колюку, Адамову голову, собираемую въ Ивановъ день, но имѣющую волшебную силу въ Великій Четвергъ, траву Прикрышъ, разрушающую чародѣйство при свадьбѣ, Сонъ-траву, Кочедыжникъ или папоротникъ, траву Тирличь, сбираемую подъ Кіевомъ на Лысой горѣ, Разрывъ, Прыгунъ или Скакунъ траву, имѣющую свойство разрывать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь на мелкіе кусочки, траву Плакунъ,—страшную бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ Кіевскимъ; траву Не-чуй вѣтеръ, растущую зимою.

Въ Сербской пѣсни вычтены вдругъ девять былій волшебныхъ и съ толкованіемъ:

Милолица да се милуємо,
Калопера, да ме не отера,
Любицице, да ме свагда люби,
Каранфила, да се не карамо,
Чубра цветя, да ме добро чува,
Босиока, да м' оне смете ока
А певена, да му срце вене.
Самдокаса и околочена. 18)

Къ симъ можно присоединить *Перунику* (iris), носящую грозное имя, но служащую нынѣ только для раскрашенія щекъ Сербскихъ красавицъ. Сербская трава Калоперъ извѣстна и у насъ подъ именемъ Ка-

18) Срп. Піесм. I. 349.

нопера (!) и имѣетъ свойство усыплять женщинъ подъ вечеръ, когда хотятъ попытать ихъ въ вѣрности.

Святоянскій огонь впрочемъ не есть только отрицательное средство противъ началъ разрушительныхъ: во многихъ мѣстахъ прыгаютъ черезъ огонь, думая получить долговременную жизнь 19). Словяне Истрійскіе бросаютъ въ огонь чурбанъ и *кормятъ* его еще хлѣбомъ. (ср. кормленіе Перуна, и боговъ въ лѣсахъ Чешскихъ.)

Кто же былъ этотъ Царь-огонь, огонь живый? Чей кумиръ горѣлъ въ огнѣ и ѣлъ хлѣбъ? Ежели свѣтъ, вытираемый изъ деревъ, былъ настоящимъ *дьявольскимъ* свѣтомъ, кто же дьяволъ, духъ свѣта? *Свѣтовитъ*.

Такъ осмѣливаюсь писать это имя и такъ отвѣчать на предложенный вопросъ.

Изъ подробнаго описанія служенія Свѣтовиту, сдѣланнаго Гельмольдомъ и Саксо, которое относится ко времени верховнаго и воинственнаго боготворенія сего идола, ничего не можно извлечь, какъ мы замѣтили, для опредѣленія внутренней природы его. Свѣтовитъ стоитъ, по видимому, отдѣльно, подавая своимъ именемъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ для изслѣдователей, оставленныхъ при этомъ единственномъ средствѣ, опредѣлить его природу.

Самый обыкновенный разборъ сего слова въ формѣ, Swanteuit, употребленной Гельмольдомъ, а потомъ Саксо, — есть разложеніе его на два корня Swant и wit.

19) Tkany, ib.

Но уже эти два элемента, по причинѣ двоякаго и троякаго образа письма ихъ, толкуются различно: одни читая *wid* вм. wjt, переводили имя бога—Sanctus Spectator rerum отъ *видѣти*, videre, spectare; другіе, *читая* также, но пиша wjd, изъясняли имя бога, sanctus Sciens, отъ чешс. wjm, вѣдати, вѣдать, нѣм. wissen, греч. *οιδ.*; читавшіе послѣдній слогъ wit, переводятъ съ Вацерадомъ Mavors; съ послѣднимъ переводомъ согласенъ и Добровскій, Slav. p. 412, 414, сравнивая сей корень съ witez, витязь, heros. Изъясненіе перваго слога казалось неприкосновенно правильнымъ, бывъ основано на употребленіи слова въ сей формѣ Латинскими писателями, и въ формѣ swat Вацерадомъ; siunty, въ потерянномъ Древлянскомъ, swie, ty въ Польскомъ, swaty въ Чешскомъ языкѣ = sanctus.

Впрочемъ уже *wit* и *витязь* едва ли слова одного словопроизводства? окончаніе *язь* въ Словян. діалектахъ всегда сдѣлано изъ нѣм. ing, ig, какъ князь, пѣнязь азъ или язь; *Витъ* могло бы быть *вѣтъ*: fabula μυθος, (Gl. Cloc.), у насъ вѣче, вѣщать, отвѣтъ; у Пол. powjat; Святовитъ былъ бы Sanctus Vates.

Но уже давно и въ первомъ слогѣ *swant*, подобно мнѣ, видѣли *свѣтъ*—слово, взятое въ смыслѣ нравственной чистоты и свѣтлости, образовавшее въ нашемъ языкѣ какъ самое понятіе, такъ и слово, *святый*. И такъ корень обоихъ есть *сіяю*; part. pass. (t) sia-t даетъ swiat, swet, lux и съ ринезмомъ swint, святъ, swat.

2) Можно ли представить, чтобъ древнѣйшій Словянскій богъ (simulacrum antiquissimum, colebatur ab

omni natione Slavorum, Helm), назывался именемъ второстепеннаго значенія?

3) Что касается до Вацерада, то онъ, переводя Маворса именемъ Свѣтовита, не хотѣлъ сдѣлать филологическаго перевода, котораго ожидалъ отъ него Добровскій; Вацерадъ писалъ по послѣднимъ сказаніямъ, по которымъ Свѣтовитъ дѣйствительно почитался истиннымъ Маворсомъ противъ Христіанъ, какъ и другіе боги и богини.

4) Но, что важнѣе, происхожденіе толкованія сего бога Святымъ Витомъ намъ передано исторіею какъ сага и теперь, какъ несообразное съ природою предмета, отвергнуто. Оно произошло, извѣстно, отъ Корвейскихъ монаховъ: легенда сего монастыря говоритъ, что Рюгенцы, обращенные въ Христіанскую вѣру при Людвигѣ Нѣмецкомъ, отпавъ отъ Христіанства, удержали отъ него только имя Вита, покровителя Корвейскаго монастыря, и стали служить сему *Святому, какъ богу*. Сказаніе сіе распространено было на всемъ Словянскомъ Западѣ и увеличило въ послѣдствіи почтеніе новыхъ христіанъ къ Св. Виту;—это сказаніе, произшедшее съ одной стороны отъ желанія Корвейскаго Аббата, имѣть прихожанами Рюгенцевъ, съ другой стороны отъ случайнаго сходства имени верховнаго бога Рюгенскаго Свѣтовита съ именемъ Святаго Вита, уже давно опровергнуто основательно въ концѣ XVII столѣтія Людвигомъ въ соч. de idolis Slavorum 1691 § 10, а за нимъ и другими. Нынѣшніе Историки принимаютъ возможность Корвей-

ской миссіи на островѣ, но не думаютъ о Христіанскомъ происхожденіи Свѣтовита. [20] Гельмольдъ первый, внесшій въ хронику Корвейское сказаніе [21], распространилъ и *согласное своему толкованію* писаніе Свѣтовита именемъ *Свантевитъ*, за нимъ пошли и другіе, между ними и Саксо (LXVI). *И такъ Сванте-витъ есть только толкованіе Корвейское и письмо Гельмольда.*

5) Но я хочу привести прямое доказательство, что въ Сѣверной Германіи, не смотря на общую вѣру въ такое происхожденіе Свѣтовита, имѣли другое, и именно выставленное мною, толкованіе сего бога: сокращатель Гельмольдова сочиненія, безъимянный писатель Словянской Хроники [22], такъ описываетъ упомянутый переходъ Святаго Вита въ Свѣтовита:

«Раняне или Ругіане, во времена Людовика *Втораго*, были обращены нѣкоторыми Корвейскими монахами, создали молитвенницу въ честь Господа нашего Іисуса Христа и Св. Вита, покровителя Корвеи; въ теченіе времени, изгнавъ священниковъ, отпали отъ вѣры, но Св. Вита стали почитать не только Святымъ, но и верховнымъ богомъ, коему воздвигли храмъ и кумиръ, подъ именемъ *Сіантевита*, т. е. *славнѣйшаго* изъ всѣхъ боговъ, почитаемыхъ у Словянскихъ племенъ. Sianthevit, quod dicebatur Gloriosissimus (лучше splendidissimus) omnium aliarum gentium

20) Barthold, Gesch. v. Rug. S. 229.

21) Chr. Sl. I. 6, 52.

22) Lindeb. Scr. rer. Germ. septentr. I. 5.

Slavicarum. Слѣдовательно splendidus въ Полабскомъ языкѣ было sianty; Полабане любили Рпнезмъ: вм. мясо, (Чеш. maso) говорили mangsi, вм. десять disant, вм. пясть pangst, вм. пята (pata) punta, вм. рамено ramang и пр. [23]). Такъ надобно писать *Свѣтовитъ*.

Конечно толкованіе Spectator mundi (Свѣто-видъ, свѣтъ mundus) могло бы имѣть мѣсто, а проименованіе *міра* свѣтомъ также не есть коренное, но переносное; Вацерадъ переводитъ вселенную wez mir.

Свѣтовитъ есть одно слово, по моему мнѣнію, и имя *прилагательное*, подобное многимъ другимъ прилагательнымъ сего рода, какъ (Сербскія) асно-витъ, баро-витъ, вал-овитъ, вѣтр-овитъ, глас-овитъ, гор-овитъ, яд-овитъ, мраз-овитъ и пр. Родоначальникъ дома Пястовъ назывался Зем-овитъ; сюда относится безчисленное множество названій городовъ, селъ и пр. оканчивающихся въ Германіи на witz, напр. Блесковицъ въ Богеміи Jupiter fulgurans.

Мое мнѣніе совершенно подтверждаютъ и другіе богп Германскихъ Словянъ: Яровитъ, Руэ-витъ, По-ре-витъ По-ре-нутъ.

Имя Яровита намъ уже понятно: другая грамматическая форма его есть *Ярило* и *Ясъ*, всѣ трп суть проименованія Словянскаго Юпитера (Jupiter ardens), Перуна. *Перунъ свѣтовитый есть Jupiter*

23) Останки Древлянскаго языка собралъ г. Челаковскій и присовокупилъ грамматическое разсужденіе; трудъ его лежитъ въ рукописи въ Росс. Акад. Saf. Starozh. st. 923.

Lucetius; это есть, что говоритъ Саксо о Свѣтовитѣ, *solennium verborum nuncupatio*.

Святоянскіе огни были праздникъ Свѣтовита: я замѣтилъ, что день *Св. Вита*, *одноимяннаго* у западныхъ Словянъ *съ Свѣтовитомъ*, приходится только за недѣлю *до Иванова дни*; послѣдній, круговый церковный праздникъ, мало по малу перенесъ на себя и торжество Свѣтовитово: въ Славонскихъ земляхъ, по сказанію Фортиса (II 129), Соботку жгутъ не въ Ивановъ день, но въ день Св. Вита, который здѣсь есть большой праздникъ; сей Святый пользуется особеннымъ почтеніемъ у Чеховъ и Сербовъ; первые знаютъ даже коня волшебнаго, по имени *Янекъ*; Свѣтовитъ имѣлъ также коня; у Сербовъ *видовитый* заключаетъ нѣчто чародѣйское. Замѣчательно, что въ Остромировскомъ Евангеліи имя Св. Вита не только упоминается (извѣстно, что эти святцы не полные), но и стоитъ первымъ 15 Іюня, тогда какъ въ общихъ святцахъ первая служба полагается Св. Пророку Амосу; или при Изяславѣ имѣли въ Новгородѣ особенное усердіе къ сему Святому, или, что вѣроятнѣе, Евангеліе со святцами списано съ экземпляра изъ такой страны (Булгаріи), гдѣ Св. Витъ почитался особенно.

Описаніе другихъ упомянутыхъ мною божествъ: Руэвита, По-ре-вита По-ре-нута у Саксо Грамм., или относится ко внѣшности идоловъ и ихъ служенію или характеризуетъ ихъ только, какъ воиновъ [24]. Сло-

24) Saxo Gramm. LXIV. s. 10 ed. Steph.

вянское имя Ругевита (Rugaevit у Саксо Грам., Rinvit или Ranvit въ Скандинавской сагѣ, называемой Knitlinga), образованное по аналогіи одноимяннаго съ нимъ острова Рюгена, который у древнихъ назывался Ruja, Rana, а его жители Rujani, Rugani и Rani, было *Руэ*-витъ, *Рья*-витъ и относится къ корню *руй*-ный, *рья*-ный, и *ярый*. [25]).

Сюда же относятся и имена близнецовъ Руэ-витовыхъ По-*рья*вита и По-*рья*-нута; аналогію образованія чрезъ предлогъ *по* представляютъ Лель-полель, Чуръ-па-чуръ [26]), Люли-по-люли, имена Миѳологическія и другія, напр. рогп, пароги, (у Сербовъ). кости па-кости и пр.

Окончанія *евитъ* и *нутъ* въ словахъ Поревитъ и Поренутъ суть не что иное, какъ замѣчательная модификазія грамматическая, виды многократный и однократный, такъ важные въ нашемъ глаголѣ: случай можетъ быть единственный въ языкахъ, что разныя существа, сходныя по природѣ, но различныя такъ сказать по количеству дѣйствія (quantitas actionis) означены разлпчіемъ грамматическаго вида глагола, котораго разнообразіемъ нашъ языкъ достойно гордится предъ другими собратами Индо-Санскритскаго семейства [27]).

25) Ср. *рекучи* и *аркучи*, въ Сл. о П. Иг.

26) Чуръ-па-чуръ, сходится на дёръ и пр. qui pepedit.

27) Такъ имя Литовскаго демона Pele-*wit*, общаго съ нами по формѣ и по существу, является у Чеховъ въ формѣ Плавникъ, у Литовцевъ окончаніе на unt, (древнее Польское a, t, a, ta) очень обыкновенны: напр. Явнутъ, Кестутъ, Бирута, Данута и пр. Saf. Star. st. 923.

Что одна идея служила основаніемъ для сихъ божествъ, это уже видно изъ того, что Каренца городъ, славившійся древностію, имѣла капища, только этихъ трехъ божествъ близнецевъ, съ исключеніемъ другихъ разнохарактерныхъ боговъ, еще болѣе изъ того, что всѣмъ троимъ приписывается бдительность надъ воздержаніемъ въ любви: именно потому, что имя самихъ боговъ было *ярый*.

Съ Ивановымъ днемъ проходятъ праздники весны и юности; въ возжиганіи огней участвуютъ уже женатые и замужніе.

O Jana, Jana Vagana, swato jàna pàlà
Plna deckow gama,
O Jana, Jana Vagana, aky ge ten mesiac,
Pekne ohradeny
O Jana, Jana Vagana, peknyma wdowami,
Kragsima pannami! 29)

28) Корень *яръ, яс-*(нъ) рья-нъ, основное проименованіе Перуна выражаетъ много предметовъ въ природѣ, которыхъ существо есть *свѣтъ* и *сила растительная*: *Яро* у Западныхъ Словянъ есть весна; наши *весна* и *осень*, неизвѣстныя теперь для Западныхъ Словянъ, суть того же производства; *ярь* называется у насъ жито, посѣваемое *весною* (*яровый* хлѣбъ то же) и связывается съ глаголомъ ярить, Ярилою; другіе виды сего корня суть: *жаръ*, жаркій; *заря, зар*-ница; *зрѣть*, (cf зерно, granum); *зрѣть*, зирать. *Яръ* въ Русскомъ значитъ и бездонную глубину воды, водоворотъ. Если бъ меня не удерживала Словакская форма Паромъ и Парамъ имени нашего громовержца, я сталъ бы искать и въ словѣ Перунъ, какъ и въ словѣ Поренутъ и Поревитъ, той же этимологіи.

29) Nar. Zpiew. I. 424.

Наступаетъ лѣто, время работы, страды. Вацерадъ упоминаетъ о какой то богинѣ *Лѣтницѣ* и переводитъ ее Латоною; предъ жатвою въ Россіи много разсказываютъ о *полудницахъ*, ихъ знаетъ и Вацерадъ, который переводитъ ихъ *дріадами*; *посему* сюда же, кажется, относится и его Діана, по Словянски *Дѣвана*. Длугошъ, спустя два столѣтія, той же Діанѣ противополагаетъ Дзеванну или Зевонію; тоже удерживаютъ Кромеръ, Меховита, Стрыйковскій.

Въ Валахіи, Сербіи, на Балканскомъ полуостровѣ до береговъ Средиземнаго Моря, *дѣвицы, одѣтыя въ зелень*, низводятъ дождь на землю! въ Валахіи, во время созрѣванія плодовъ, дѣвицы избираютъ достойнѣйшую изъ среды своей, украшаютъ колосьями, лентами, вручаютъ ей ключи отъ житницъ, и отправляютъ въ поля, покрытыя житомъ. Удостоенная сего преимущества получаетъ имя Драгайки, бѣжитъ или, лучше сказать, летитъ черезъ поля, распростерши надъ головою покрывало. Другое имя Драгайки есть *Папалуга*; Кантемиръ передалъ намъ даже пѣснію Папалугѣ [30]. У Словаковъ та же дѣвица называется невѣстою, у Сербовъ *додолою*. Сербскій обычай описываетъ Вукъ подъ словомъ *додоле*. Додола называется дѣвушка, раздѣтая до нага, но такъ обвитая травою, зеленью и цвѣтами, что нисколько не видно наготы; такая живая Церера, сопровождаемая подругами, ходитъ отъ двора до двора во время засухи; общество вездѣ составляетъ коло, идутъ танцы, Додола въ

30) Transalp. Dac. v. Sulzer. II. 4. Absch. st. 320. Gr. D. M.

срединѣ. Хозяйка дома выходитъ съ ведромъ воды и обливаетъ Додолу, которая, не обращая вниманія продолжаетъ плясать; тоже дѣлаютъ и въ Греціи, имѣющей въ себѣ, какъ извѣстно, много Словянскихъ элементовъ; здѣсь Додола называется Περπερουνα [31].

Гельмольдъ зналъ въ Сѣверной Германіи богиню *Зиву*, Вацерадъ перевелъ ее *Цереров*.

Кто же эта дѣвушка, играющая роль богини плодоносія, благорастворенаго воздуха? Имя Папалуги для меня непзъяснимо; Додола есть пропменованіе Лады; Пиръ-перуна оканчивается именемъ Перуна, властителя воздушныхъ перемѣнъ.

У Вацерада и Гельмольда имя Цереры есть Зива или Дзива; продолженная форма сего слова есть Дѣвана, Зевонія у Длугоша, Кромера и т. д.

Дѣва есть virgo, puella; древнѣйшее употребленіе сего слова есть им. п. дѣвая, р. дѣвыя, в. дѣвую и т. д. (Slown. Jung); оно показываетъ, что слово есть имя прилагательное, котораго мужескій родъ былъ бы *дѣвый*, *ж. дѣвая*; посредствомъ образовательнаго *и* мы имѣемъ другое имя прилагательное, котораго женскій родъ есть *дѣвана*. Юнгманъ сравниваетъ все слово съ Латинскимъ divus, deive имя богини въ Литовскомъ яз. Тацитъ говоритъ о Германцахъ, что они нѣчто святое и провидящее находили въ женщинахъ: (inesse sanctum aliquid et providum

31) У насъ въ Калужской губерніи, (по разсказамъ Калужанъ) *женщины* во время созрѣванія жита дѣлаютъ заломы: т. е. черезъ голову сплетаютъ колосья, себѣ на спорынью, владѣтелю на голову.

putant) и у насъ нѣкоторыя женщины считались какъ бы божествами; до столкновенія нашего съ восточными народами, которые находили насъ на пути въ Европу, женщины не подвергались унижению предъ мущинами.

Съ именемъ Зивы, Зѣвонїи соединяется имя богини, *Фреи*, почитаемой Скандинавами. Она была богиня любви, изъ рода Вановъ или Словянъ, самая прекрасная, самая добродѣтельная и кроткая изъ всѣхъ Скандинавскихъ богинь, готовая выполнить всѣ желанія человѣческія, любительница пѣсенъ, весны и цвѣтовъ, подруга стихотворцевъ, которыхъ она возбуждала къ пѣнію и внушала чувство [32].

Сношенія Скандинавовъ и Словянъ въ глубокой древности подтверждаются всѣми главнѣйшими Скандинавскими сагами, говорящими о Ванахъ, (такъ насъ зовутъ Финны) о Вильцахъ, Голмгардѣ, Гардарикѣ, Польшѣ и проч. Стурлезонъ говоритъ, что даже въ свитѣ Одина было нѣсколько Вендовъ [33]. Богиня Фрея называлась *Венедскою*, Vanadis (dea Vanorum) Vanagod (numen Vanorum). Суровецкій замѣчаетъ, что она прозывалась еще Vana sif; что рунами имя *ея* писалось Sieba или Tsiba, въ которой мы узнаемъ нашу Зиву, Зевонію. Наконецъ дѣло рѣшаетъ Вацерадъ, который именемъ *Пріи* переводитъ имя Афродиты, начавъ этимъ словомъ свой драгоцѣнный Лексиконъ.

32) Saf. Staroz. s. 45.

33) Thunmann, über die Gottesdienst Alterth. der Obotriten. S. 274.

Корень сего слова есть: Prati, favere, prehim. Отсюда Чешс. Pritel и Pratel, Польс. przyiaciel (Dobr), Русс. пріятель; *попріяй* мнѣ, говоритъ Владиміръ Блуду, Воеводѣ брата своего.

ГЛАВА X.

ДОМОВЫЕ ДУХИ.

Между тѣмъ отправлены *ожинки*, конченъ праздникъ, описанный у Саксо-Грамматика въ Арконѣ; время уходитъ. Осень . . . осень, но она въ народной поэзіи не оставила по себѣ рѣзкихъ воспоминаній; Перваго Сентября въ иныхъ мѣстахъ хоронятъ мухъ (у Литовцевъ также есть богъ мухъ). Въ Октябрѣ, когда Покровъ покроетъ избу, въ Бѣлоруссіи празднуютъ опять праздникъ смерти и кормятъ дзядовъ; еще давно Забой въ Крал. Рук. раздѣлилъ годъ Весною и *Мореною* на двѣ части; теперь природа умирала.

Но и подъ снѣгомъ, подъ инеемъ не совсѣмъ исчезла народная поэзія и вѣра. Жизнь сосредоточилась въ кругѣ семейномъ, въ объемѣ *бѣлаго двора*. Славянинъ, окруженный домашнимъ скотомъ и принадлежностями дома, къ нимъ приковалъ свою думу.

Домашній скотъ теперь вступилъ опять подъ кровъ домовыхъ боговъ. Мы знаемъ нѣсколькихъ покровителей скота. Знаменитѣйшій, но менѣе другихъ

извѣстный, есть Волосъ или Велесъ, *богъ встрѣчающійся у всѣхъ Словянскихъ племенъ.*

Прежде всѣхъ упоминаетъ объ немъ Пр. Несторъ, повѣствуя, что имъ клялись князья Русскіе въ соблюденіи договора съ Греками, и толкуя имя его *скотьимъ богомъ.* Чехъ Вацерадъ переводитъ его именемъ Латинскаго Пана; имя Велеса слышно часто въ устахъ Иллирійскаго Словянина; многія урочища носятъ его имя; Велесъ, по Турецки Кёприли, на Вардарѣ, (Velesos. Script. Byz.) Велешевецъ, Велешковецъ, Велетия, мѣста въ Кроаціи; Велесъ прекрасная гора въ Богеміи; Вольсница, рѣка въ Россіи. 1) На Литовскомъ языкѣ Велесами называются тѣни усопшихъ, приходящихъ къ живымъ, иначе *Навье;* производное отсюда Wel-n-as, есть имя діавола.

Мы не знаемъ, господствовалъ ли гдѣ Велесъ съ могуществомъ Перуна; въ Прологѣ повѣствуется, что Св. Аврамій, крестившій Ростовскую область, разрушилъ въ Ростовѣ кумиръ Велесовъ. Сюда примыкаетъ одно изслѣдованіе въ Сѣверо-Германской Исторіи. Кто незнаетъ знаменитаго города Юлина! Адамъ Бременскій знаетъ много чудеснаго о семъ городѣ, 2) еще болѣе позднѣйшіе историки, утверждавшіе, что сей городъ, богатый и пышный, поглощенъ волнами Балтійскаго моря такъ, какъ онъ былъ. Здѣсь Словяне также ревностно совершали служеніе богамъ своимъ. Андрей, жизнеописатель Св. Оттона,

1) Schaf. v. d. Abk. der Slav. S. 178.

2) Ad. Br. II. 12.

повѣствуетъ, что Св. Бернардъ, первый Христіанскій проповѣдникъ въ семъ городѣ, нашелъ здѣсь столбъ огромной величины, 3) предметъ народнаго идолослуженія. Сей Историкъ съ своей стороны представляетъ, что этотъ столбъ посвященъ былъ *Юлію Цезарю* (?), отъ котораго и *самый городъ назывался Юлиномъ*. (!) Другой жизнеописатель Оттона говоритъ, что въ этомъ столбѣ воткнуто было копье Юлія Цезаря и, что здѣсь, при началѣ лѣта, совершали празднество въ честь какого-то идола, при величайшемъ стеченіи народа и съ гаданіями. Копье это, повѣствуетъ третій писатель жизни Оттона, такъ заржавѣло, что оно никуда не годилось.

Очевидно, что это копье есть принадлежность какого нибудь главнаго воинственнаго Юлинскаго бога, вооруженіе Свѣтовита, Руэвита и боговъ Ретрскихъ; праздникъ, при стеченіи многочисленнаго народа, въ началѣ лѣта есть одинъ изъ весенныхъ праздниковъ.

Но любопытно знать, какъ звался богъ Юлина. Писатели намекаютъ, что онъ былъ посвященъ Юлію Кесарю; Нѣмецкіе писатели именуютъ сѣвер-

3) Servus Dei Bernhardus correpta securi Columnam mirae magnitudinis Julio Caesari, a quo urbs Julin nomen sumpsit dicatam, (!) excidere aggressus est. Andr. L II. p. 113. Jasch. p. 462. Ludew. Julin a Julio Caesare condita et nominata, in qua etiam lancea ipsius columnae mirae magnitudinis ob memoriam eius infixa servabatur, cuiusdam idoli celebritatem in initio aestatis maximo concursu et tripudio agere solebat. L. III. p. 161, Jasch, p. 490 Lud.

наго *Юла;* но откуда Словянскіе аттрибуты въ честь богу Норманскому?

Имя Юлина, по изслѣдованію новѣйшихъ историковъ, звучитъ и донынѣ въ сосѣднемъ съ нимъ островѣ *Волинѣ* и въ ближнемъ городѣ Волгастѣ. Послѣдній городъ, во время Гельмольда, назывался *Julia Augusta* apud urbaniores, propter conditorem *Julium Augustum*.

Единственное божество, общее западнымъ и восточнымъ Словянамъ, именующееся симъ словомъ, есть Волосъ, въ другой формѣ Велесъ, какъ Волыняне и Велыняне, Волинъ и Велинъ, Волоты и Велеты или множеств. Велетове (Veletabi); къ сему имени примыкаютъ имена Юлина, Волина и многія другія, напр. Велегостичи, другая форма для Волгаста, встрѣчающаяся въ жизнеописаніи Св. Димитрія, при напменованіи одного племени въ Θессаліи; отсюда нынѣшній заливъ Воло [4]).

Можетъ быть точно, какъ думаетъ Глинка, *велій*, есть корень сего слова. Въ словъ о Полку Игоревѣ вѣщій Боянъ называется *Велесовымъ внукомъ*.

Впрочемъ богъ Волосъ, кажется, бдѣлъ надъ скотомъ въ поляхъ; Вацерадъ его именемъ переводитъ *Пана*. Въ теченіе зимы скотъ хранила болѣе забота хозяина и любовь *домовыхъ духовъ*; хлѣвъ входилъ необходимо въ опеку боговъ: хлѣвы окуриваютъ въ Ивановъ день, обходятъ съ горящими факелами, на нихъ ставятъ кре-

4) Saf. Star. I. 625.

сты въ праздникъ Коляды; въ хлѣвахъ вѣроятно висѣли каменные боги.

Скотъ долженъ пріобрѣтать любовь *Домоваго*. Домовый живетъ во всякомъ домѣ, шатается въ немъ по ночамъ и, полюбивъ какую нибудь скотину, самъ ходитъ за ней, у лошади искусно заплетаетъ косы на гривѣ, подкладываетъ ей сѣно; животное добрѣетъ на счетъ другаго, котораго не взлюбитъ домовой и которое не по двору. То же дѣлаетъ у Чеховъ и Словаковъ Пикуликъ, который также откармливаетъ лошадей, хотя бы имъ не давали корму. Названіе Пикулика напоминаетъ, какъ и слово *пекло*, Литовскаго бога Пикола, бога ада. Вѣрятъ, что кто изъ людей принимаетъ подарки отъ Пикулика, тотъ платится съ нимъ душею.

Домовый есть собственно господинъ всего дома; въ какихъ отношеніяхъ онъ состоитъ къ другимъ духамъ, сказать трудно. Въ домашней жизни окружаютъ Словянина полки духовъ: общее названіе ихъ *дясы* и *бѣсы*; 5) у южныхъ Словянъ кромѣ Пикулика вѣрятъ въ Рарашковъ, божковъ счастія и несчастія, особенно въ игрѣ, въ жребіи, въ корысти; онъ такъ малъ, что его можно держать въ кошелькѣ; у Чеховъ онъ зовется Рарахъ и вертитъ траву и песокъ во время вихря; *Matóha* виновница безпокойства и *суматохи*; *Бобакъ*, бубакъ, пугало для дѣтей у Чеховъ и Словаковъ; Bembel у Дубровчанъ, Bobon у Поляковъ. *Влколакъ* и *Врколакъ* у Словаковъ, Вукодлакъ у Сербовъ есть человѣкъ, въ котораго, спустя 40 дней по-

5) Deivas, имя бога въ Литовскомъ, ср. Дивъ.

слѣ смерти, входитъ нечистый; Вукодлакъ выходитъ изъ гроба, давитъ людей въ избахъ и пьетъ ихъ кровь.

«*Мура,* (olim et Sl. Mora, dem. murka, Pol. mor, mora, Zmora, душнота ночью, происходящая отъ крови, которую простой народъ приписываетъ демону)— домовое существо, враждебное людямъ—изъ царства *смерти.* Отъ сего корня произошли многія другія существа: *Марасъ*, всегда встрѣчающійся съ *Карасъ.* Марасъ, Карасъ, существа враждебныя, но неясныя: *Моруси, Моруззи,* кобольты, существа лѣсныя у Вацерада, и наконецъ наша безпокойная *Кикимора*, которая прядетъ ночью, когда всѣ лягутъ спать, дергаетъ мочки, путаетъ простни, играетъ съ котомъ, роняетъ посуду и дрова въ лоханку, шорошитъ подлѣ постели; ея имя есть полу-Литовское и полу-Словянское: *кики* на Лит. значитъ *конопля.* 6) Къ этому разряду я отношу и Несторову *Семаргла*, изъ которой Стрыйковскій сдѣлалъ Зимцерлу; ея имя встрѣтилъ я въ описаніяхъ суевѣрій обромашизированныхъ Словянъ, Валаховъ: у нихъ она называется Зой-Марпзеле. Сульцеръ 7) описываетъ ихъ феями, которыя поутру въ Великій Четвергъ, когда во всѣхъ домахъ зажигается огонь (ср. солому палить, въ Стоглавѣ) ходятъ кругомъ и, если найдутъ спящую женщину, дѣлаютъ ее неспособною къ работѣ. (!) (У насъ такая вѣра существуетъ о праздникѣ Благовѣщенія). Какъ

6) D. Lith. Vört. von Mielke.

7) II. § 129.

ни недостаточно это объясненіе, но мы по крайней мѣрѣ въ правѣ утверждать, что корень слова marize-le есть Mura, Maras.

Карасъ близнецъ Словакскаго Марасъ находитъ у Нестора другую форму въ Корсѣ. Къ несчастію Словакская сага не изъяснила природы Карасъ; Преподобный Несторъ не оставилъ также толкованія своего Кораса или Корся. Въ Сл. о П. Иг. вопинственный Всеславъ волкомъ перебѣгалъ путь великому Хърсу; по Литовски *Karas* значитъ споръ, войну: *Maras* какъ и Словянское значитъ *умираю,* это бро́саетъ свѣтъ и на Хорся и на Семарглу. Напротивъ я ничего немогъ открыть для истолкованія Мокоша; замѣчу только, что Волосъ, Кор(о)сь (вмѣсто Карасъ), Марасъ, (Марицела есть уменьшительное, какъ Додоле) и Мокосъ имѣютъ *окончанія* а первыя три, и *значенія Литовскія*: въ языкѣ Литовскомъ мужескія имена перваго склоненія оканчиваются на as.

Особенный родъ духовъ, живущихъ въ домѣ, извѣстенъ подъ именемъ вѣдьмъ; вѣдьмы осмѣливаются кушать съ домоваго стола, когда не обернутъ посуды вверхъ дномъ; ихъ столько же, сколько и домовыхъ; онѣ собираются однакоже иногда всѣ въ одно мѣсто: въ Польшѣ на Лысой или Бабьей горѣ; въ Россіи также на Лысой горѣ, противъ Кіева; здѣсь самыя злыя вѣдьмы; для ночной ѣзды онѣ употребляютъ старую метлу, помело, кочергу, ось, скотину, а иногда и людей; часто въ вѣдьмъ обращаются и хозяйки дома, для удовольствія быть духами. Домовые духи ни злы, ни добры

по природѣ, когда домовой покажется безъ огня, между вереею и заборомъ, близъ постели въ ногахъ, какъ нѣчто теплое и мягкое, то одна смѣлость предастъ вамъ его въ руки: должно его схватить вдругъ или *зачурать: Панъ Чуръ*, такъ невѣжливо превращенный нами *въ чур-бана*, останавливаетъ на мѣстѣ всякую дѣйствующую нечистую силу; другіе спрашиваютъ домоваго *къ добру* явился онъ или *къ худу*, и онъ глухимъ полувнятнымъ голосомъ, особенно хозяину дома, отвѣтитъ, къ добру или къ худу!

Въ самомъ домѣ порогъ, очагъ и хлѣбъ на столѣ суть священные предметы для Словянина.

Выходя изъ дома въ первый разъ должно переступить *порогъ* правою ногою; не хорошо воротиться назадъ съ порога; у насъ народъ говоритъ: *первую лѣпешку съѣсть на порогѣ* хозяину или хозяйкѣ; иногда это и дѣлаютъ. Ласицкій нашелъ то же въ Литвѣ, и здѣсь порогъ есть священное мѣсто! Литовецъ говоритъ: «если бы твой самый большой врагъ пришелъ и сѣлъ на твой порогъ, прости ему: надъ порогомъ и подъ порогомъ витаетъ счастіе твоего дома. И у насъ вымарать, изрубить порогъ есть злая обида; на порогѣ лечатъ утинъ (смотр. выше): вѣроятно здоровье семейства есть предметъ попеченія генія дома. Наименованіе прекрасной Чешской Праги, по сказанію Космы Пражскаго, дано будто земледѣльцемъ, дѣлавшимъ порогъ. Cosm. L. I.

Очагъ есть внутреннѣйшее, незримое святилище дома: думаютъ, что не хорошо давать огня изъ горна

печнаго; новый семьянинъ, навсегда вступающій въ домъ подводится къ отверстію печи.

Въ Австріи *хлѣбъ* носятъ отъ колдовства; кто ищетъ клада, долженъ также имѣть хлѣбъ подлѣ себя; нечистая сила, чувствуя хлѣбъ, бѣжитъ; нельзя хлѣбъ класть внизъ верхнею коркою; нельзя стола накрыть, не положивъ немедленно хлѣба; совѣтуютъ даже класть хлѣбъ въ деньги: онъ будетъ хранить ихъ отъ летающихъ змѣй и пр. [8].

Между тѣмъ внѣ дома царствуетъ *Морена*: злымъ духамъ, скрывшимся подъ землею отъ свѣта, тѣсно, они вылетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ и дуютъ въ кулакъ; отъ того морозъ сдавливаетъ снѣгомъ *жито*, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ, отъ дутья въ кулакъ вѣтеръ; метелица и иней садятся на деревья [9].

А люди сидятъ при блѣдномъ свѣтѣ, воспоминая о веснѣ; вдругъ въ замерзлое окно ударяетъ нежданая рука; вы содрогнулись, и хриплый, извращенный голосъ Коледника вамъ прохрипитъ: *пожили, полукавили, пора умереть*!

Конецъ.

8) Суевѣрія у Якова Гримма, относящіяся къ Словянскимъ землямъ.

9) Ск. Р. Н. Сах.

ПОЛОЖЕНІЯ

ИЗЪ НАУКИ СЛОВЯНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

I. Словянскій народъ есть коренный Европейскій.

II. Нельзя положительно утверждать, что коренные жители нынѣшней Сѣверовосточной Германіи были Германскаго происхожденія.

III. Словяне вѣроятно вмѣстѣ съ Германцами участвовали въ борьбѣ съ древними Римлянами.

IV. Словяне до Кирилла и Меѳодія употребляли письмена Греческія, Латинскія и вѣроятно Руническія.

V. Словянская Миѳологія знаетъ только о антропоморфическомъ изображеніи боговъ Словянскихъ: Бамбергскій кумиръ Чернебога есть созданіе воображенія Яна Коллара.

2007040103